

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. А. Веденин (председатель)

А. И. Зорин

А. П. Ненароков

М. О. Чудакова

О. Н. Постникова,

А. С. Янович

ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА
история России
в воспоминаниях,
дневниках,
письмах

Н. А. ШЕМАНОВА

СЕМЕЙНАЯ ФОТОГРАФИЯ НА ФОНЕ РЕВОЛЮЦИИ

МОСКВА **новый хронограф** 2018

УДК 94(47).084(092)(093.3)

ББК 63.3(2)6-8ю1

Ш46

Шеманова Н. А.

Семейная фотография на фоне революции. – М.: Новый хронограф, 2018. – 216 с. – (Серия «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах») – ISBN 978-5-94881-417-9

Книга посвящена истории семьи, воссозданной на основе дневников, писем и воспоминаний из семейного архива, а также документов из различных государственных архивов. Перед читателем предстают яркие образы отдельных людей, и судьба каждого из них неразрывно связана с трагическими страницами истории страны. Автор отмечает: «В моей семье были люди разных политических и религиозных взглядов, разных сословий. Среди них есть те, кто когда-то стоял на разных сторонах баррикад: красные и белые, евреи и анти-семиты, дворяне и крестьяне. И они все во мне: в моей памяти, в моей душе. И все они теперь разместились на моей общей семейной фотографии памяти, и лица всех я вижу отчетливо».

Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Н. А. Шеманова, 2018

© Издательство Новый хронограф, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
МОИ ДЕДУШКА И БАБУШКА ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ И ЕФРОСИНЬЯ ИОСИФОВНА НИКИТИНЫ	9
ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ МОЕЙ БАБУШКИ	
РАИСЫ БАРАЦ	14
Паныч. <i>Первый рассказ дяди Исаака</i>	16
На рысаке. <i>Второй рассказ дяди Исаака</i>	25
Пути-дороги. <i>Третий рассказ дяди Исаака</i>	30
Мой дедушка Давид – «японский шпион»	52
Старая фотография	61
Письма Веры Барац из мордовского лагеря НКВД	67
СВЕРДЛОВСК–МОСКВА. 1942–1943 гг.	89
Письма Раисы из Москвы в Свердловск	92
Письма Раисе из Свердловска в Москву	100
Письма Вячеслава Рикмана Раисе	125
После возвращения в Москву	155
О ВЯЧЕСЛАВЕ РИКМАНЕ	158
Ольга Брянцева о своих братьях, Славе и Владимире Рикман	161
Письма Н. И. Кареева Вячеславу Рикману	168
Из военных дневников Вячеслава Рикмана. 1917 г.	183
Из биографии В. В. Рикмана в советское время	194
О МАРИИ РИКМАН, СТАРИННЫХ ЧАСАХ И ДР.	202
«Из блокадного Ленинграда – в немецкий концлагерь». Письмо из архива Елизаветы Ричи	206
Бабушкины бусы	211

В основе книги лежат дневники, письма, воспоминания из домашнего семейного архива и документы из различных государственных архивов. В книге описаны мои чувства и мысли, которые возникали при знакомстве с документами. В работе над книгой мне помогали мой муж Алексей, сын Иван и дочь Мария, которые участвовали в расшифровке и осмыслении прочитанного. За что приношу им большую благодарность.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наступил момент в моей жизни, когда меня стала интересовать жизнь моих близких родственников – родителей, дедушек и бабушек. Вспоминая мою большую семью – всех тех, кто не только имел отношение к моему рождению, но и тех, кто меня воспитывал, я представляю их изображенными на большой фотографии. Это наш семейный портрет. Лица моих близких видны по-разному. Чей-то облик я вижу отчетливо: они будто смотрят на меня. Кто-то явно занят своими делами и случайно принял участие в съемке. На лица некоторых почти не падает свет. Если не говорить о родителях, то среди всех моих родных ближе всего для меня была моя бабушка Раиса. Ее лицо освещено солнцем и хорошо видна каждая черточка на ее красивом лице. Рядом с ней стоит дедушка Вячеслав. В глубине снимка за плечом бабушки Раисы вырисовывается силуэт дедушки Давида. Он не смотрит на меня и черты его лица плохо улавливаются из-за густой тени, падающей на лицо. Я его никогда не видела, да и писем от него не осталось. Чуть поодаль сбоку стоят улыбающийся дедушка Вася, а бабушка Ефросинья отвернулась и смотрит назад. У бабушки с дедушкой мы с братом отдыхали каждое лето. Но с ней у меня были сложные отношения.

Первая половина двадцатого века стала для России временем перемен. Эта эпоха начинается революцией и заканчивается самой страшной войной в мировой истории и смертью Сталина.

Все мои бабушки и дедушки были юными, когда произошла революция. По-разному сложились их жизни в первой половине века. В конце этой эпохи все, кого она пощади-

Предисловие

ла, были зрелыми людьми. На их долю выпало много испытаний. Помимо революции и великой отечественной войны, они пережили Первую мировую, Гражданскую войну, коллективизацию, сталинские репрессии. И пережили они их по-разному.

МОИ ДЕДУШКА И БАБУШКА ВАСИЛИЙ ИЛЬИЧ И ЕФРОСИНЯ ИОСИФОВНА НИКИТИНЫ

Мой дед со стороны отца, Никитин Василий Ильич, 1893 г. р., родился в крепкой работающей крестьянской семье в деревне Гнездово Смоленской губернии. Они были из крепостных. У дедушки были братья Осип и Григорий, а также сестра Ольга. Семья была настроена на то, чтобы дать детям образование. В 1912 году Василий окончил Реальное училище в городе Смоленске. Когда началась Первая мировая война, был мобилизован на фронт в качестве рядового. В 1915 году окончил школу прапорщиков в Пскове. Полк его неоднократно уничтожался, выжившие получали повышение. Был награжден двумя орденами святого Георгия. Имел 15 ранений. Революцию он встретил в чине штабс-капитана под Ригой, потом был разжалован. Дедушка Вася в Гражданскую войну воевал на стороне красных в Сибири в 1919 г., а потом на Украине. Он хорошо знал Блюхера. Вернувшись с фронта, после войны женился на вдове своего брата-близнеца Григория – Ефросинье Иосифовне (в девичестве Сибильковой), которая в то время имела уже двух сыновей – Александра и Николая. Григорий умер от менингита. В 1923 году у Василия и Ефросиньи родился сын Алексей – мой отец.

В 1930 году семья подверглась раскулачиванию. В справке сельсовета села Гнездово Смоленской губернии было написано, что семья Василия до революции была кулацкая. «До революции имел хозяйство кулацкое, имел свою мелочную торговлю, все виды с. х. машины, имели постоянных батраков, было по 6 лошадей, 10 коров, земли 40 га».

По этим признакам в 1930 году хозяйство его было обложено индивидуальным налогом и все были лишены избирательных прав. Затем хозяйство было ликвидировано окончательно. Брата Осипа Никитина выслали. Однако сестра Ольга продолжала жить в Гнездово, и ей впоследствии восстановили избирательные права. Чтобы избежать высылки, Василий с семьей бросил свой дом, хозяйство в деревне и завербовался на работу во Владивосток, где стал работать десятником по ремонту барачных корпусов для грузчиков порта, а Ефросинья работала поваром. Семья жила в бараке в торговом порту.

В 1934 году Василия арестовали, судили по статьям: 58–10 и 59–3 «в» УК РСФСР. В обвинительном заключении было написано «бывший офицер царской армии, торговец-лишенец, кулак <...> ведет антисоветскую агитацию, разлагает рабочих, дезорганизует производство на транспорте». Из допросов следовало, что он выражал недовольство, что не привозили вовремя материалы, из-за чего работа останавливалась, и что платят мало и задерживают зарплату. Приговорили его к 5 годам концентрационного лагеря, а Ефросинью с тремя несовершеннолетними детьми предписали в течение 10 дней покинуть г. Владивосток. И она, неграмотная женщина, вынуждена была через всю страну ехать в Смоленск, где их никто не ждал, так как Ефросинья была сиротой и росла со старшей сестрой.

После суда дедушка Вася написал письмо Калинину, из-за чего он сумел досрочно освободиться. Василий на Дальнем Востоке строил железную дорогу в г. Комсомольске-на-Амуре. Освободившись в 1937 году, он вернулся в Смоленск к своей семье. Период с 1934 по 1937 год был полон лишений: семья жила впроголодь. Мой отец иногда угощал меня в детстве тюрей. Это вода с покрошенным черным хлебом и луком с небольшим количеством подсолнечного масла. Вероятно, так ела в своем детстве бабушка, и потом в голодные годы она кормила так своих сыновей.

Этот период, связанный с заключением их отца, ни один из трех сыновей никогда не вспоминал. По прибытии в Смоленск Василий завербовался на работу на Ленские золотые прииски в Бадайбинский район Иркутской области. В Сибири они прожили до 1957 года, после чего переехали в город Обнинск.

Мы к ним часто ездили в детстве. Дедушка увлеченно рассказывал о своей жизни. Мой брат Леонид Никитин (ныне – Арье Барац, израильский религиозный журналист) вспоминал: «Дед мой фигурой был довольно колоритной. На всю жизнь сохранилась в нем офицерская выправка и какая-то глубокая и подлинная удаль. В конце пятидесятых он перебрался в Калужскую область, где выстроил частный дом, здорово смахивающий на барак. Дистанция между нами совершенно отсутствовала. Закрытых тем не существовало, и его рассказы об окопах, ранениях, играх с господами офицерами в «девятку» и, конечно же, о сталинских лагерях и золотых приисках поражали мое детское воображение. Его удаль и двужильность служили мне в ту пору, пожалуй, единственным всезатмевающим образцом».

Если мой брат общался с дедушкой, то я преимущественно общалась с бабушкой. В отличие от добродушного и веселого дедушки, бабушка была довольно мрачной и суровой. Она мало улыбалась и многим была недовольна. Она не любила вспоминать свою жизнь. Иногда залезала в муравейник при прогулке в лес, считая, что это поможет от болей в ногах. Меня всегда это и изумляло, и восхищало. Бабушка была неграмотной. В четыре года она осталась сиротой, и ее воспитывала старшая сестра. У меня до сих пор в ушах звучит тоскливая песня, которую она часто затягивала:

*Вот умру я, умру я,
Похоронят меня
И никто не узнает,
Где могилка моя.*

Бабушка при встрече всегда целовала меня в губы. Мне это не нравилось, но за таким поцелуем чувствовалась простота, открытость и искренность. Бабушка была «классической» свекровью и была недовольна всеми своими невестками и ругала их. Моей мамой она была недовольна, так как та была еврейкой, а бабушка была антисемиткой. Дедушка Вася ее пытался урезонить.

«Довольно часто я слышал возглас: «На ялрейке жанился! Тьфу!»

Да я сам еврей, Фросинька, – обычно благодушно отзывался на эту ее реплику дед, и дальше плел что-то про своего смуглого пращура, явившегося в Гнездово невесть откуда» – вспоминал мой брат.

Для меня и моей мамы это было тяжелым испытанием, так как она настраивала меня против моей мамы, и в моем раннем детстве, когда я возвращалась домой от бабушки, я все говорила маме. А моя любимая мама – добрая, скромная, терпеливая женщина, очень страдала от этого и плакала. А дедушка Вячеслав, который всегда гневался на малейшую несправедливость, отчитывал меня: «Я был бы счастлив, если бы во мне текла кровь этого народа», – говорил он мне горячо. Я до сих пор помню его слова и его гневное лицо.

Потом, повзрослев, я перестала говорить что-либо маме, но всякий раз, гостя у бабушки, плакала от ее слов, закрывшись одна в комнате. И во все те годы, когда я ездила навещать бабушку с дедушкой, мне было очень тяжело. Но вместе с тем я их жалела. Они всегда мне радовались, а бабушка называла меня «кровинушкой». Меня никто так не называл кроме нее, и это слово задевало меня, и я чувствовала некую глубинную связь с бабушкой.

Всю жизнь я помнила и не могла смириться с антисемитизмом бабушки. Эта травма беспокоила меня многие годы. Прошло много лет, и я наткнулась на письмо, написанное незнакомым почерком. Кто его написал? Подписано оно было – «твоя бабушка». Но бабушка Фрося не умела

писать, а у бабушки Раи был другой почерк, – размышляла я. Вчитываясь, я поняла, что это письмо от нее, от бабушки Фроси. Она не умела писать и попросила, вероятно, свою квартирантку написать от ее имени письмо, и та помогла выразить ее мысли и чувства.

«Дорогая Наташа! Получила твое письмо из Феодосии. Большое тебе спасибо, что не забываешь бабушку. Я была очень-очень рада. Ты молодец, что и летом занимаешься хорошими делами. Когда я была маленькой, я очень много работала и совсем не отдыхала, у меня никого из родных не было. Все приходилось делать самой. И я очень рада, что ты счастливая, у тебя две бабушки и два дедушки, и папа с мамой.

И я желаю тебе много счастья, здоровья и успехов в учебе. Будь всегда хорошей, умной и послушной девочкой. А я тебя всегда буду любить и ждать в гости.

Передавай привет папе, маме, дедушке и бабушке. Жду от тебя писем.

Целую тебя крепко. Твоя бабушка.

Дедушка из Калининграда еще не приехал. Я живу одна, и мне очень скучно, и никто ко мне не приезжает».

Эти строки всколыхнули воспоминания о ней и сблизили нас. Она как-бы повернулась ко мне лицом и наши взгляды встретились.

Бабушка Фрося умерла в 1976 г., а дедушка Вася в 1978 г. в Калининграде, куда они в старости переехали к сыну Николаю.

ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ МОЕЙ БАБУШКИ РАИСЫ БАРАЦ

Хотя семья моего отца прошла много испытаний за свою жизнь, но я ее считала всегда довольно благополучной по сравнению с семьей моей мамы. В моей памяти бабушка Раиса осталась красивой, жизнерадостной и сильной. Все мое детство и юность прошли рядом с этой женщиной.

Моя бабушка по материнской линии, Барац Раиса Семеновна (при рождении Рахиль), родилась в 1903 г. в городе Ровно. Ее отец, Семен (Симха) Барац работал в магазине бухгалтером. Мать Сарра содержала дом и воспитывала 5 детей. Кроме Раисы в семье воспитывались сестра Вера (Ревека) и братья – Исаак, Израиль и Дмитрий (Мордахой). Бабушка рассказывала о том, что для евреев были ограничения при поступлении в гимназии. Был процент для каждой гимназии. В ее городе ей не удалось устроиться учиться, и бабушку Раю отдали в частную гимназию в другом городе, из-за чего ей приходилось вставать полшестого утра и ездить в школу на поезде. Ее гимназия принадлежала баронессе. Раиса как-то шла по коридору и случайно слегка махнула рукой. Баронесса увидела это и сделала ей замечание.

– Я знаю, что вы воспитанная девочка. А воспитанные девочки не машут руками.

Бабушке нравилась эта гимназия. В гимназии устраивались балы, и бабушка тогда одевала красивую шелковую черную блузу с кружевами, принадлежащую ее матери. Чтобы помогать родителям, Раиса и ее братья давали частные уроки. Когда семья праздновала пасхальный Седер, то в празднике обычно участвовали солдаты-евреи, которых отпускали со службы.

Дом оставался гостеприимным и в моем детстве. К нам иногда приезжали в гости братья бабушки, дядя Исаак и дяди Израиль, которого мы звали дядя Сюзик. Дядя Сюзик был очень светлый и веселый человек. Я его очень любила и чувствовала, что он меня тоже любит. Дядя Исаак был менее эмоциональным. Я его помню высоким, в пиджаке, гладко выбритым. Когда мы ездили летом с бабушкой в Крым, и поезд стоял несколько минут в Харькове, дядя Исаак с женой подходили к нашему вагону и приносил домашние пирожки с вишней. Он всю жизнь вел занятия со студентами в Харькове, некоторое время заведовал кафедрой. После выхода на пенсию писал воспоминания об их детстве и юности. Три из своих воспоминаний он прислал бабушке Рае.

ПАНЫЧ

Первый рассказ дяди Исаака

Существовали в давние времена, почти шестьдесят лет тому назад, когда у власти стояли помещики и капиталисты, такие слова, которые в наши дни вышли из употребления. Дети наши, внуки наши их не слышат и не понимают ни их содержания, ни смысла. Вот некоторые из этих слов: Ваше величество, Ваше высочество, Ваше сиятельство, Ваше превосходительство, Ваше благородие, барин, барчук, пан, паныч. Слова эти после Октябрьской революции вышли из оборота и нигде не услышишь. Разве только в старой литературе их можно встретить. Нет нужды объяснять здесь смысл всех этих слов, для кого они предназначались и кому адресовались. Скажу только коротко: для царей и особ царствующего дома, для князей, графов, баронов, генералов, для помещиков и капиталистов, одним словом, для власть имущих, для богатых господ и панов. И уж во всяком случае, не для таких, как я, бедняков, у которых не было ни кола, ни двора, за душой ни гроша, один форменный, изрядно тронутый временем ученический костюм, такая же шинель, одна пара довольно поношенных ботинок, пара галош и кой-какое бельишко. Все мое имущество помещалось в одном небольшом чемодане, занимающая половину его. Вторая половина предназначалась для тетрадей и учебников, которых у меня было очень мало по той простой причине, что не на что было мне их покупать, и я пользовался учебниками состоятельных моих одноклассников. Так мы, бедняки, кухаркины дети, тогда жили, так учились. Справедливости ради отмечу, что учились мы, бедняки, неплохо и по успеваемости, как правило, всегда

были впереди класса. Преподаватели наши выделяли нас, относились к нам с уважением, часто даже с любовью, и ставили в пример сынкам и дочкам богатых родителей, которые смотрели на нас с некоторым пренебрежением: что, мол, с них взять, – с голодранцев. Чтобы лучше понять то, о чем будет рассказано ниже, необходимо отметить, что слово «пан» польского происхождения и означает то же, что русское слово «господин». Прислуга (было когда-то и такое слово) – дворники, кучера, конюхи, садовники, горничные, кухарки, няни и другая челядь, обслуживающая господ и панов и полностью от них зависящая, называла панских детей, мальчиков и юношей, панычами. Само собой разумеется, что меня, яркого представителя династии бедняков – голодранцев, никто никогда панычем не называл. Это милое слово, будь оно адресовано ко мне грешному, звучало бы обидно, как злая ирония, как издевка, как оскорбление. И все же, когда мне шел восемнадцатый год, я удостоился услышать в мой адрес это заветное слово «паныч». Услышать из уст прекрасной девушки, красивой и молодой, девушки с голубыми, почти васильковыми, глазами, очаровательными ямочками на щечках, с обворожительной улыбкой и белыми, как снег зубками, то выглядывавшими, то прятавшимися за алыми сочными губками. Губки эти, казалось, просили: ну поцелуй же нас. Чтобы никого не искушать, скажу сразу: нет, я никогда эту милую девушку не целовал, хотя честно признаюсь, мне очень хотелось это сделать, уж больно хороша она была. Каюсь, велик был соблазн, да и было мне тогда восемнадцать лет, возраст для таких дел самый подходящий. По той только причине не поцеловал, что меня вместе с этой милой девушкой могли бы вышвырнуть из дому, и в моем бюджете немедленно образовался бы дефицит в двадцать пять рублей, деньги для такого паныча-бедняка по тем временам немалые. Но, повторю, панычем меня все-таки называли, и я имел возможность испытать прелесть этого слова, произнесенного в мой адрес устами такой очаровательной девушки.

Это было в 1916 году, осенью, в октябре месяце в городе Александровске, ныне Запорожье. Я был тогда учеником седьмого класса Александровского коммерческого училища имени графа С. Ю. Витте, занимался репетиторством, бегал с урока на урок и на заработанные деньги жил, да еще помогал своим родителям. Был у меня урок у одного генерала. Жил он в полосе отчуждения железной дороги в довольно большом парке. Далеко в глубине этого парка стоял приветливый особняк, вероятно, комнат на десять. К парадному подъезду его вела узкая, выложенная плитам дорожка, шириной не больше метра, по обеим сторонам которой тянулись цветники, клумбы, декоративные насаждения. Несколько дальше, в глубине парка, просматривались статуи красавиц, гладиаторов, беседки. Сын генерала, его звали Володей, учился в том же коммерческом училище, что и я. Он и был моим учеником, с которым я готовил уроки, повторяя пройденное, не давая угаснуть еле теплившейся в его слабом мозгу искре знаний. Я с ним в свое время набрался хлопот через край. Мало того, что у него были весьма ограниченные способности, он еще и не хотел заниматься, не любил учиться и делал это из-под палки. Он был, как тюбик: нажмешь – работает, не нажмешь – не работает. Он и теперь, спустя пятьдесят девять лет, как живой, стоит у меня перед глазами. Высокого роста, худой, узкие покатые плечи, длинные, как у шимпанзе, руки, маленькая голова на плечах, узкий малообещающий лобик, острый, как лезвие ножа, нос. На лице его написаны были все добродетели за исключением одной: способности мыслить. Он был неплохим парнем, очень добрым, оказывал мне много знаков внимания, но способностей, увы, никаких. Не знаю, отчего у него это было – то ли от лени, то ли от природы – бог его что ли обидел. На нем можно было проверить всю справедливость народной мудрости, гласящей: лучше умный человек небольшого роста, чем большой и глупый болван. Да простится мне это злословие, повторяю, человек он все же был неплохой.

Как и полагалось в те времена, у генерала был целый штат обслуживающего персонала. Теперь эта категория трудящихся называется МОП – младший обслуживающий персонал. Всех этих людей я, конечно, не знал, но некоторых из них видел. Видел дворника, садовника, кухарку, горничную. Ее – горничную – видел чаще всех: она всегда открывала мне парадную дверь, провожала у этой двери, когда я после урока уходил, помогая снимать и одевать шинель. На должность горничной в богатых домах, как правило, приглашались молодые красивые девушки, всегда опрятно, даже красиво одетые. Они не выполняли никаких грязных работ и до некоторой степени даже украшали дом. Так было принято, так полагалось. Эту горничную, эту милую девушку я видел каждый день, все дни недели кроме воскресенья, и хорошо ее помню.

Помню первую встречу мою с ней. Я пришел в этот генеральский особняк, поднялся по мраморной лестнице, украшенной с обеих сторон двумя лежащими, положившими голову на могучие лапы, львами. Позвонил в массивную парадную дверь. Сознаюсь, позвонил с некоторой опаской, я бы сказал, даже с душевным трепетом: шутка сказать – генерал! По одну сторону дверей, я – бедный еврейский юноша, по другую, я это твердо знал, генерал, с которым я, правда, успел уже познакомиться в кабинете директора училища, рекомендовавшего меня в качестве репетитора для генеральского сына. И вот открывается дверь, и предо мною предстает очаровательная девушка. Это и была горничная. Я просто был поражен ее красотой. Тонкие черты лица делали его нежным и очень милым. Пленительную красоту этого лица я описал уже выше. Остается добавить, что в своем белоснежном накрахмаленном переднике, в белой наколке на голове: накладка, сквозь которую пробивались и рвались наружу пышные белокурые волосы ее, она была похожа на гимназистку, выскочившую ко мне на минутку из школьного актового зала, где шел торжественный новогодний бал. Ее, как я по-

том узнал, звали Машей. Красивая была девушка! Я разделся, снял шинель, снял галоши, и она проводила меня в комнату моего ученика, где мы всегда занимались. Так состоялось первое наше знакомство.

С тех пор я часто видел ее. Каждый вечер она открывала и закрывала за мною дверь. Каждый вечер она заносила мне во время урока стакан чая с печеньем. Один раз в месяц она на подносе заносила на конверте мою «зарплату», двадцать пять рублей. Я, конечно, понимал, что приносила она все это не по своей инициативе. Она просто выполняла указания генерала, который оказался довольно хорошим человеком, часто после урока заходил к нам в комнату, подолгу беседовал, бывало и со мною, интересовался, как живу, кто мой отец, где живет, чем занимается. Как видно, разные все же бывали и генералы.

И вот однажды...

Разгар осени, вторая половина октября. Вспоминается один день, хмурый осенний день. Все кругом серо. Серое небо от края до края сплошь покрыто серыми тучами, гонимыми ветром непонятно откуда, неизвестно куда. С утра до полудня лил дождь, какой-то тоже серый, нудный, ноющий, как зубная боль. Безмолвно и печально стоят деревья: мокрые, серые, они думают печальную думу свою. Ветер безжалостно ободрал с них листья, раздел догола, и они устремляют голые ветви свои ввысь. Кажется, это не ветви, а руки, исхудалые, иссохшие, бессильные руки, простертые к небу в слезной мольбе о помощи. Земля вокруг лежит в трауре, черная, как ночь, мокрая, вязкая, вся в непрсыхающих лужах, как в слезах. К вечеру дождь прекратился, и на землю пал густой туман. Он обнимался с тучами и плакал от тоски, источая мелкие, холодные капли.

В этот день, в семь часов вечера, я отправился на урок к генеральскому сыну. Было уже темно, и я, страдавший с малых лет острой близорукостью, очень плохо видел и то и дело попадал в грязь и лужи, выскакивал из одной и тут же попадал в другую, обдавая все вокруг себя грязными пото-

ками воды. Расплачивалась за эту слепоту мою в первую очередь нижняя часть моих брюк. От такого «хождения по водам» они, брюки мои, были грязные и мокрые до колен, хоть выжимай. Вдобавок, когда я очутился уже, наконец, в парке и стал двигаться к особняку по узкой вымощенной дорожке, которую тоже не видел в этой непроглядной тьме, меня занесло куда-то в сторону. Я сбилсся с дорожки и попал в перекопанную по обе ее стороны полосу цветников, на которой пластами лежал жирный, мелкий, как смола, чернозем. Он немедленно обхватил мои галоши, как клещами, намертво пристал к ним и не выпускал из своих железных цепких объятий, все больше и больше налипая. Я с трудом вытаскивал ноги из этого круто замешанного месива, увеличивавшегося в весе. Казалось, на ноги мне повесили пудовые гири. С трудом выбравшись на дорожку, я очутился, наконец, у парадных дверей и позвонил. Девушка «моя», горничная, открыла дверь и с удивлением осмотрела меня с головы до ног: я это, или не я. Нет, она ничего не сказала мне, она была достаточно хорошо вымуштрована на своей работе и знала, как надо себя держать. Но одно только восклицание все же сорвалось с ее уст: о, боже! Я осмотрелся, увидел свое отражение в стоявшем в передней большом трюмо, и готов был провалиться сквозь землю. Предстать перед глазами этой милой, всегда идеально опрятной девушки, в таком виде, – это, поверьте, тяжелое испытание. Но что поделаешь, я разделся и направился к своему ученику.

Через час я закончил урок и вышел в прихожую, где меня ждала уже горничная. Она сняла с вешалки и подала мне мою шинель, не успевшую еще высохнуть. Я надел ее и нагнулся к галошнице, чтобы взять свои галоши. К моему удивлению обнаружить мне их не удалось. Как я ни искал, как ни старался, галош там не было, они почему-то исчезли. Понимая, что в этом богатом доме мои старые, облепленные грязью галоши никому не нужны, я усердно продолжал поиски. Увы, безуспешно, галош не было. И вот

стою я так на корточках, пригнувшись к галошнице, и слышу тихий милый голос стоявшей сзади меня горничной: «Паныч, что вы там долго ищете?». Я продолжаю копаться в галошнице и смущенно отвечаю ей: «Не могу, Маша, найти свои галоши. Ума не приложу, куда они могли деваться?» Я выпрямляюсь, смотрю на светлое, улыбающееся ее лицо, на лучистые голубые бездонные глаза и слышу в ответ: «Паныч, милый, вот же они стоят. Они были очень грязные, и я их помыла. Я и шинель Вашу хотела почистить, но она еще мокрая». Она отстраняет меня, нагибается и подает мне вместо моих облепленных грязью совершенно чистые, почти до блеска вымытые, неузнаваемые мною поэтому галоши. Она ставит их перед моими ногами, выпрямляется, и я вижу ее лукавую улыбку на сияющем лице, ее очаровательные ямочки на щечках, ее непослушные белокурые волосы, девичий пушок на чуть-чуть припухших губках. Я стоял перед ней, как замороженный, и любовался ею: она похожа была в тот момент на добрую фею, сошедшую со страниц сказок Андерсена. Господи, как она была хороша, эта милая очаровательная девушка!

Мы были одни в прихожей... Не переживайте, читатели этих строк, не ждите тонких эмоций, объятий, поцелуев... Не надейтесь, ничего этого не было и не могло быть. Я взял ее руку, крепко пожал и сказал тихо-тихо, чтобы никто случайно не услышал: «Спасибо, Машенька, большое вам спасибо. Какая вы хорошая. Но у меня будет к вам большая просьба: пожалуйста, не называйте меня панычем. Я не паныч, я такой же, как и вы, вышел из простого народа, как, вероятно, и вы. Мои родители такие же бедные простые люди, как и ваши. Прошу вас очень, Маша, не называйте меня никогда больше панычем». Она улыбнулась и тоже тихо, почти шепотом, ответила: «Хорошо, не буду больше. Я немножко знаю о вас. Я прислуживала за обедом, подавала и убирала кушанья, и слышала, как генерал рассказывал барыне, какой вы хороший, хотя и бедный, но хороший, как вы хорошо учитесь и как директор училища

хвалил вас. Я вам завидую, я тоже хотела учиться, это была моя мечта, но мой отец, бедный почтовый служащий, умер год тому назад от тифа и оставил маму с пятью детьми на руках без всяких средств. Вот и рухнула моя мечта стать телеграфисткой, пришлось, чтобы помочь маме, пойти в услужение горничной. А я так хотела учиться, но прошла только несколько классов и оставила школу».

На этом наш разговор закончился. Я прощаясь с нею и, тронутый до глубины души краткой, но скорбной повестью, услышанной из уст этой девушки, вышел и поплелся домой. Стояла ненастная погода. Моросил дождь. Все вокруг было мокрым, темным, печальным. Печально и грустно было и у меня на душе от только что выслушанной исповеди, изложенной в нескольких скупых словах...

Вот и все. Вот при каких обстоятельствах я услышал в свой адрес слово «паныч».

Хотите знать, как реагировала на все это Шура моя. Могу ответить и на этот вопрос.

Шура тогда еще не была тем, чем стала для меня впоследствии. В то время ничего между нами еще не было. Она была просто моей знакомой гимназисткой, сестрой моего товарища Левы, с которым мы дружили, вместе часто готовили уроки, гуляли. Помню, возвращаясь тогда с урока домой, я зашел к Леве, чтобы взять у него учебник Рыбкина по тригонометрии. Я посидел у него немного. Зашла к нам и Шура, и я рассказал им о случае с галошами и горничной Машей, под свежим впечатлением, от которого я тогда находился. Они посмеялись, но смех этот был с довольно горьковатым привкусом. Шура некоторое время в шутку иногда называла меня панычем. Встречая меня, она, бывало, нет-нет да скажет: ну, паныч, как ваши дела? А потом это забылось. Но я не забыл и до сих пор хорошо помню, словно это было вчера. И уже много лет спустя, когда мы были уже пожилыми, Шура, бывало, попросит:

НА РЫСАКЕ

Второй рассказ дяди Исаака*

Уж так сложилась юность моя. Вся она прошла в заботах и упорном каждодневном труде. Зимой первая половина дня – в училище на занятиях, вторая – в беготне по урокам, с девяти часов вечера до поздней ночи, за столом над выполнением своих собственных школьных занятий на следующий день. Летом – выезд в деревню на каникулы к какому-либо богачу, где я готовил детей к поступлению в разные учебные заведения, либо занимался с переэкзаменовывавшимися, чтобы они могли осенью ликвидировать свои «хвосты» и перейти в следующий класс. Воистину велик бог наш, велик и милосерден, да святится имя его: что бы мы, бедняки, делали, если бы дети богачей занимались хорошо и не нуждались в репетиторах?

Тяжело бывало, но другого выхода не было: я был предоставлен самому себе, помощи ждать было неоткуда. Да еще надо было содержать Митю, брата моего, которого я вызвал к себе из Тамбова, и он поступил в Молочанское коммерческое училище. Ему я высылал ежемесячно переводом двадцать пять рублей на жизнь, а в то время это были немалые деньги, особенно для такого «магната», как я.

Я, по возможности, старался не брать таких учеников, которые далеко от нас жили. Времени было в обрез, и тратить его на длительные переходы нежелательно было. Тем более, что тогда сокращалась возможность наших и без того ограниченных встреч с Шурой. Увы, не всегда это

* Рассказы дяди Исаака печатаются в авторской редакции.

было выполнимо. Особенно в начале учебного года, когда учеников у меня еще не было.

Уроки рекомендовал мне всегда директор училища Андрей Михайлович Пантелеймонов. Этого доброго благородного человека, его заботы обо мне и горячее участие в моей судьбе – все это я никогда не забуду. Это был человек, как говорится, у которого сердце всегда на ладони. Он в Александровске заменил мне отца, беспокоился обо мне и делал много добра. Мне и Мите, которого он по моей просьбе перевел из Молочанска в Александровск, в свое училище, директором которого он был. Впоследствии, уже в 1945-м году, я встретился с ним и его женой, Аполлинарией Филипповной, которая была учительницей Шуры в женской гимназии Павленко. Встретился в Харькове, где они жили в доме рядом с нами, и мы часто гуляли вместе, сидели в сквере и вспоминали былое... Хорошие были люди, достойные. Он в Харькове был профессором медицинского института и заведовал кафедрой латыни. Был членом партии. Он был тогда уже стариком и, как и все старики, любил вспоминать прошлое, все, что было: училище наше, преподавателей, учеников своих, вечера, новогодние балы и многое другое. Вспоминал и часто приговаривал: «Эх, житейское море, – где это время, где эти люди, где эти годы?..»

Обычно уроки получал я следующим образом. К директору обращались богатые люди: родители с просьбой рекомендовать им репетитора для сына. И вот он меня и рекомендовал. А когда «сам директор» называет мою фамилию, то уж тут хочется взять именно меня, не торгуясь об оплате. Что бы избавить меня от этой неприятной, щепетильной, но вместе с тем очень важной для меня процедуры, Андрей Михайлович сам называл размер гонорара. Он лучше меня знал «карман» богача, и не было случая, чтобы он «продешевил».

Всегда в первый же день занятий Андрей Михайлович вызывал меня, расспрашивал, где и как я провел лето, отдохнул ли немножко, и первым делом выдавал мне бесплатные

талоны на весь месяц на усиленные завтраки: две котлеты с пюре, вместо одной, которая полагалась в обычной порции, и стакан какао с пончиком (отмечу, кстати, что не только завтраков, но и обедов таких я у своих родителей не получал). А потом спрашивал: «Ну, Барац (он называл меня не Бара`ц, а с ударением на первое "а" – Ба`рац), уроки нужны?»

Я, конечно, отвечал утвердительно.

Проходит несколько дней. Идет, как теперь помню, урок французского языка. Открывается дверь в класс, входит служитель и довольно громким строгим голосом говорит: «Барац, к директору». Класс замирает. Что случилось? Неужели разнос! Один только я и преподаватель французского языка, Мосье Жако, не пугаемся: мы знаем, это, наверное, урок. Я иду. Перед дверью директорского кабинета для храбрости останавливаюсь, поправляю свою форменную тужурку (тогда и ученики обязательно носили форму) и вхожу. В большом кабинете директора идеальная чистота, паркет блестит, как зеркало, море света и какой-то особенный свежий аромат. За письменным столом торжественно восседает Андрей Михайлович в своем директорском мундире с блестящими на солнце золотыми пуговицами, выхоленный, выбритый, и кажется, что от него исходит какое-то божественное сияние, как от святого. Напротив него сидит высокий седой господин, в черном фраке, белоснежной рубашке с «бабочкой». Лицо высокомерное, барское. Это был, как потом оказалось, владелец или совладелец завода «Лепп-Вальман», немец. Теперь это завод «Коммунар», выпускающий автомобили «Запорожец». Завод помещался в Шенвизе, вблизи Южного вокзала, довольно далеко от нас. Сын этого богатого немца был на один класс моложе меня, лентяй и оболтус, заниматься не любил. Больше всего его интересовали лошади – рысаки с папашинной конюшни – и голубятня с чудесными голубями. Все эти подробности я узнал, конечно, уже потом. Вот вхожу в кабинет, становлюсь у дверей – так полагалось, – и между нами происходит такой разговор:

Я – Вы меня звали, Андрей Михайлович?

А. М. – Барац, вы возьмете урок? Заниматься нужно с сыном этого господина, готовить с ним уроки все дни недели кроме воскресенья.

Я – Возьму, Андрей Михайлович.

Немец (с ярко выраженным немецким акцентом): «Очень хорошо. Напишите: прямо с завтрашнего дня, в шесть часов вечера».

Немец есть немец, и первый вопрос его был: «Давайте договоримся о размере вознаграждения за ваш труд». Тут инициативу перехватывает Андрей Михайлович, не дает мне ответить и говорит: «Оплата известная – двадцать пять рублей в месяц».

При такой ситуации немцу ничего больше не остается, как согласится. Не станет же он торговаться с директором. Двадцать пять рублей по тем временам были большие деньги. Курица стоила 40–50 копеек, коробочка сардин – 18 копеек, фунт колбасы – 25–30 копеек, бублик – одну копейку и т. д. Я бы никогда не решился назвать такую баснословную сумму.

И вот на другой день я пошел к этому ученику. С Шурой мы договорились, что она будет ждать меня с урока у парадного входа в их дом, и мы вместе пойдем погулять. После занятий ученик мой, очевидно чтобы сразу установить со мной хорошие отношения, спрашивает меня, где я живу. Я назвал свой адрес. «О, это же порядочное расстояние, – говорит он, – я сейчас узнаю, если наши лошади дома, я отвезу вас домой. Выходите и ждите меня у подъезда».

Я так и сделал, вышел и жду. Смотрю, подкатывает к подъезду двухместное лакированное ландо на резиновом ходу. Впряжен в ландо горячий вороной рысак, который, когда его осадил, бьет копытами, храпит, косит глаза и не устоит на месте. Как в сказке! А за кучера сидит... мой ученик.

Не буду описывать, как этот рысак вихрем подхватил нас и понес. Это было тоже, как в сказке: конь бежит, зем-

ля дрожит. Скажу только, что я и не заметил, как очутился на нашей улице, и мой «кучер» с шиком подкатил ландо к парадному. Не в этом дело. Суть в том, как встретила меня Шура. Как сейчас, она стоит предо мною у парадного. Как сейчас, вижу ее родниковой чистоты большие серые глаза, которые всегда светились будто. Кто видел эти глаза, тот не мог не заметить их теплого доверчивого сияния. Может быть, другим они ничего не говорили. Не знаю. Но мне они, казалось, всегда шептали: любите нас, любите. И я любил.

Когда ландо укатило, Шура подбежала ко мне и с тревогой спросила: «Что это? Что случилось?» Я успокоил ее и все объяснил. Она говорила мне: «Я все время выглядывала за угол и ждала тебя, чтобы пойти навстречу. Я никогда не думала, что ты подкатишь ко мне на таком выезде. Такое и в голову не приходило». Мы много вместе смеялись, мы были молоды, мы любили.

Где ты, где ты, золотая пора юности нашей?!

ПУТИ-ДОРОГИ

Третий рассказ дяди Исаака

Вам, дорогие мои Рая и Сюзик, я адресую эти строки, эту, если можно так выразиться, «Повесть временных лет». Вам, потому что только вы поймете все, что здесь записано, поймете и прочувствуете всем сердцем своим, всей душой. Я старше вас и больше вас видел, но и вы достаточно видели, видели и слышали. Достаточно для того, чтобы понять все то, что вы прочтете, все то, что так похоже на прожитую лично вами жизнь, особенно, на детство ваше, на молодость.

Светлой памяти родители наши сумели воспитать всех нас в духе взаимной любви, дружбы и преданности друг другу. Они привили нам эти неоценимые качества на всю жизнь, и я до сих пор знаю и чувствую, что у меня есть сестра, есть брат – близкие, родные, благородные люди. Прочтите же, дорогие мои, эти строки. Прочтите, вспомните и свою молодость, которая во многом схожа с моей. Во многом и в главном.

Детство, отрочество, юность... Счастливая, невозвратимая пора, полная радужных надежд и упований, борьбы за будущее, за то, чтобы завоевать достойное место под луной. Судьба моя сложилась так, что эта золотая пора в жизни каждого человека, эти годы становления, обернулись для меня не так, как хотелось бы, обернулись теневой стороной своей. Нет, они и мне запомнились на всю жизнь и многое я сберег в памяти, вырвал и сохранил. Они у меня были годами познания окружающего меня загадочного,

прекрасного мира, годами светлых надежд и дерзаний. Они и мне принесли много радости, раскрывали предо мною широкие, порой непонятные, горизонты, приподымали завесу над тайнами того, что называется житейским морем. Море это, как и любое море, порою спокойное, тихое, ласкающее взор, но временами бывает бурным, волнуется и штормит. Гуляют тогда по морю этому огромные грозные волны, увенчанные седыми гребнями. И плохо приходится кораблю, очутившемуся в таком кипящем котле. Лютые волны, яростные в своей злобе, срываются на него со всей своей стихийной силой... Гляди, сомкнут твой корабль, превратят в щепу, и ты – на дно этой бушующей, не знающей пощады, пучины.

Тяжело бывало мне в такую непогоду, в такие штормы.

Так уж сложилась моя судьба, что с четырнадцати лет, по сути говоря, еще мальчиком, я жил вне родительского дома, один в этом бурном житейском море. И не на корабле, а на утлом челноке, без руля и без ветрил, без жизненного опыта, без знаний «кораблевождения», пустился я в плавание, предоставленный самому себе. Родители мои, честные благородные люди, безгранично любившие нас, детей своих, не могли, по бедности своей, оказывать мне необходимую помощь. Они с трудом, с большим трудом, посылали мне на жизнь десять рублей в месяц. Маловато было, совсем мало! Увы, они и этого не имели возможности делать, это было для них непосильно, это было, как подвиг. Я хорошо все понимал, своими глазами видел это. Видел, как они напрягали все свои силы, чтобы помочь мне, чтобы дать образование и вывести в люди. И я до сих пор бесконечно благодарен им за помощь, свято чту их память и высоко ценю все, что они сделали для меня.

Детство... Помню маленькое местечко Верба на Волыни, приютившееся на краю «мужицкого» села. Большая, круглая площадь – майдан – а вокруг двадцать-тридцать домиков, низеньких, с подслеповатыми окошками, глядевшими на окружавший их убогий серый мир. Только

две-три из этих построек действительно можно было называть домами, в них жили местечковые богачи, местные воротилы, командовавшие всеми делами местечка. Одно-го из них помню. Его звали Йехиелом, Йехиел Вербер, по названию местечка, – Верба. Это был высокий, широкий в плечах, раздобревший старик, с серебряно-белой длинной и пышной бородой, маленькими, будто выглядывавшими из нор, глазами, нависшими над ними седыми бровями, крупным ноздреватым носом и красными прожилками на широком полном лице. К нему, к этому богачу, заходило, бывало, и местное начальство, пристав и урядник, чтобы отведать еврейскую фаршированную рыбу и выпить пасхальную водку «пейсаховку». Два раза в году, на праздники пасхи и кушей, богач со своими домочадцами усаживался у себя на большой открытой веранде, ставил перед собой мешок с орехами и швырял их пригоршнями на землю впереди себя. А мы, дети бедных родителей, мальчики и девочки, толпились вокруг, собирали эти «подарки», толкали друг друга, стараясь набрать как можно больше. Кругом суетолока, толкотня, галдеж, не все у нас, ребят, обходилось мирно, бывали и слезы. А богач сидел на веранде со своей семьей и смеялся, глядя на эту картину. Сидел, развалившись в кресле, с царственной осанкой, как патриарх, как праотец наш Авраам. Умилительная картина, не правда ли?

Остальные дома – старые, ветхие, некоторые вросшие в землю, с тесовыми крышами, обросшими серо-зеленым мхом, с покривившимися ставенками и местами прогнившими ступеньками крыльца. В них ютились бедные, даже нищие, еврейские семьи, влачившие жалкое существование в этом заброшенном уголке еврейского гетто. Бесправные, обездоленные, без всяких средств к существованию, они маялись, искали заработки, которых не было, не зная сегодня, чем они накормят детей своих и что сами будут есть завтра. Но они цеплялись за жизнь, они боролись за свое существование, верили и молились всемогущему, грозному еврейскому богу Саваофу. Молили его, чтобы он

сделал им милость, взял их под высокую защиту свою и ниспослал им хотя бы какой-нибудь заработок, какой-нибудь источник существования. Они говорили ему словами молитвы: «Милостивый бог наш, да возвеличится, да святится имя твое. Взгляни с высоты святого престола своего на нас, нищих, убогих рабов твоих. Окажи нам милость свою, призрей нас, обрати внимание на муки наши, помоги бедным сынам твоим. Не оставь нас в старости нашей. Помилуй нас». Увы, они молились, но благодать божия не заглядывала в обветшалые жилища их, и они продолжали мучиться, – мучились и молились, молились и мучились.

Вот там, в этом убогом местечке, в такой среде, я родился и прожил до семи лет с мамой, бабушкой и тетей своей, маминой сестрой. Тетя занимала одну половину дома, мы с мамой и бабушкой – другую. В каждой половине по одной комнате и кухне. Отец служил в городе Ровно и приезжал к нам два раза в году на праздники пасхи и кущей. В такие дни приходили к нам в гости знакомые наши. Приходили вечером, сидели и беседовали. Я взбирался на колени к отцу, уютно устраивался и наслаждался тем, что и у меня, как у других мальчиков, есть отец, такой молодой, такой добрый, такой ласковый. Так я и засыпал на его руках, не хотел уходить от него в свою кроватку: ведь я редко видел его. Никаких угощений гостям не подавалось, единственно, чем их потчевали, это белые арбузовые семечки, которые ставились на стол в нескольких тарелках. Богато, не правда ли? Один только раз помню, на праздник кущей зашел к нам днем после синагоги в день, посвященный празднику торы – «симхас тойре» – резник, которого звали реб Липа. Отец наш пригласил его к нам на «кидуш», стопку водки с бисквитным печеньем, которое макали в водку. Этот реб Липа и сейчас, как живой, стоит перед моими глазами. Выше среднего роста, худой, с обвислыми плечами, в «праздничной», шелковой, иссеченной временем, обтрепанной на рукавах и полах, свитке. Черные волосы его изрядно посеребрены, особенно на висках, борода с

проседью, лицо желтое, изможденное, уставшее от гнета беспросветной нищеты, сплошь иссеченное морщинами, и черные, глубоко сидящие голодные глаза, сквозь которые проступает, как туманная пелена, навеки застывшая скорбь. Праздник торы отмечается осенью. Несколько дней подряд лил дождь, и на улице, – непроходимая липкая грязь по колени. Реб Липа выпил одну-две рюмки водки и, много ли такому «герою» нужно, опьянел. Нет, он не был, сохрани бог, пьян, он был просто, как говорится, навеселе. В такой радостный великий праздник, как день, в который Бог даровал евреям тору, даже строгие библейские законы рекомендуют всем верующим пить и веселиться. И вот реб Липа вышел на улицу и отправился домой. Ему было весело от выпитых двух рюмок, и он стал танцевать среди грязи. Прохожие крестьяне, их тогда называли мужиками, собрались вокруг него, от души смеялись и подзадоривали его. Они говорили друг другу: «Дывысь, кума, жид пьяный танцюе». А он, резник Липа, продолжал танцевать, приговаривая: «Ой, як мягко танцювати!» Еще бы не было мягко, кругом такая грязь. Что может быть мягче?!

Да, много я видел в детстве вокруг себя бедности, много нищеты и горя людского. Господи, как ты мог равнодушно смотреть на эти человеческие страдания, на эти муки сыновей и дочерей своих, которым ты по «милосердию» твоему, по «милости» твоей уготовил ад не в преисподней, а здесь, на земле твоей? Или нет тебя вовсе, ни на земле, ни в небесах? Нет, я не смогу описать всего этого горя, которое я видел вокруг себя на каждом шагу. У меня не хватает для этого умения, недостает слов. Да этого и не требуется. Возьмите и почитайте Шолом-Алейхема, этого певца еврейской бедноты. Почитайте такие его рассказы, как «Легкий пост», «Гуси», «Ханукальные деньги», «Горшок» и много других замечательных произведений. Лучше не напишешь. Я и теперь, когда читаю его рассказы, заливаюсь слезами. Наше нынешнее молодое поколение не поймет этого, быть может, и не поверит, что было такое. А вы, до-

рогие мои, брат и сестра, хорошо поймете. Вы поверите, потому что многое успели повидать так же, как и я, собственными глазами своими. Хватило и вам. Все это я видел в детстве своем, и хотя мало что понимал, но горе людское прочувствовал. Я видел Крестные ходы, которые направлялись из города Житомира в Почаевскую лавру, славившуюся своей святостью, куда переносили на руках пешим порядком икону Непорочной Божьей Матери. Дорога в Почаев пролегалa мимо нашего дома, и я видел толпы народа, крестьян и крестьянок, в лаптях и босых, сопровождающих икону на всем пути ее следования с молитвами и песнопениями в честь Святой Девы Марии.

И еще я видел в местечке и в селе, к которому оно принадлежало, «мужичков», тоже нищих, неграмотных, темных, как ночь, в оборванных домотканых одеждах, в лаптях, всех этих рабов божьих, тоже слезно молившихся своему христианскому, православному богу. Они не просили для себя ни богатства, ни особых милостей. Они на молебнах, на Крестных ходах с иконами и хоругвями, в церквях и дома клали земные поклоны и скромно просили бога своего: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь...». Увы, их православный Бог, по примеру своего коллеги, еврейского бога, оставался глухим к мольбе почитавшей его паствы. Молитвы их не доходили до Его ушей, и благодать Его не сходила на верующих в него. Я мало что понимал тогда, но горе людское, со всех сторон окружавшее меня, я прочувствовал всей своей по-детски чистой душой.

Мне было восемь лет, когда семья наша переехала из местечка в небольшой в то время городишко Ровно по месту службы отца моего в обувном магазине. Об этом городе, о его жизни, о людях, населявших его, можно многое прочесть у В. Г. Короленко в таких его произведениях, как «Дети подземелья», «История моего современника», «В дурном обществе». Этот прекрасный писатель и гуманный человек, проживший все свое детство в Ровно, яркими сочными красками описал трагическую жизнь бедных нищенствующих

людей, занимавших самые низкие, самые мрачные этажи человеческого общества.

Семья наша не была, конечно, погружена волей злой судьбы на самое дно житейского моря. Мы жили бедновато, но никогда не были нищими. Мы просто, как говорится, еле сводили концы с концами. Мы не могли жить в самом городе, где квартиры были дороги, и селились поэтому на окраине его. Последние годы мы, как вы помните, жили на Бармацкой улице, непосредственно примыкавшей к грабовому лесу и гористому селению под громким названием «Кавказ». На этой Бармацкой улице проживали крестьяне – «мужики», занимавшиеся хлебопашеством и огородничеством. Уклад жизни, материальная обеспеченность, культурный уровень – все это почти не отличалось от деревенской мужицкой жизни. Та же сплошная почти неграмотность, та же беднота и нищета, то же дикое суеверие и поповское мракобесие, та же помещичья и кулацкая кабала, в которой находились безземельные, безлошадные крестьяне-бедняки.

А на «Кавказе» ютилась вся городская беднота, люмпен-пролетариат: водоносы, биндюжники, носильщики, незадачливые ремесленники – все эти портные-латутники, холодные сапожники, бондари, плотники, столяры, наконец, просто профессиональные нищие, одним словом, голь перекатная. Повторяю, по сравнению с этими людьми наша семья жила хорошо, грех было жаловаться.

Я часто бывал в этом убогом поселении, в этой печальной юдоли, и достаточно насмотрелся на жизнь его обитателей. Я и сейчас содрогаюсь от того, что видел там. Не дома, а норы какие-то, избушки на курьих ножках. Не окна, а прорехи, дыры какие-то, часто заткнутые тряпьем там, где стекла выбиты, земляные полы, никакой мебели – табуретки, лавки, голые столы; не кровати, а топчаны или нары, не постели, а наваленное тряпье, кое-где подушка. И здесь жили люди! И здесь росли дети! Голые и босые, голодные и холодные, без элементарной медицинской

помощи, в вопиюще антисанитарных условиях. В такой «благодатный» уголок уж, коли бывало, заберется скарлатина или дифтерит, да начнет косить направо и налево – поспевай только могилки рыть! Господи, было ли это? Даже не верится. А было ведь! Вспомните водоноса Лейзера (именно, водоноса, а не водовоза: не было у него ни лошади, ни бочки), его жену, Песю, которая приходила к нам за старыми ботинками, галошами, поношенной одеждой, за несколькими ложками пасхального гусиного жира, несколькими опресноками мацы и парой десятков яиц на праздник. Вспомните портного Хацкеля, его жену и двух девочек, Рейзеле и Хайкеле, которые жили у «дида». Вы же, как и я, бывали в его «квартире»: одна полутемная комнатка, она же кухня, на земляном полу. Вы помните его «обстановку», его «мебель»? Вспомните Прыську, ее мужа Митьку, ее девочек, Саньку и Маньку, и мальчика Мишку. Вы бывали в их «доме»? Вы помните, как муж Прыськи, вечно пьяный алкоголик, нещадно бил ее смертным боем? Вы помните Шлойме-Ице, старика-бедняка, который в лютые зимние морозы привозил нам с базара несколько мешков полowy для коровы? Как он в изодранном пальтишке вваливался в кухню весь замерзший и долго грел у плиты в кухне озябшие старческие руки свои, а мама давала ему стакан чая, чтобы он согрелся, и двадцать копеек за услугу. Вы помните столяра ИЦЮ, грузчика Иделя и много других тружеников, обитавших в жалких лачугах благословенного «Кавказа». Было же это!

Так я в Ровно вновь очутился среди бедных людей, живших в нужде и лишениях. И опять я видел вокруг себя одних только мужиков, ремесленников, грузчиков, черно-рабочих, одним словом, голь перекадную. Горе мыкали эти люди в Вербе, горе мыкали и в Ровно. Хочу еще раз подчеркнуть, что по сравнению с этими людьми семья наша жила хорошо, в приличной квартире, в тепле, не голодала. Но я видел, как владелец магазина, родной брат моего отца, богач дядя Нохим, нещадно эксплуатировал отца нашего,

которого я очень любил и жалел, как он в семь часов утра уходил на работу и возвращался в десять часов вечера. Он уходил, а я еще спал, он возвращался, а я уже спал. И только, когда он прибежал на обед, я имел возможность перебраться с ним несколькими словами. Я видел, как моя мать с утра до позднего вечера трудилась: ей надо было обслуживать восемь человек семьи да еще большое домашнее хозяйство. Прислугу мы держали редко, временами только. У нас была корова, чтобы обеспечить детей молоком, были куры, утки. Зимой откармливали гусей, чтобы приготовить гусиный жир, который нам давали на завтраки и ужины почти всю зиму. Все это было дополнительным подспорьем к скудному заработку отца. Все это хозяйство требовало ухода, приносило много хлопот, много забот. Мы знали, что иначе не проживешь, что нужно трудиться, и мы, дети, тоже трудились в поте лица, каждый по возрасту, по силам своим. Даже старушка бабушка наша – и та трудилась. И в результате такого упорного труда всех членов нашей семьи нам удавалось кое-как сводить концы с концами. Нарядов родители наши не в состоянии были шить себе. Отец носил шубу с барского плеча своего брата богача, мама, я помню, за всю жизнь пошила себе одно шелковое платье, а мы, дети, тем более не щеголяли в нарядах, все перелицовывалось, перекраивалось, подгонялось в большинстве случаев из «подарков» с того же барского плеча.

Так жили люди, жил народ под стягом «желтого дьявола», под гнетом капиталистов и помещиков, богачей и мироедов. Помните куплеты Мефистофеля: «Люди гибнут за металл, сатана там правит бал». А во главе этого ада, уготовленного здесь на земле великим богом для верующих в него, стоял самодержавец всея Руси, – царь Польский, царь Финляндский, Курляндский, Лифляндский, царь Белой и Малой Руси и прочая, и прочая, помазанник самого господя бога, государь император Николай второй.

Я проникся тогда чувством глубокой неприязни к богачам, к толстосумам и мироедам, которые нещадно экс-

плуатировали бедный народ и за его счет наживались и жирели. Это чувство я впитал в себя, как говорится, с молоком матери и сохранил на всю жизнь. Я многого не понимал тогда, не изучал политэкономии, но чувствовал, что жизнь полна вопиющих несправедливостей, что не в силе правда, а, наоборот, в правде сила, что чем ближе к церкви, к синагоге, тем дальше от бога.

В Ровно родители определили меня в двухклассное городское училище с пятилетним сроком обучения: три группы и два класса. Я хорошо учился и закончил его. Стал вопрос о дальнейшей моей учебе в среднем учебном заведении. В те времена правительство мало заботилось о народном образовании. В Ровно было одно только казенное реальное училище. Туда ежегодно принимали сорок учеников, в том числе только двух еврейских мальчиков, для которых установлена была так называемая пятипроцентная норма. Чтобы попасть туда, надо было «подмазать», и довольно солидно. Это было доступно только богачам и уж совсем не по карману моему отцу, скромному служащему с таким же, больше чем скромным, заработком. И вот родители узнали, что в городе Кременце имеется Коммерческое училище, где нет процентной нормы, и туда принимают евреев, лишь бы платили правоучение – семьдесят пять рублей в год. Для отца это была огромная сумма, в городском училище за меня платили шесть рублей в год. Но желание родителей дать мне образование было настолько велико, что отец повез меня к началу учебного года в Кременец, где я хорошо сдал экзамены и был принят в четвертый класс. Этим своим поступком родители наши одели на себя тяжелое ярмо. Непонятно даже, как они решились на такое. Отец мой обращался было к хозяину магазина, к родному своему брату богачу, за помощью, но тот сказал ему, что не зачем давать мне среднее образование, что вполне хватит с меня городского училища. «Пусть, – сказал он, – устраи-

вається служащим в какую-нибудь контору или дело и начнет зарабатывать себе на жизнь. Тебе тогда тоже легче будет жить, у тебя ведь большая семья». Так ответил родной брат! Это, как видите, тоже кусочек политэкономии: нет братьев, нет сестер, а есть богачи и бедняки, есть эксплуататоры и эксплуатируемые. Есть, Рая, две сестры, ты помнишь, богачка Рахиль и беднячка Йохка. Богачка утопает в роскоши и купается в деньгах, беднячка утопает в нужде и купается в долгах. Ты, Рая, это видела в городе Дубно. Умная это наука, политэкономия!

Отец определил меня на квартиру к весьма бедным дальним родственникам своим, проживающим в Кременце. Семья их состояла из семи человек: отец, мать и пятеро детей. Они занимали две комнаты. Когда вы входили в квартиру, то кажется, будто все вокруг вас предупреждает: здесь нужда свила себе надежное гнездо. Когда смотрите на лица обитателей этого дома, то кажется, будто на каждом из них начертаны роковые слова: я безнадежно беден. За квартиру и питание отец договорился платить по десять рублей в месяц, так сказать, «на всем готовом». Собственно говоря, и это было ему не по силе. Прощаясь со мной, он сказал мне: «Сынок, дорогой, я понимаю, что это нищенски мало, но видит бог, я и этого не могу». Да, бог, конечно, видел это и понимал, что отцу, и мне будет очень тяжело. Для этого вовсе не нужно было быть богом, это мог понять и простой смертный. Но бог видел..., видел и молчал. И вот началась для меня новая жизнь, тяжелая для меня пора – конец отрочества, порог юности.

Кременец – это совсем маленький городишко в Юго-западном крае, приютившийся у крайних отрогов Карпатских гор. Незавидные одноэтажные домики, крытые черепицей или тесом. Только несколько двухэтажных домов, где помещались присутственные места, да двухэтажные здания коммерческого училища, женской гимназии

и женского епархиального училища. Никаких театров, клубов. Один кинематограф, иллюзион, как его тогда называли «живые картины», с участием кинозвезды, нашуемвшей в то время, Веры Холодной. Не понимаю даже, как его в этом захолустье открыли. Коммерческое училище содержалось на средства окружающих помещиков и богатых купцов, дети которых там обучались. Поэтому и обучение там стоило так дорого. В городе ни одного завода, ни одной фабрики. Население – в большинстве своем мелкие торговцы, лавочники и ремесленники – живет небогато, чтобы не сказать большего. Десяток-другой более-менее зажиточных семей, несколько богачей-лесопромышленников, остальное население перебивается кое-как, живет по изречению: дает бог день, дает и пищу. Скучный, очень скучный маленький городишко. Единственно, чего там хватает, это бедняков. Юго-западный край был особенно бедным – Полесье. Земля не больно родит, да и вся она принадлежала князьям и помещикам: Радзивиловым, Любомирским, Потоцким, Сангушко, Крафтам и иже с ними. Та же картина, что и по всей матушке Руси. Плохо мне жилось там. Кременецкий период был в незавидной юности моей самым тяжелым, самым мрачным отрезком моей жизни. Хуже ничего не было.

Начнем с того, что впервые в жизни очутился вдали от родительского дома, без родительской ласки, без общения с братьями и сестрами. Я очень болезненно переживал разлуку с родным домом, долго не мог привыкнуть к ней. Лютая, мутная тоска схватывала ночами за горло, втискивая лицо в подушку. Беспросветно было на душе, слезы лились ручьем. Да, тяжело было, особенно в первое время. Но это была только одна сторона дела, так сказать, душевная, эмоциональная. Была еще и другая не менее важная сторона, которая определялась бытом моим, материальной безысходной нуждой. Напоминаю, отец платил за меня десять рублей в месяц, тридцать три копейки в день (!). За эту плату меня кормили, поили, отапливали, предостави-

ли топчан для спанья в проходном коридоре, освещали маленькой восьмилинейной керосиновой лампочкой, меняли иногда (именно иногда) постельное белье и «обеспечивали» всякими другими «удобствами». А ведь надо было купить еще и тетради, и чернила, и карандаши, и хотя бы пару книжек, и ручку, и альбом для рисования, и в училище хоть бублик скушать. Господи, как было жить мне, четырнадцатилетнему мальчику? Но я, представьте себе, жил – мучился, но жил. Хотите знать, как? Вот послушайте, опишу один год жизни моей, один только год: он типичен для всех прожитых мною в Кременце трех печальных лет. Опишу коротко, в скупых чертах, подробности мне просто стыдно рассказывать, да и не хочется вспоминать это мрачное в моей жизни время. Оно было настолько безысходным, что мне и теперь, спустя шестьдесят пять лет, когда вспоминаю этот период жизни моей, кажется, что я заглянул в темный сырой угол, и я стараюсь не думать об этом, забыть навеки. Жил я тот год у Лейзера Бергера и жены его Ити. Дом их стоял на «главной» улице, кое-как вымощенной булыжниками и изрядно испещренной выбоинами и колдобинами. Прямо против дома стояла синагога, выстроенная в непонятно каком стиле. К синагоге примыкал небольшой лесной склад, принадлежавший Лейзеру и родному его брату на равных правах. Этот склад должен был кормить две семьи обоих братьев – всего двенадцать человек. Должен был, но делал это в весьма скудных размерах: в те года, в канун Первой мировой войны 1914-го года, свирепствовал экономический кризис, и торговля пережила сильный застой. Я редко видел на складе покупателей. Постоянным посетителем его был только староста погребального братства, регулярно приобретавший на складе по несколько досок для похорон. Этого покупателя я хорошо помню. Помню и табуны коз, белых, серых, пятнистых, от которых на складе отбоя не было: они приходили лакомиться корой, которую они усердно облаживали с санового кругляка. Дом, в котором мы жили, был уже доволь-

но ветхим, кое-где прогнившим. Как-то по-дикому воздвигались в те времена дома. Казалось, строители задавались одной только целью: сделать их как можно менее удобными для проживания. Вход в дом открывался прямо с улицы: с тротуара прямо в комнату. Никакого крыльца, никакого тамбура. Одностворчатая одинарная дверь, наполовину застекленная, отделяла комнату от улицы. Осенью от сырости дверь эта набухала и плохо закрывалась. Зимой она от разности температур снаружи и внутри намерзала, и сторона, обращенная в комнату, постоянно отпотевала и покрыта была слоем снега и льда – айсберг. Окна небольшие, потолки низкие, света даже и днем маловато. За первой комнатой шел почему-то коридор, который вел в другую комнату, еще более плохо освещенную, почти полутемную. В первой комнате была столовая, стоял большой стол, несколько стульев и шкафчик, где хранилась посуда. Во второй – две большие деревянные кровати, где спали хозяева, и большой сундук. Там же, на «складушках», спали две дочки. Две другие – спали в столовой. Сын хозяина и я – в проходном коридоре на деревянных топчанах. Между этими топчанами стоял небольшой столик с маленькой на нем керосиновой лампочкой. За этим столиком я готовил уроки, читал и писал. Сын хозяина, которому было четырнадцать лет, не учился: за неимением средств он закончил только два класса городского училища и определился в типографию учеником наборщика с оплатой в три рубля в месяц. В квартире были деревянные полы, но почему-то неокрашенные. Каждую неделю полы мылись и натирались красным песком. Эта операция производилась в пятницу, когда квартира убиралась на установленный еврейским законом день отдыха, святую субботу. Так жили мы в этом доме – восемь человек: хозяин с хозяйкой, пять человек детей и я, квартирант, на всем готовом, на тридцать три копейки в день.

К сожалению, не мы одни вправе были считать себя обитателями этой квартиры. Вместе с нами в ней прожи-

вала и еще живность, которая чувствовала себя весьма уютно в этом доме. Кишмя кишели здесь мухи, спешили куда-то прусаки, сновали во все концы черные тараканы, по углам ютились мокрецы. Под полом жили и попискивали мыши, а ночью выходили на промысел огромные серые крысы, усатые, длиннохвостые, некоторые величиной с котенка. Дом был старый, ветхий и все это «общество» живых существ годами населяло его, плодилось и размножалось и с полным основанием считало себя аборигенами этого незадачливого помещения. Они здесь были старожилами, обладали неотъемлемыми привилегиями на право жительства в этом благодатном для них райском уголке.

Жена реб Лейзера, Итя, помогала своему мужу содержать семью, поскольку его заработков явно не хватало. У них была сестра, богачка, которая проживала в городе Дубно, в сорока километрах от Кременца. Муж этой сестры имел собственную паровую мельницу, вел другие коммерческие дела, дававшие солидные доходы, и не без основания считался богачом. Каждую неделю, в четверг, он по протекции, очевидно, своей жены посылал Ите подводу с мукой, а она развозила ее в Кременце мелким лавочникам, которые продавали ее населению и оплачивали стоимость ее Ите. Она, Итя, в свою очередь пересылала эти деньги дубенскому богачу. За эти услуги богач-благодетель выплачивал Ите комиссионное вознаграждение. Работа эта была весьма хлопотная. Надо было в четверг развезти муку по городу владельцам лавчонок, а потом в остальные дни недели бегать к ним собирать стоимость муки, которая оплачивалась лавочниками частями по мере продажи товара. Когда я вспоминаю эту суетливую женщину, то всегда вижу ее в бегах, мечущуюся по городу от одного лавочника к другому за деньгами. Вечно занятая, вечно в бегах, что-то считающая, что-то записывающая, что-то вычеркивающая, она вечером вваливалась в дом совершенно обессиленная, уставшая, замороченная, проклиная своего богача, лавочников, мужа, детей и все, и всех на белом свете. Ей

было уже не до ведения хозяйства в доме, не до чистоты в квартире, не до приготовления пищи. Бывало, когда она появлялась в доме и дети, мал-мала меньше, обступали ее и требовали: Мама, кушать! – она в сердцах ругала детей, проклиная: «Пусть вас черви едят» – или: «Господи, отец небесный, похоронить бы мне вас, всех в один день». О, она умела ругаться и проклинять, это часто выходило у нее даже под рифму, в стихотворной форме, как у Пушкина. Не буду здесь приводить все эти ее двустушия, не имеет смысла: почитайте Шолом-Алейхема, он в свое время в одном из своих рассказов специально перечислил все проклятия, которые отпускала его мачеха. Нет, не подумайте плохо, хозяйка моя, Итя, любила своих детей, была им предана, давала все, что могла, чтобы накормить их, одеть, обуть, но вечная нужда, которая безраздельно царила в этом доме, не покидая его, доводила порою этих людей до отчаяния, до исступления, и они теряли власть над собой, теряли контроль за своими поступками, за словами, которые временами срывались с их уст. А люди они были хорошие, душевные. Они ко мне относились душевно, помогали, чем могли, и я до сих пор вспоминаю их добрым словом.

Меня, конечно, в этом доме никогда не ругали, я ведь был постояльцем, которому ничего не скажешь плохого, и за содержание которого платили. Помню, когда выпадал день, в который не было приготовлено ужина, хозяйка давала мне пять копеек, чтобы я купил себе что-нибудь покушать. Я немедленно отправлялся к лавочнице Ривке и там покупал себе за одну копейку ломтик селедки с добавкой к нему в качестве довеска-премии кусочка селедочной икры или молока, на две копейки фунт хлеба и на две копейки халвы. Это был роскошный ужин: сначала чудесную толстоспинную селедку с хлебом, потом халву с хлебом и стаканом чая, который кипятили для меня девочки. Не ужин, а пир. Не так уж часто это бывало, но бывало все же.

Хорошо было в пятницу вечером и в субботу, которую все евреи-бедняки очень любили и ждали всю неделю.

В этот вечер, в пятницу, в квартире было сравнительно чисто, полы вымыты, дети умыты, девочки с блестящими, смазанными подсолнечным маслом, волосами, заплетенными косичками. Вся семья, включая и меня, садилась за стол, за ужин. На столе, помимо обычной лампы, стояли две свечи в медных, начищенных до блеска, подсвечниках, над которыми хозяйка, когда она их зажигала, тихо про себя произносила краткую молитву, закрыв лицо ладонями обеих рук. Во время молитвы она часто плакала, и слезы ее проступали сквозь пальцы и падали на стол: кап, кап... Я тогда не понимал, почему она плачет. Теперь, я, конечно, понимаю. Велик бог наш, но больно уж любит слезы людские. Этими слезами, лившимися из глаз бедняков, обездоленных судьбой, униженных и оскорбленных, можно было море заполнить. Но ему, господу нашему, мало было их, и они продолжали изливаться... Потом мы все садились за стол, и начиналась долгожданная трапеза. Это был царский ужин, пища богов, из трех блюд, настоящий пир. Вот послушайте. Начну с того, что на столе лежал белый свежий хлеб, который хозяйка пекла из той же муки ее сестры-богачки. Уж одно это чего-то стоило: пусть раз в неделю, но ведь все-таки белый хлеб. На первое подавалась рыба. Надо правду сказать, рыба была не ахти какая, костистая плотвичка из тех, что именуются в народе «кошачья радость», жуй-плюй. Но все же рыба! И главное, подливы много, полная глубокая тарелка – за подливой и рыбы не видно. А на столе белый хлеб, макай и кушай. После рыбы – бульон, куриный бульон, засыпанный фабричной вермишелью: хозяйке некогда было готовить, как тогда было принято, домашнюю лапшу, или «фарфел». Всегда на субботу покупалось полкурицы (!). В те времена на базаре продавалась и половина курицы, и даже четверть. Варилась большая кастрюля бульона, и в пятницу вечером съедалась только половина его, а на субботу оставалась вторая половина и курица. И, еще раз напоминаю, все это с белым хлебом! Наконец на третье мы получали сладкий морковный «ци-

мес», или по стакану компота из сухофруктов. Ну что, кроме хорошего, можно сказать о таком великолепном ужине? Лучше быть не может! Вот мы и радовались все за столом, были в приподнятом прекрасном настроении. Хозяин даже шутил за столом, подтрунивая над Итей, что случалось крайне редко. Помню, как-то раз он сказал: «Моя Итя, когда она варит рыбу, то ее, рыбу эту, надо дочистать от лузги в тарелке за столом. Когда она готовит бульон с фабричной вермишелью, из тарелок приходится выуживать попавшие туда гвоздики от ящика, в котором была упакована вермишель». Вообще-то он был прав: оно частенько так и получалось. Но я, видевший, как постоянно трудилась, крутилась и моталась, как белка в колесе, Итя, считал своим долгом заступиться за нее и говорил ему: «Реб Лейзер, ведь тетя Итя всегда занята, всегда спешит, а на субботу она готовит в четверг, то есть как раз в тот особо тяжелый для нее день, когда привозят муку. Кроме того, она еще и очень близорука, плохо видит, а в кухоньке всегда стоят сумерки. Вот у нее иногда случается то, о чем вы говорите». Он смеялся и по-дружески похлопывал ее по плечу, а она в ответ улыбалась и говорила: «Спасибо, Ицык, хоть ты меня защищаешь, хоть ты видишь мою жизнь». Да, хорошо было в этот вечер. Все были сыты, никто не просил кушать, никто не ругался и не предъявлял претензии. Было тихо и мирно.

Как видите, тяжело жили хозяева мои, очень тяжело. Нелегко жилось и мне рядом с ними. Помню, когда я приезжал домой из Кременца на рождественские, пасхальные и летние каникулы, я всегда поражался как хорошо, сравнительно, обеспечена наша семья и, каюсь, завидовал братьям и сестрам на их жизнь. Повторю, они жили скромно, питались скромно, ничего такого себе не позволяли, но нужды, тем более голода, не испытывали.

Единственным для меня выходом из тяжелого моего материального положения, из постоянной нужды в ко-

пейке, были, конечно, уроки. Но где было их взять, уроки эти, в чужом городе мне, четырнадцатилетнему мальчику? Судьба моя все же временами была милостива ко мне, порой улыбалась мне, и на сером небе моей жизни нет-нет да появлялся луч света. Прошло несколько месяцев моего пребывания в Кременце, и мне удалось найти урок. Рядом с нами жила бедная семья, обремененная детьми, среди которых был один мальчик-калека: горбун. Я и сейчас вижу его перед собой. Маленький, горбатенький, какой-то весь ссохшийся, худенький десятилетний мальчик с лицом старичка: желтым, будто покрытым нечеловеческой кожей, а пергаментом. Уши большие, несколько оттопыренные, прозрачные. Худые руки, длинные тонкие пальцы, голубые, глубоко сидящие глаза, сквозь которые просвечивает скорбь по навеки утерянной детской радости. Мне до сих пор жалко этого мальчика-старичка, так безжалостно обиженного судьбой. Этому мальчику, не способному к физическому труду, его родители решили дать элементарное образование: научить писать, читать и считать. И вот мать этого мальчика, встретив меня, предложила взяться за его обучение. Она сказала мне: «Ицык, много я не могу, ты наш сосед и видишь, как мы живем, но я буду платить тебе три рубля в месяц. Поверь мне, больше я не в состоянии. Не отказывайся, прошу тебя». Я, конечно, не отказался: для меня это было той соломинкой, за которую хватается утопающий. Больше того, я был рад и счастлив: шутка ли, три рубля! Это же триста бубликов, десять бубликов в день. Это тетради, альбом для рисования, учебник, карандаш – все без чего учение немыслимо.

Спустя некоторое время, по мере того, как я осваивался в новой обстановке и присматривался к окружающей меня среде, появлялись и некоторые другие возможности время от времени пополнять свой скудный бюджет. Особо богатых учеников в нашем училище не было, но дети более-менее состоятельных родителей все же были. Нам, ученикам, задавались два-три раза в год домашние сочинения

по русскому языку. Помню, когда мы изучали древний памятник русской литературы «Слово о полку Игореве», нам задали написать домашнее сочинение на 10–15 страниц и охарактеризовать события и героев того далекого исторического периода, о котором шла речь в «Слове». Произведение это написано было на древнеславянском языке, тяжелым стилем и содержало много непонятных слов, выражений и даже целых фраз. Писать было довольно трудно. Я хорошо учился, и некоторые мои соученики по классу попросили меня написать и им это сочинение. Я согласился это сделать по три рубля за каждое. Для меня это был изрядный труд, и, помню, я несколько ночей почти не спал: одно сочинение написал для себя и три для моих товарищей. Главная трудность заключалась в том, что сочинения эти не должны были походить друг на друга, в противном случае преподаватель мог легко обнаружить обман. Все прошло благополучно, и я заработал девять рублей, – это были деньги!

Таким же путем я в другой раз написал сочинения по произведениям «Недоросль» и «Горе от ума». Было, конечно, трудно, но зато был же и заработок. Для меня все это было существенной материальной поддержкой.

Вспоминаю и такой случайный заработок. К нам в Кременец переехал на жительство профессор-историк, седой невысокий старичок. Он был приглашен к нам в училище и преподавал нам историю средних веков. Говорили, что он за свободомыслие был изгнан из столичного университета и переехал в наш город к своей сестре. Он в преподавании применял методы, существовавшие в высших учебных заведениях: всю четверть только читал лекции, никогда не вызывал нас, не спрашивал и не проверял наши знания, как это практиковалось в средних учебных заведениях. В конце четверти, когда надо было выставить оценки, он вызывал учеников и оценивал их знания. Такая методика преподавания для нас, учеников, конечно, не годилась. Многие немедленно воспользовались этим, перестали учить историю и не знали ее. Ясно, что профессор

этот, в свою очередь, не знал своих учеников не только по фамилиям, но даже и в лицо – для него мы были все одинаковыми. И вот, когда закончилась четверть и начался опрос, один из учеников попросил меня пойти сдать за него историю. За это он должен был заплатить мне пять рублей. Я это сделал и получил для этого ученика оценку «пять». Деньги-то я получил, но был за это наказан. Когда я через несколько дней пошел сдавать историю за себя, профессор оценил мои знания только на «четыре».

Бывало порой, что в конце четверти перед контрольной классной работой по алгебре или геометрии некоторые состоятельные ученики обращались ко мне с просьбой помочь им усвоить тот или иной раздел курса, и это тоже приносило мне определенный доход. Вот так я перебивался, подкреплял немного свой бюджет, жил и учился. И только через год-полтора, когда я уже перестал быть мальчиком, когда меня можно было назвать уже юношей, мне удалось получить два урока: один за семь рублей пятьдесят копеек (была такая золотая монета – полуимпериал) и один за пять рублей в месяц с мальчиком третьего класса. Я даже умудрился в тот год накопить немного денег, и помню, как приехав на рождественские каникулы домой, я привез и отдал маме двадцать серебряных рублей, предварительно специально намерянных мною для «торжественности» акта их вручения. Я особым, ранее прорепетированным мною приемом, кидал рубли один за другим на стол и наслаждался певучим, ласкающим ухо, звоном, который они издавали. Мама на другой же день побежала в мануфактурный магазин, набрала черное сукно и отдала мне шить форменную шинель в зеленой окантовке на воротнике и рукавах. Помню, когда я одел эту шинель, а она пошита была «на вырост», чересчур длинной, широкой, одним словом «с запасом», брат мой, Митя, большой шутник и остролов, говорил мне: «Тебя будут все домовладельцы по нашей улице благодарить. Ты, когда будешь проходить мимо них, довольно основательно будешь под-

метать им своей шинелью тротуары». Это была, конечно, шутка, а вообще мне стало материально несколько легче, и я не так, как в начале, бедствовал, не так остро нуждался. Увы, это, к сожалению, длилось недолго. В 1914-м году грянула Первая мировая война, наши войска терпели поражение за поражением, отступали, и училище наше эвакуировалось в город Александровск (ныне Запорожье), где слилось с Александровским коммерческим училищем. Вслед за ним уехал туда и я. Все рухнуло, все надо было начинать сначала.

И опять на мою долю пали тяжелые испытания. Опять я очутился в совершенно чужом городе, один, как палец: ни единого знакомого человека, без угла, без крыши над головой, без денег, с тридцатью рублями в кармане, живи, как хочешь. Хочешь – живи, хочешь – ложись да помирай. Кто тебя знает, кому ты нужен!...

Так начался второй период моей юности. Оглядываясь теперь назад на те годы, осмысливая все, что было, хочется сказать: «Эх ты, юность моя безрадостная! Эх, жизнь моя, "жестяночка". Тяжело ты далась мне, в муке рожденная! Много труда положил я, пока удалось мне выбиться в люди и стать человеком. Ой, как много! Где только силушки брались?!»

МОЙ ДЕДУШКА ДАВИД – «ЯПОНСКИЙ ШПИОН»

Бабушка мне тоже рассказывала о тяжелых моментах ее детства до революции и во время Гражданской войны. В то время на Украине власть каждые несколько месяцев переходила от красных к белым и наоборот. Бабушка рассказывала, что их сосед вывешивал разные флаги в зависимости от того, кто приходил в их город – красные, белые или зеленые. Бабушка видела как-то Махно.

Вспоминала она и жестокие еврейские погромы, организованные белыми в 1919 году в Александровске (Запорожье). «Несколько ночей, когда шли эти погромы, мы ночевали на чердаке. Нас, меня и Веру, почему-то душил нервный смех. А мужчины все остались внизу. Нас, Сюзика и папу отправили наверх. Папа не котировался как мужчина. Внизу остались только молодые. И мы сидели на чердаке. Было тихонько-тихонько. “Есть ли тут жиды?” – стучали в нашу квартиру. А дядя Солика отвечал: “Никаких тут евреев нету”. Тогда как-то обошлось. Наверное, они тогда были пьяные. Они крепко пили».

В Запорожье погромы проводили белые, воевавшие под командованием Деникина.

Еврейская молодежь организовывала отряды самообороны во время погромов, которые перетекали в кружки, находившиеся под влиянием коммунистов. Многим тогда казалось, и в некотором отношении это было правдой, что красные были единственной силой, которая могла защитить. Некоторые родственники в то время уехали в Палестину.

В этот период бабушка Рая познакомилась со своим будущим мужем, моим дедушкой, Давидом Марковичем

Карташевым (Моселем). Бабушка не вступала в партию, но всю жизнь не любила капиталистов.

Дедушка Давид, 1902 г. р., родился в «мелкобуржуазной семье», как он писал в своей биографии. Окончив Александровское коммерческое училище в 1919 году, участвовал в деникинском подполье, где взял себе кличку Карташев, в честь Тёмы Карташева, героя книги Гарина-Михайловского. В Гражданскую войну воевал в Красной армии на Южном фронте. После войны, они вместе с бабушкой учились в Харьковском институте народного хозяйства, после чего стали работать в области черной металлургии. В 1928 году у них родилась дочь Майя, моя мама. В 1930 году их семья переехала в Москву. Давид стал работать в главке, а Раиса в Наркомчермете. В 1937 году Давида командировали в Ростов-на-Дону в качестве директора РОСТСЕЛЬМАШа, где его и арестовали, а в 1938 году расстреляли как участника антисоветской троцкистской организации.

Я с детства видела фотографии его и мне всегда объясняли: «Это твой дедушка. Его расстреляли как японского шпиона».

Дальше бабушка рассказывала о времени сталинского террора. В какой-то момент я захотела узнать подробности этого дела. Я написала письмо в Ростов-на-Дону в местное управление ФСБ, так как он там был арестован, и через полтора месяца мне пришел ответ, что с делом я могу познакомиться в Москве. Когда я вошла в это учреждение, я вспомнила и соотнесла себя с бабушкой, которая рассказывала мне в детстве, что тогда, в 1938 году, она ходила по инстанциям в Москве в поисках мужа. И вот теперь я хожу, пишу, иду в организацию, сопричастную этим событиям, как и моя бабушка тогда, понимая, что невольно становлюсь частью этого исторического процесса, частью этой трагедии моей семьи.

Нас усадили с сыном в отдельную комнату и дали дело. Это оказалась одна из папок большого дела с пожелтевшими

ми страницами. Сотрудница все объяснила, и мы начали смотреть:

Постановление об избрании меры пресечения от 19 декабря 1937 года, анкета арестованного, протокол обыска, и вот начались протоколы допроса, проведенного через два месяца после ареста. Протокол, напечатанный на машинке, от 13 февраля 1938 года начинался словами:

«Вопрос: Вы подали на имя Начальника Управления НКВД заявление с просьбой предоставить Вам возможность дать показания. Что Вы хотите показать?

Ответ: Я решил прекратить борьбу против партии, которую я вел с начала 1933 года, являясь одним из участников организации врагов, существующий в составе ГЛАВСЕЛЬМАША. В своих показаниях я намерен честно и искренне рассказать следствию все, что мне известно о связях и практической деятельности этой контрреволюционной организации».

И вот, передо мной лежат протоколы, которые были подписаны дедушкой. Это то самое дело, о котором мне когда-то говорила мама и бабушка. Я как будто переместилась в другое время. У меня все стало сжиматься, стали костенеть спина, лицо. Из 1938 года на меня пахнуло вот этим страхом, который испытывали мои близкие.

– Что это? – спросила я.

– Дает показания против себя и других, – ответил мне и себе сын.

Дедушка – участник войны – давал ложные показания на себя и оговаривал других людей. Все стало мелькать в глазах, текст расплывался, я не могла сосредоточиться. Далее на каждом листе протокола допроса стояла его подпись. Какие-то фамилии, какие-то факты. Следовал еще протокол допроса, очная ставка, в которой дедушкин коллега и он показывали, что они вместе занимались вредительством. Какая-то шизофрения. Невозможно понять власть, которая искусственно создала миф о вредитель-

стве. Трудно поверить, что преданных граждан, патриотов пытали и потом просто убивали ни за что.

Потом документы суда. Протокол судебного заседания от 03 июня 1938 года, длящегося с 10.00 до 10.15 и заканчивающийся фразой:

«В последнем слове подсудимый просит суд дать ему возможность смыть позорное пятно с себя и своей семьи, и заверяет суд, что он докажет свою преданность Сов. власти своей кровью». И ничего более.

Он ничего не сказал на суде. Почему? А мог бы отказаться от своих ложных показаний, как делали некоторые, чтобы остаться честным. Или мог бы со всем согласиться и просить трудом искупить свою вину, чтобы его отправили в лагерь. И это тоже понятно – человек пытается выжить. А дедушка просил для себя расстрела. Что стоит за этой формулировкой?

В конце приговора суда написано «приговор приведен в исполнение 3/VI-38 г.». Значит, расстрелян в этот же день.

Меня резануло чувство оскорбления близкого мне человека. Я испытывала подобное чувство, когда машина сбила моего отца насмерть. То же я испытала, когда в морге при прощании на лице моего умершего дяди я увидела шрам, которого при жизни не было. Тогда я почувствовала насилие, которое было совершено над телом близкого мне человека.

Нам дали все сфотографировать. Когда мы вышли, я ощутила освобождение оттого, что мы ушли из этого учреждения, и одновременно тяжесть, от того, что я там увидела. Мы шли с сыном и молчали.

Мы понимали, что, скорее всего, его пытали, и он все подписал, как и большинство остальных его коллег, но почему не отказался на суде? Все домашние были расстроены.

Первая встреча с близким и такая травмирующая, пронзительная. Первая встреча в момент смерти. Как себя может чувствовать человек, знакомящийся со своим близким родственником, которого он никогда ранее не встре-

чал? Он хочет понять его и почувствовать. А за этими документами, с которыми мне дали ознакомиться, ничего не стояло. Это формальная и жесткая встреча, представленная в таком грубом виде. Все эти увиденные документы – абсолютно безликие. Что он думал перед смертью?

Днем я отвлекалась на работе, а вечером вновь погружалась в размышление об увиденном. Каждый вечер после работы мы вновь начинали обсуждать документы. Мы спорили с сыном почти каждый день. Было понятно, что каждый из нас проецирует свои чувства на эту ситуацию.

– Скорее всего, дедушка был в отчаянии, его сломили. Некоторые отказывались подписывать, отрицали все на суде. Правильно было бы и ему отказаться, – пытался объяснить поведение дедушки мой сын. Мой муж принимал его сторону.

Смятение моих близких меня расстраивало. Мне было тяжело выносить то, что поведение дедушки, находившегося в таких тяжелых условиях, дома как-то оценивалось.

Меня очень раздражало, что всех репрессированных меряют одной меркой. Оценка сводится к тому – как они вели себя на допросах. А критерий оценки – как они выдерживали пытки. Но это ошибочно. У всех арестованных была разная судьба. Одних сажали в 1934 году, как, например, моего дедушку Васю. Когда я смотрела его дело, то оно было маленькое – 20 страниц. Очевидно, что от него не требовали показаний против себя, тогда было достаточно и трех свидетелей. Его следствие длилось месяц. Его одного приговорили к лагерю. У дедушки Вити же, дело было на 70 листах, при этом оно длилось полгода и по этому делу шло 130 человек только в Ростове, а сколько по стране, даже трудно предположить. Судя по документам, его пытали два месяца перед тем, как он стал подписывать протоколы. И это был уже 1938 год. По этому делу всех арестованных пытали и практически все подписали протоколы. Но даже тогда, в 1938 году, нельзя всех равнять. Одни были рабочими, другие были администраци-

ей. Получается, что от кого-то больше требовалось признания. Кроме этого, у каждого были разные физические возможности – кто-то был молод, кто-то был стар, а кто-то умер в тюрьме, не выдержав пыток. Многие из них шли по сталинским расстрельным спискам. А вот в 1939 году многих, кто шел по этому делу, выпустили или посадили в лагерь. Расстрелов уже не было, так как изменилась политика. Кроме этого, кто-то отвергал советскую власть, а кто-то доверял власти. Причем, были те, кто считал, что враги народа есть, но конкретно с ними произошла ошибка. Другие думали, что происходит что-то не то.

Для меня было очевидно, что его пытали. Но и у меня тоже постоянно крутилась мысль: почему не отказался на суде? Почему просил для себя расстрела? Почему молчание? Что он думал перед смертью?

Желание понять его привело к тому, что каждый вечер я искала какую-либо информацию о дедушке и о репрессиях. В какой-то момент я наткнулась на книгу, изданную Ростовским Мемориалом, «"Красное колесо" переехало и через "Ростсельмаш"».

«Там я наверняка что-то найду, – промелькнула у меня мысль, – Если не конкретно про дедушку, то хотя бы про обстановку на заводе в это время». Книга оказалась в Московском Мемориале. На следующее утро я помчалась туда. Сотрудники дали мне эту книгу и я стала просматривать страницу за страницей. Нашла! Карташев! В середине книги стала мелькать фамилия Карташев. Это был рассказ об обстановке на заводе. Использовались архивы каких-то совещаний, стенограммы собраний коммунистов.

Это было чудо! – я, его внучка, узнала более чем через 75 лет о том, что дедушка думал, что говорил, как себя вел в 1937 году незадолго до ареста.

Я узнала из книги, что дедушку на завод послали ликвидировать последствия вредительства, которое якобы организовал предыдущий директор Глебов-Авилов. На заводе

по этому делу было арестовано 130 человек. Из них 52 человека расстреляли, а 17 сослали.

Дедушка Давид, назначенный на должность немногим более полутора месяцев назад, отчитываясь о ликвидации вредительства на заводе, говорит: «Должен вам сказать, что когда я ехал сюда, после назначения директором, я мыслил, что свяжусь с начальником НКВД Люшковым, он мне развернет всю картину вредительства, и по этим материалам мы будем действовать. Я думал, что все должен раскрыть НКВД, а мое дело будет заключаться в том, чтобы организовать борьбу за ликвидацию последствий вредительства. Я понял, что ошибался, что мне самому нужно искать эти явления вредительства и своей работой помогать органам НКВД в той работе, которую они проводят в отношении вредителей».

Некоторые работники, которые были сняты Карташевым в процессе кадровых перестановок, вскоре были арестованы НКВД. Поняв это, он становится более осмотрительным и начинает входить в оппозицию к НКВД. На партийной конференции, в мае месяце, первый секретарь крайкома ВКП(б) обращается к нему с требованием:

Евдакимов: «Вы директор завода, вскрыли какого-нибудь из последышей этих вредителей, нащупали?»

Карташев: «Нащупал»

Евдакимов: «Посадили его?»

Карташев: «Нет, я не сажаю. Я нащупал, но этого недостаточно».

Евдакимов: «Ведь Вам и карты в руки. Вы находите грань, где злой умысел, где халатность, где технический риск, без технического риска мы не можем. Вот выяснение этой грани между вредительством и техническим риском касается Вас. Если в этом вопросе будет ясность, то тогда меньше будет недоразумений».

Карташев: «Для того, чтобы определить грань между плохой работой и вредительством нужно время, чтобы разобраться в этом».

Евдокимов: «Три месяца недостаточно? Ведь это не месяц».

Карташев: «Большое количество тех людей, которых мы сняли, потом посадили».

Евдокимов: «Люшков сам не находит материала, он имеет вашу партийную организацию, ваших советских людей, рабочих инженеров, которые подсказывают, что там неладно, и он начинает смотреть, систематизировать материал: одного рванул, а там цепочка потянулась. Спрашивается, почему Люшков может это делать, а почему мы, партийные и хозяйственные руководители, не можем этого сделать? Раньше до того, как Люшкову сказать, то сам иди и распутай. На пленуме ЦК так и ставили вопрос».

Членам партии было известно, что многих арестованных расстреливают. На партийном активе из зала задавался вопрос: «Нужно ли собирать специальное собрание рабочих и разъяснять о расстреле». На что из президиума был дан ответ: «Специальных собраний собирать не нужно, а когда вас спросят, скажите, что такие-то и такие-то расстреляны». Поняв всю ситуацию и то, что он следующий претендент на арест, дедушка Давид при выборе членов на партконференцию, которая должна была оценивать работу других и тем самым участвовать в поиске врагов народа и подписывать приговор, самоотстраняется и делает самоотвод, чтобы в этом не участвовать. Вот такая была партийная установка на поиск «врагов народа». Несколько дней подряд идет обсуждение кандидатур (76 человек) в состав пленума ВКП(б), бюро райкома, делегатов на городскую партийную конференцию. Каждый выдвинутый в тот или иной партийный орган рассказывает свою биографию от момента рождения, происхождение, участие в революции, борьбы с троцкизмом до работы в настоящее время. И по каждой кандидатуре принимается решение оставить в списках для тайного голосования или отвести. При обсуждении кандидатуры Карташева, тот делает самоотвод: « ...Поскольку решением партконференции при-

нято поставить вопрос перед крайкомом о том, чтобы просить ЦК проверить политическую линию в разрешении хозяйственных вопросов начальника Главсельмаша Борисова и меня, как заместителя начальника Главсельмаша, я прошу партконференцию мою кандидатуру с обсуждения снять...».

Узнав все это, для меня стало ясно, что дедушка, не понимая до конца, что происходит, решил отстраниться. Я стала понимать, что это самоотстранение он сохранял и потом: и в камере, и на суде. Из книги я узнала, что всех, кто шел по этому делу, целыми днями допрашивали стоя, а ночью, отводя в камеру, не давали спать. Дедушка не вынес пыток, а на суде он не отказался, так как не понимал, что происходит и поэтому просто молчал. Ответ и «да», и «нет» были бы против и себя и против своих в любом случае. У меня в жизни были случаи, когда я, не понимая, как мне поступить правильно, отстранялась и молчала. И я чувствовала, что если я не буду с дедушкой на его стороне, то я предам его.

Конечно, я до конца не узнала, кто прав – я или мой сын. Что в действительности дедушка и его коллеги чувствовали перед лицом смерти? У человека перед лицом смерти нет единственно правильного поведения. У каждого своя правда. Их состояние и поведение до конца трудно объяснить, особенно когда понимаешь, что их пытали и расстреливали бывшие друзья и соратники.

Так или иначе, образ моего дедушки изменился. Теперь дедушка открыто смотрел мне в глаза. Такой была наша первая встреча.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В семье моей бабушки Раи пострадал не только ее муж Давид. Были и другие члены ее семьи, которые сгинули в это время. Это сестра бабушки, Вера Барац и муж Веры, Семен Белокриницкий.

Уже ребенком, я любила рассматривать старые семейные фотографии. Одной из тех фотографий, которая привлекала мое наибольшее внимание, был снимок, на котором были изображены две семьи. Семья моей мамы, которая была изображена с бабушкой Раей и дедушкой Давидом (бабушка звала его Витей). Кроме них, на фото рядом стояли моя тетя Сима со своей мамой Верой и отцом Семеном Белокриницкими. Помню с детства, что Сима к нам довольно часто приходила в гости. По мере взросления я узнавала подробности судьбы моей семьи (Карташевых) и семьи моей тети (Белокриницких). Я узнала тогда, что трое, изображенных на фотографии в верхнем ряду, погибли во время сталинских репрессий.

Белокриницкий Семен Михайлович, 1902 года рождения, начальник «Харэнерго», был арестован 27 мая 1937 года и обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации и в проведении вредительской работы в электропромышленности. Он был приговорен к расстрелу и расстрелян 10 декабря 1937 года в г. Харькове. А Барац Вера Семеновна, 1905 года рождения, по решению особого совещания при НКВД СССР от 28 января 1938 года была заключена в лагерь сроком на 8 лет как жена осужденного за принадлежность к контрреволюционной организации. Она находилась в Темниковском лагере НКВД (Мордовия), умерла 2 мая 1942 года от двухстороннего воспаления легких. Их дочь Сильвия Белокриниц-

кая, моя тетя Сима, 1928 г. р., осталась без родителей в десять лет.

Бабушка мне много рассказывала в детстве об этих событиях. Кое-что вспоминали Сима и мама. Что-то я помнила, что-то мы записали на магнитофон.

Первым был арестован Белокриницкий Семен Михайлович. Арест был произведен в Харькове по адресу: ул. Пушкинская, дом 40. Сима вспоминает этот момент так:

«Утром я спала. Вдруг услышала голоса. Я выскочила из постели и увидела: мама, папа в костюме и какие-то незнакомые люди. Всегда, когда я видела папу, я бросалась ему на шею. Так и тогда: я бросилась ему на шею, он меня поцеловал и сказал:

– Я уезжаю на два месяца в командировку в Киев.

И они ушли.

После их ухода мама объяснила мне: папа не уезжает в командировку, его арестовали. Но это наверняка недоразумение. Все выяснится, полагала она».

Сима слышала, что отца посадили на десять лет без права переписки. Как и многие тогда она считала, что через десять лет он вернется.

Вера прошла много инстанций, чтобы добиться свидания с Семеном в тюрьме. Наконец встреча состоялась. Семен убеждал жену, что его арест – ошибка, что «органы» во всём разберутся, и просил, чтобы дочь к нему не приводили. Просил, чтобы Сима продолжала заниматься музыкой.

Вера не хотела уезжать из Харькова, она хотела до конца быть с мужем и ждала своего ареста. Она морально готовила Симу к разлуке. Действительно 14 декабря 1937 года пришли и за Верой. Это случилось через четыре дня после расстрела Семена (10 декабря 1937 года).

«То, что маму могут посадить предполагалось. В нашем кругу очень многих посадили. Знали, что жен сажают. Других каких-то уже посадили. Папиного заместителя, несколько человек вокруг нас было посажено. Об этом разговор шел. И мама сказала, ты иди жить к дяде Сюзии-

ку. Когда ее сажали, когда за ней пришли у нас был обыск. Обыск шел всю ночь. И утром вывели нас. Ее в машину естественно, а мне говорит оперативник, который делал обыск:

– Тут есть поблизости у тебя какие-нибудь родственники?

– Да.

– Ну беги к ним.

Мама это слышала. И стала я жить у Сюзика и Лёли. А Лёля ходила по тюрьмам выяснять».

28 января Веру приговорили к восьми годам колонии как жену «врага народа» и отправили в Тимниковский лагерь НКВД в Мордовии.

Тогда же в декабре, 17 числа, в Ростове на Дону арестовали моего дедушку Давида. До 1930 года мама, бабушка Раиса и дедушка Давид жили в Харькове. Затем их семья переехала в Москву. Бабушка в 1937 году работала в Наркомчермете, и возглавлял ее ведомство Орджоникидзе. Страх уже начинал сковывать страну. Как-то Раиса, подходя к работе, почувствовала волнение людей еще на улице рядом с учреждением. Сотрудники стояли группой на улице и что-то обсуждали. Выяснилось, что Орджоникидзе покончил с собой. В то время уже стали много сажать людей, обвиняя их в частности в троцкизме. В январе 1937 года Виктора направили директором на Ростсельмаш на ликвидацию вредительства, якобы организованного предыдущим директором. Давид жил тогда в служебной квартире по адресу: ул. Ростсельмаш, д. 11. Бабушка не хотела бросать работу и осталась жить в Москве с дочерью.

О времени посадки мужа бабушка Рая вспоминала:

«Когда Витю арестовали, то работница, которая помогала ему по хозяйству, мне позвонила и сказала об этом. Его арестовали на работе. А потом, как мне уже рассказывали, что его якобы очень быстро увезли. Что его арестовали в декабре, а в феврале увезли. Работница эта рассказывала, что пришли за вещами. Наверно его не привезли

сюда (в Москву). У нас дома, на Фрунзенской набережной, вскоре после ареста был произведен обыск. Тогда я решила поехать в Ростов. Я уже договорилась с моим непосредственным начальником – начальником управления, что я уеду на три дня в Ростов. И попросила, чтобы это не было афишировано. Он сказал, что хорошо, поезжайте. Будет оформлен отпуск. И я уже взяла билеты. И вдруг ко мне домой прибегает Славка (сослуживец Рикман Вячеслав), и говорит:

– Вы не поезжайте. Поеду я с вашей матерью.

Все боялись, что если я приеду, то меня арестуют, как и многих. Веру арестовали, поскольку она оставалась там. Слава, через маму предлагал ей, что бы она приехала в Москву, и он с ней зарегистрирует фиктивный брак. Но она не хотела уезжать. Пока Сема был там, передавали записочки. Она передавала ему записки, она получала записку от Семы. Она ходила к нему. А потом ей дали свидание, перед тем, как с ним кончить. И он ей сказал на свидании, что меня посылают на работу, ну, конечно, в присутствии... И он ничего не мог, конечно, сказать. Попросил принести чеснок, кажется, так как на север едет. Она сидела до конца, а потом уже все. Даже если она просто приехала, без всякого фиктивного брака, ее бы уже никто не трогал. Ее бы не искали здесь. Но она хотела так. Потом я приезжала туда, ходила продавать книжки. У моей Раи Хазан мужа арестовали в Киеве, а она была в каком-то другом месте. Ей написали, и она решила поехать посмотреть, узнать насчет вещей. Так ее арестовали. Жена главного инженера на заводе Витином в Москву наезжала. В тот момент, когда его арестовали, она была здесь. И ее не арестовали. Так как надо было получить какое-то дело. За ней же дела не было. Так они не могли арестовать. Почему я и уцелела. Если бы я поехала в Ростов, то было бы тоже самое. Меня не вызывали за вещами, потому что мама поехала со Славой.

Маме в Ростове сказали, что ей ничего не могут сказать. Сказали, пусть приезжает жена.

– Какая вы ему родственница? Тёща – это не родственница.

– А почему же в Харькове мне все дали? У меня там у второй дочки арестовали мужа – так мне там дали справку.

– Насчет Харькова я ничего не знаю. А вот сюда пусть жена сама приезжает.

Одна моя знакомая сразу после ареста Вити ехала на Минеральные воды и проезжала Ростов. И там, в поезде встретила человека из Ростовского завода. Какого-то начальника. Она стала расспрашивать, так как она знала Витю:

– А кто у вас директор завода? А у вас был такой директор? А где же он?

Тот оживился и ответил:

– Он – «враг народа». Его посадили. Только ждали, чтоб жена приехала. Так бы ее сразу арестовали. Но она не приехала.

А я была уверена, что его привезли в Москву. Поэтому я ходила его искать в Москве. Я приходила в ГУЛАГ. Там, возможно, почему-то меня пожалели и мне сказали:

– Вы знаете, к сожалению, у меня нет о нем сведений. Но моей маме о моей сестре Вере дали здесь сведения. Просто он не хотел ничего мне сказать о Вите. А я его ходила искать по всем тюрьмам. На Бутырке меня вообще не хотели впустить.

– Его фамилия Карташев, а ваша фамилия Барац. Почему вы его жена? Как вы докажете?

А тут на мое счастье в паспорте было записана Майя с фамилией Карташева. И он дал мне справку, что его там нет. И на Таганке я была».

Бабушка отправила дочь к своему брату Сюзику в Харьков, боясь своего ареста. До этого девочки периодически встречались: то Сима приезжала в Москву, то Майя ездила в Харьков. В Харькове же девочки еще больше сблизились. Переждав какое-то время, Рая поехала в Харьков за дочерью, и Сима попросилась ехать с ними. Так Сима

оказалась в Москве в семье тети – моей бабушки. Рая стала оформлять опекунство. Состоялось заседание комиссии.

«Один из членов комиссии спросил:

– Как же вы хотите взять к себе племянницу? Ведь вы сами – жена “врага народа”, как вы будете воспитывать ребенка?

Но у меня там был знакомый, который сделал мне знак глазами и произнес:

– А они развелись.

Я промолчала и дело обошлось».

Семья бабушки Раи тогда жила в большой квартире в доме на Фрунзенской набережной, дом 2/1. После ареста Давида семью «уплотнили», оставив только одну комнату. Сима вспоминала, что любила смотреть в окно: на противоположном берегу Москвы-реки располагался Парк культуры и отдыха имени Горького. Глядя на огни парка, она думала, что все еще может обойтись. Но надеждам не суждено было сбыться. В конце апреля 1938 года пришло извещение о немедленном выселении. Тогда она поняла, что ждать хорошего нечего.

Вера переписывалась с дочерью. Один раз Сима ездила с Раем в лагерь навестить мать. Сначала в Саранск, затем по одноколейке на поезде «кукушка».

Но через некоторое время письма стали возвращаться. На них стоял штамп: «Адресат выбыл». В семье решили, что Веру послали на сельхозработы. Как выяснилось позже, Вера умерла в мае 1942 года и была похоронена в братской могиле... Через какое-то время, после войны к Раисе приехала женщина: оказалось, она была в том же лагере и знала Веру. «Стоило оказаться в лагере, чтобы познакомиться с таким светлым и хорошим человеком, как Вера!» – сказала она.

ПИСЬМА ВЕРЫ БАРАЦ ИЗ МОРДОВСКОГО ЛАГЕРЯ НКВД

(впервые напечатаны на сайте
«Уроки истории. XX век»)

В лагере письма тщательно проверялись, поэтому заключенные в них мало что могли написать о своей жизни. Письма Веры пронизаны любовью к дочери и страданием разлуки.

Письмо № 8. 27–29/IX–1939 г.

Дорогая, любимая, родная моя дочурочка! Пишу тебе восьмое письмо, второе и последнее за сентябрь. За это время я получила от вас 16/IX посылку, твое письмо от 8/IX из Москвы и вчера письмо от 29/VII из Сенисар. Пришло письмо с таким запозданием, потому что адрес был написан неточно. Дорогое дитя. Я очень благодарна тебе за то, что ты пишешь мне, часто не часто, но и не редко, ведь за последнее время только ты одна, голубчик мой, и пишешь. Даже бабушка молчит, что меня, конечно, беспокоит и огорчает. Если вы действительно сфотографировались в Сенисарах, то поскорее присылайте карточку, вы ведь знаете, что я очень хочу получить ее! Свою прислать не могу, родная, у нас нет фотографии. О своей жизни я пишу тебе довольно подробно, но ведь она очень однообразна, потому тебе и кажется, что пишу мало. Вышиваю я в основном крестом мужские рубахи, а дамские платья умею шить и гладью, получается хорошо. Вот попробуйте, пришлите мне хорошего льняного полотна или маркизета на два платица и разноцветные мулине и пришлите. Я вышью тебе и Мусеньке, тогда и увидишь, как у меня получается платица: надо предварительно прикроить, можно купоном, так как я не

знаю вашего размера. Думаю, что к лету сумею их вам переслать. Если у вас есть какие-нибудь старые шерстяные кофточки, шапочки, кошне, рейтузы, которые вы уже не носите, пришлите. Я перевяжу, правда, не так скоро, дело идет к зиме и зрение у меня уже неважное, но я этим занялась бы непременно. Я люблю эту работу, за ней хорошо думается. Чувствую я себя хорошо, гораздо лучше, чем летом, несмотря на то, что устала от переезда. Мы живем на новом месте. Я пока ничего еще не делаю, не знаю, что буду делать в дальнейшем, должно быть, опять вышивать. Надеюсь, что мы уже здесь и будем зимовать, так что вы пишете мне. Радость моя! Если тебе некогда очень, то пиши мне по выходным дням, все-таки выйдет пять писем в месяц, а до сих пор я получала их не чаще. О том, как я живу на новом месте, напишу в следующем письме, когда жизнь уже наладится и я уже буду работать. Я рада, что у вас отремонтирована комната, будет чисто и приятно зимой. Хвалю и тебя, и Мусеньку за полученные «отл». Дорогое дитя мое! Я прошу тебя, береги себя и свое здоровье, сейчас уже осень, сырость, будь осторожнее, переходя улицу, вообще береги себя. Пиши мне все о вашей школьной жизни и по мере получения моих писем, отвечай на все заданные вопросы. На каком этаже вы живете? Общая ли у вас квартира? Есть ли у тебя какие-нибудь «закадычные» подруги или ты дружишь только с Мусенькой? Пиши мне, дочурочка, обо всем и всех, мне все интересно, и твои хорошие письма самая большая радость, самое лучшее утешение в моей жизни. Обнимаю и целую тебя, друг мой дорогой, хороший, любимый, горячо и нежно. Твоя мама. 27/IX-1939

Дорогая моя, родная мамуся! Почему ты перестала писать мне? Твое молчание мне совсем непонятно. Здорова ли ты? Напиши мне хотя бы несколько строк, несколько слов. Я вижу, вы себе все-таки не совсем уясняете, что такое для меня ваши письма. Родная! То, что Симочка написала мне о Семушке, взволновало меня, обрадовало, потрясло, мне даже трудно подобрать соответствующее слово, но я надеюсь, ты поймешь меня. Прежде всего, моя благодарность тебе и только тебе. Может быть, и до тебя кто-нибудь пытался узнать о нем, но мне-то об этом не написали. А как я из-

мучилась душой от неизвестности, как исстрадалась от различных тяжелых мыслей и предположений, и, хотя мало радости в самом сообщении, как я воспрянула сейчас духом и уж снова готова жить, страдать, верить и надеяться. Дорогая мамочка! Вашу хорошую посылку я получила. Спасибо. Мне очень понравилось прекрасное варенье, сливочное масло, вообще все очень хорошо. Я писала вам, чтобы вы временно прекратили посылку денег и посылок, так как ожидался наш переезд. Думаю, что здесь и будем зимовать, в крайнем случае, посылка вернется к вам обратно, если мы еще куда-либо поедем. Главное, посылайте их ценными. Пришли мне обувь, если нет бурок, можно прислать кожаные или прюнелевые туфли и ботинки к ним. Лекарств не нужно никаких. Если вы те, которые я просила, еще не послали, то не нужно их и посылать вовсе. Если не можете присылать сливочное масло, тоже не надо. Все прочее, что ты присылаешь достаточно калорийно. Мамочка! Я уже просила вас в прошлом письме к Симочке присылать мне в заказных письмах или посылке старые карточки Симочки, Симочки и Мусеньки, твои, папины, Белочки на общей карточке и еще чьи только хочешь. Самое важное вот что: присылай только в том случае, если есть новые экземпляры карточек, дублиеты, у кого-либо из родных, если же карточка единственная, то присылать ее не надо. У меня может легко затеряться. Лучше посылай их в посылке, а не в письме. Напиши мне, как чувствуешь себя после приезда, как понравились девочки, как отдохнула Раюша, понравилась ли она, удалось ли Сюзеньке отдохнуть. Напиши мне про всех родных, все, что считаешь нужным, а мне все интересно. Пишет ли домой Витуся? Мамочка, напиши, лечишься ли ты и когда и как себя чувствуешь? Не болела ли ты за это время, напиши правду. Кто из родных болел и чем? Пиши мне правду, не бойся волновать меня, ведь это же смешно. Я жду от тебя писем, мамочка. Книги, если будете посылать, то можно любые, какие только у вас есть. Мой привет и поцелуйи всем. Исааку моя благодарность за его письмо (самое первое). Напишу ему. Крепко целую Раечку и Мусеньку. Напишу тебе подробно, когда моя жизнь здесь совсем уже наладится. Мамочка! Пришли мне бутылочку касторки. Целую и обнимаю тебя, дорогая. Твоя Векка.

27/IX-1939

Симочка писала, что Сюзинька очень хочет поправиться и выпивает по пять яиц в день. Что-то он по-прежнему так плохо выглядит? Удалось ли ему «потолстеть»? Как выглядит сейчас Леля? Целую их. 29/IX–1939 г.

С присылкой полотна и ниток подождите. Пришлите раньше шерстяные старые вещи. Лучше я займусь вязкой. Полотно пришлите, когда я напишу.

Мамочка! Пришли мне очередную посылку в каком-нибудь чемодане старом, а ключ или замок вложи вовнутрь. Мне некуда складывать вещи.

Письмо № 10. 25–28/X–1939

Дорогая моя, хорошая дочурочка!

Начинаю писать письмо. Я получила за это время твое № 3. Первое и второе я тоже получила, но на них я уже ответила. Спасибо, что ты написала мне подробно о том, как вы одеты к зиме, будь и впредь такой умницей, пиши подробно о вашей жизни. Я очень огорчена тем, что волосы у тебя сильно вылезли и продолжают выпадать. Я бы тебе советовала постричься, будут меньше падать, но если тебе не хочется, то советую втирать касторку в корни волос, хотя бы перед мытьем головы и почаще чесать не густым гребнем (массаж). Мне тоже жаль, что они потемнели, я так любила их цвет, помнишь, как я любовалась ими, когда причесывала тебя и как называла своей «златокудрой Лорелей». Не беда, однако, думаю, что и с темными тебе хорошо, надо только постараться, чтобы они поправились. Здорова ли ты, дитя мое дорогое, не болит ли часто голова? Почему вы освобождены от физкультуры, должно быть причиной слабое сердце? Напиши о вашей школьной жизни, как идет работа в пионеротряде? В одном из своих первых писем ты писала мне, что записалась в библиотеку вашего дома и подписалась на серию исторических романов. Что же из этого вышло? Я получила от бабушки это письмо. Она пишет мне, что выслала две посылки, я их пока еще не получила. Я пишу ей письмо, а тебя прошу, когда будешь ей писать, вложи и мое. Ваши две посылки от 30/IX и от 7/X полу-

чила. Спасибо, спасибо и спасибо. Симунчик родной! Прошу, пришли мне коробку зубного порошка. Я пасту не люблю, и еще, если у чемодана был ключик, пришлите его, хорошенько завернув, чтобы он не затерялся. Успехом Сюзеньки рада очень. Я работаю, вышиваю, читаю, гуляю мало, погода не совсем хорошая. У нас холодно, несколько раз шел снег. Сегодня с утра дождь и холодный ветер. Что ты читаешь? Не мыслю себе тебя без книги. Что ты проходишь по-немецки и говоришь ли уже немного? Бабушка Этя пишет мне, что послала тебе вещевую посылочку. Что именно? Пиши мне побольше. От вас опять ничего не получаю, а письма сейчас приходят аккуратно. Целую тебя дорогое дитя, солнце мое ясное, нежно, нежно. Твоя мама. Привет всем. Привет добрым друзьям.

Дорогая родная мамочка! Получила два твоих письма, в том числе и еврейское. Получила обе посылки и бандероль. Спасибо. Если ты купила уже валенки, то зачем же еще искать бурки? Ты меня доводишь до отчаяния, родная, у меня ведь только две ноги и куда мне столько обуви? Прошу тебя очень, дорогая, каковы бы они ни были, пришли те, которые ты уже купила, если же ты их еще не купила (быть может, я не так поняла) и достать их не можешь, то не нужно совсем, ведь ты уже прислала мне шерстяные чулки и кожаные туфли, и мне достаточно тепло. Мне, право, совестно, что доставляю тебе столько хлопот, возни и беготни. Я написала новые доверенности, уже на твое имя. Когда они будут заверены, я тебе их пришлю вместе с заявлением. Это сумею сделать к следующей почте. Ты подожди, пока в Харьков не едешь. Заявления высылаю. Относительно родных Белочки. Я интересовалась ими только в связи с ней, а не потому, что хотела их сочувствия или еще чего-либо. В этом не нуждаюсь совершенно. Я прекрасно вижу, понимаю и соответствующим образом расцениваю отношение каждого ко мне и к дочурке. Мамочка! У нас некоторые получают уже первые свидания. Я пока получить его не могу. Если это будет возможно, я вышлю тебе пропуск, до получения пропуска не едешь ни в коем случае. Я несколько обеспокоена тем, что от вас так долго нет писем. Я получила от вас последнее пись-

мо от 5/X. Неужели вы ничего не писали мне с тех пор? Сколько дней пробудет в отъезде Витуся? Что слышно у Исаака? В прошлый раз от Раечки не было приписки, и я очень беспокоюсь. Ты, мамуся дорогая, не грусти, не томи себя страшными мыслями. Береги свое здоровье. Береги и деток, дорогая. Целую тебя много и нежно. Твоя Векка. Горячо целую Раечку и Мусюшку. Сегодня утром было много писем, а мне опять ничего. 25/X-1939 г.

Мой адрес: Мордовская АССР. Поселок Явас, почтовый ящик 241/1Д.

Не знаю, так ли написала тебе обо всем. Напишу в следующий раз подробнее. Сегодня уже 27/X. Мамочка! Бульонные кубики пока не присылай. У меня еще есть.

Сейчас уже вечер 28/X. Привет тебе, дорогая девочка.

Стихи 5/XI-38 (подаренные Вере)

*Тебе я, Вера, посвящаю
Стихи... (Ты скажешь: «Боже мой!»)
И быть здоровой тебе желаю,
По возвращении домой.*

*И пусть любовь с надеждой, верой
Поют в душе согласный хор,
И сердце бьется равномерно,
Как мощный аэромотор.*

*Но чтоб здоровою и гордой
Дойти до счастья впереди –
Все пережить нам надо бодро,
В тернистом сумрачном пути.*

*Есть «Яшу» с «Зоей» научиться,
Без содроганья, и овес,
Чего еще надо добиться,
Вот актуальнейший вопрос!*

*Необходим нам воздух свежий,
Как рыбам – вольная вода.
Гуляешь!!! Теплей надев одежды,
И каждый день по 3 часа!*

*Скорей желаю идти «до дому»
Тебе, в цветущий Харьков свой;
И к Октябрю двадцать второму,
Уж быть с любимой семьей.*

*Как прежде, преданно трудиться,
Во славу родины своей,
Ты будешь вновь. И пусть не снится
Даже во сне жизнь лагерей!*

*P.S.
Ах! Позабыла, прошу прощенья!
Договоримся, давай с тобой –
Отныне наше обращение
На «ты», как «мужа» со своей «женой».*

(Подпись – неразборчивая)

Письмо № 18. 14–17/VII–1940 г.

Дорогие мои, любимые! В июне не смогла вам отправить очередное письмо. Это очень обидно, конечно, но что же делать? Хорошо, что пишу вам его теперь, а не в августе. Когда напишу следующее, не знаю. Вы не волнуйтесь, продолжайте мне писать. Я получила все ваши письма и две посылки из Харькова, 11-го получила третью, отправленную из Калинина. Спасибо, родные. Все пришло в целости и сохранности. Кофточки это как раз то, что мне нужно было, и платье чудесно. Оно на мне очень хорошо сидит. Рада я также присылке галош, если случится поехать и не сразу связь с вами будет налажена, ноги у меня будут обуты. Из одежды мне больше ничего не нужно. Если можно достать круглую резинку, пришлите мне полтора метра (широкую). Прошу вас также,

пришлите мне писчей бумаги, необязательно почтовой, и флакон дешевого одеколона. Сейчас его выдают. Из первых двух посылок письма мне не выдали, я писала вам, что их нельзя вкладывать в посылки. Как мне было досадно! Я очень прошу Сюзика и Леленьку написать мне еще раз то, что они писали, и прислать по почте. В одном из своих июньских писем Игорь Раков писал матери, что был у вас. Это сын Анны Петровны Раковой, моего лучшего друга и товарища. Она писала Лидии Петровне (тетка, у которой живет Игорь). Я не знаю, звонила ли она вам. Держите с ними связь крепко. Анна Петровна получила свидание с сестрой, недели через три та поедет.

Теперь напишу вам о свидании. Я подаю заявление, прошу пропуск на тебя, мамочка, и на Симушу. Не знаю, получу ли разрешение и как скоро. Если я получу, то пропуск действителен в течение полугода. Но сможет ли Симочка приехать, если к тому времени уже начнутся школьные занятия. Дорога сопряжена с трудностями, не говоря уже о материальных затратах. Я думаю, мамочка, тебе будет трудна поездка. Я, конечно, была бы счастлива повидать тебя, дорогая, и родную свою девочку, поговорить с вами, побыть хотя бы только два часа, но вопрос этот должны решить вы. Напишите мне подробно, что вы думаете по этому поводу. Если я получу разрешение (я не очень уверена), то напишу вам номер пропуска, как только получу эту возможность. К тому времени вы уже должно быть повидаете и Дору Борисовну и Людмилу Петровну.

Письмо начала вчера, писала его ночью, я дежурила по ба-раку. Было тихо, все спали, легко было собраться с мыслями, я как бы говорила с вами, мои дорогие, хорошие! Как-то живете вы, родные, ненаглядные? Как проводите лето? Думаю о каждой из вас в отдельности и понимаю, как вам всем необходим отдых. Девочкам после учебного года и окончания испытаний надо бы хорошенько отдохнуть. За твое письмо «с философией», Раюша, я очень тебе благодарна, я как-то больше почувствовала тебя настоящую в этом письме, и мамочка порадовала меня, написала своей рукой. У меня все по-прежнему. Работаю на той же работе. Сейчас у нас очень жарко, так что чувствую себя похуже, но все

же неплохо. Свое здоровье меня беспокоит гораздо меньше, чем ваше. Пишите о себе подробно, не держите меня, пожалуйста, в неведении в отношении здоровья каждого из вас. С Дорой Борисовной собираюсь послать свою юбку и две кофточки. Мне эти вещи совершенно не нужны, а вам пригодятся, пожалуйста, Раюша, носи, не проливайте над ними слезы, не храните их. Напишите мне о ходе экзаменов у Лелечки. Хорошо будет, если они приедут к вам на лето. Все вы вместе лучше и веселее проведете время. Я не знаю, останусь ли здесь, быть может, скоро тронемся в путь. Не теряйте связь с Игорем, от него скорее сможете узнать, здесь ли мы еще. Всем родным привет и поцелуи. Горячий привет друзьям. Все ли у них в порядке? От моих приятельниц привет. Жду ваших писем с нетерпением. Обнимаю вас нежно, целую крепко, мои дорогие, очень любимые. Ваша Вера.

Напишите все, что вы думаете о свидании, если я его получу, то только на 3–4 часа. Напишите подробно и толково. 14/VII–1940.

Дорогие девочки, любимые мои, ненаглядные! Поздравляю вас с успешным окончанием испытаний, с переходом в следующий класс. Горячо и нежно целую вас, желаю и в будущем успехов в учебе. Крепкого здоровья и счастья. Я очень благодарна вам за хорошие письма. Вы и представить себе не могли, какое это утешение во всех моих горестях и печалях. Из ваших писем я черпаю бодрость и силу, меньше чувствую свою оторванность от вас. Вы напрасно сердитесь на взрослых за то, что они «расписались на три листа». Письмо, как видите, прекрасно дошло. Я получила обе бандероли с «Огоньками». Спасибо. Кроссвордами я по-прежнему очень увлекаюсь. Вы меня спрашивали о книге Робиндраната Тагора. Я потому не прошу у вас книг, что в случае переезда большинство из них придется оставить, а вы присылаете дорогие издания. Беру книги у товарищей. Недавно читала «Рудин», у нас тоже есть Тургенев. На твой вопрос об «Униженных и оскорбленных», Мусенька, я думаю, что Наташа и Ваня, конечно, встретятся. Хотелось бы написать об этом побольше, так же как и о «Войне и мире», но мне не хватило бы и трех страниц. Как хотелось бы поговорить с вами о книгах, чув-

ствую, что вы их любите, так же как и я. Пишите мне и впредь о том, что читаете. Я уже счет потеряла, какие же оперы и балеты вы слышали и видели. Если не лень, напишите – мне, конечно, очень интересно. Какая опера у каждой из вас любимая? Девоньки! Мне очень хотелось бы вышить вам что-нибудь, платья или кофточки, но мне не на чем. Если бы вы прислали (маркизет, тонкое льняное полотно или шелковое полотно), я бы вышила, получится неплохо. Я знаю, вам бы понравилось. Я уже просила вас об этом в одном из своих писем, но вы даже не ответили. Что вы думаете по этому поводу? Как у вас идет дело по ботанике? Какие же цветы вы будете собирать для вашей коллекции? Что вам пишет Исаак? Что слышно у него? Я давно ничего не получала от него. Буду вам посылать маленькими суммами деньги. Это будет весточкой от меня, а деньги буду посылать вам на книги. Отдыхайте, родные, читайте и меня не забывайте. Не увлекайтесь плаванием. Все-таки я за вас побаиваюсь. Одна надежда на Раечку, а вы, думаю, большим благоразумием не отличаетесь. Симуточка, дорогая дочурочка! Не хочешь ли ты прислать мне какое-нибудь свое стихотворение? Ты понимаешь, как мне интересно, но я все не решалась попросить тебя об этом. Буду ждать посылку с нетерпением. Я очень прошу тебя, друг мой, напиши бабушке Эте и тете Марусе, что письмо их я получила. Напиши им в следующем письме. Пусть пишут мне, меня очень трогает внимание каждого, пусть напишут, как живут и как здоровье. Ты спрашиваешь меня о ягодах. Родненькая! Может быть их и много, я этого не знаю, так как не только не ем их, но даже не вижу. Почему вы не выходите во двор, хотя там приятно и зелено. Боюсь, что вы мало бываете на воздухе. Как проводите время? Я думаю, что когда Раечка получит отпуск, она сумеет чаще писать, а на тебя, Симушенька, мне жаловаться не приходится. Ты, голубчик мой дорогой, за последнее время пишешь мне часто, ты, Мусенька, реже, но все же ты молодец, право, а бабушка и Раечка постыдно отстают от вас. Учитывая у вас – отсутствие свободного времени, заботы по дому, печали и огорчения, все же прошу их писать чаще, а вас следить, чтобы это ими выполнялось.

До свидания, дорогие мои, любимые девочки. Сегодня уже 16-ое. Если получу еще письмо, допишу. Обнимаю вас нежно, целую крепко.

Ваша мама Веся. 16/VII–1940 г.

Дорогая дочурочка, любимый друг мой! Сердце меня не обмануло. Вчера вечером получила твое письмо от 7/VII. Спасибо, родная! Мне очень досадно, что Лелечка так плохо выглядит. Я даже уже не могу себе представить, как выглядит каждый из вас. Как много времени прошло! Вчера у нас было много писем. Я теперь надеюсь, что скоро, быть может, получите известие или письмо от Белочки. Если это будет лично от нее, дадите мне телеграмму. Пишите мне, голубчик, моя хорошая. Целую много, много. Твоя мама. 17/VII–1940.

Письмо. 7/III–1941 г.

Дорогие мои, родные, нежно любимые! Получила все ваши письма. Для меня это такая большая радость видеть почерк каждой из вас. Вот от тебя, Мусюшка, долго ничего не было, и я очень беспокоилась, пока не получила письмо, думала, что ты больна. Может быть, это так и было? Последнее письмо было от тебя, дочурочка, от 23/II. Большие карточки, бабушкину и ваши маленькие получила. Спасибо большое. Вы на всех мне очень нравитесь, если будут еще новые, присылай, пожалуйста. Радость моя девочка, ясное мое солнышко! Скоро день твоего рождения. Поздравляю тебя, мысленно обнимаю и целую. Будь счастлива, моя ненаглядная! Скоро напишу каждой из вас. Что слышно у всех родных? Я давно ничего не получала из Харькова, говорю о письмах. Посылки получаю часто, чаще даже, чем нужно. Меня мучит, что они отрывают из нужного, необходимого себе и высылают столько мне. От Мити получила посылку в первых числах января и вторую вчера. Спасибо! Я очень прошу вас, мои хорошие, обо мне не беспокоиться. Я здорова, сыта, одета, обута и всегда бодра духом. Живу в большой дружбе с Нюрочкой, она заботится обо мне, как родная. Новые лекарства я еще не принимала, скоро начну и приму те, которые прислали раньше, а затем уже вторую партию.

Думаю, что больше и посылать не следует. Лучшее лекарство для меня это ваши письма. Зачем вы прислали мне одеяло, ведь я не просила, но как бы то ни было, я благодарна вам за ваши заботы. Вы делаете все возможное, чтобы сохранить мою жизнь и здоровье. Обнимаю и целую вас всех, мои любимые! Привет и поцелуи родным и друзьям. Вера. 17/III-1941.

Письмо № 15. 13-14/III-1940 г.

Дорогая моя, родная, ненаглядная доченька. Получила все твои письма новой нумерации, начиная с № 1 и кончая 7. Очень тебе благодарна, моя умница, за то, что ты в этом месяце была так щедра, меня ты так этим радуешь, твои нежные слова согревают сердце, облегчают и красят мою жизнь. Сегодня, моя любимая, уже 13-е марта, послезавтра день твоего рождения. Я писала тебе уже в прошлом письме, послала тебе пятьдесят рублей ко дню рождения. Еще раз поздравляю тебя, друг мой родной, желаю счастья и здоровья. Мысленно крепко обнимаю тебя, целую много, крепко, нежно, так же как и люблю тебя, моя ясная, моя светлая радость. Ты мне напиши непременно и как можно подробнее, как пройдет день твоего рождения.

Я очень довольна тем, что вы часто бываете в театре, читаете интересные книги, мне очень хочется, чтобы жизнь ваша, дорогие деточки, текла как можно веселее, интереснее и радостнее. Радуют меня также твои успехи в учебе, радуют меня очень, непонятно только, почему ты побаиваешься будущих испытаний. Я надеюсь, что все у тебя сойдет отлично, оснований к беспокойству нет никаких. Меня больше беспокоит твое здоровье. Ты болеешь все-таки, реже, чем раньше, но все же часто. Если тебя смотрит врач, то что он говорит о твоем сердце, вообще о состоянии твоего здоровья? Напиши мне об этом откровенно. Твоими письмами я очень довольна. Все подробности вашей жизни, даже самые незначительные, меня очень интересуют, важны для меня, переносят меня ближе к вам. Я очень много думаю о тебе, о всех вас. Сейчас сижу и пишу тебе. Рядом со мной мои приятельницы. Они тоже пишут своим дочкам, просят передать тебе привет. Они знают тебя по моим рассказам, так же как и я знакома по

рассказам и фотокарточкам с их детками. Мама Юрочки и Лиды Хромченко теперь не со мною. Зоя Константиновна в Темлаге, но на другом пункте, а Лидина мама, вместе со многими другими моими приятельницами уехала далеко на север. Я чувствую себя хорошо, работаю, читаю. Рада тому, что уже март, хотя еще холодно, метели, снег, но днем уже чувствуется дыхание весны.

Дочурочка родненькая! Если случится, что от меня долго не будет писем, не беспокойся. Могут ведь быть переезды, когда я лишена буду возможности написать. Жди терпеливо весточки, сама не грусти и бабушеньке не давай грустить и тосковать. Что пишут Сюзинька, Леля, Исаак? Что у них слышно? Что вообще слышно у родных? Я ни от кого из них писем за это время не получила. Напиши мне, пожалуйста, какие мои письма не дошли к вам. Родным от меня привет. Пиши мне, голубчик мой, дитя мое дорогое. Обнимаю и целую тебя нежно, нежно. Твоя мама. 13/III-1940 г.

Дорогая Мусенька! Роман Дюма «Граф Монте-Кристо» я читала. Книга эта, действительно, очень интересна и увлекательна. Хотя ты и очень занята, но все же прошу тебя, девочка моя, пиши мне. Не беспокойся о посланных деньгах. В этом месяце, если получу разрешение, pošлю тоже деньги бабушке, а там сделаю перерыв. Они мне пока не нужны совершенно, мне их не на что тратить. Когда получите возможность послать посылку, пришлите мне флакон одеколона цветочного, недорогого. Пиши мне о ваших школьных делах, о прочитанных книгах, обо всем и всех. Целую тебя нежно. Твоя Века.

Дорогие мои родные, горячо любимые! За это время получила от вас шесть писем и посылку из Сталина. Надо сказать, я была очень удивлена. Я знала, что вам послать нельзя, но думала, что получу ее из Харькова и меньше всего ждала от Мити. Как бы то ни было, спасибо большое. Басни Лафонтена я получила. Вчера я получила также заказную бандероль: поэмы Лермонтова, два «Огонька» и «Крокодил». Спасибо, спасибо, родные. Очень тронута вашим вниманием. Как ты еще помнишь, Раечка, мои вку-

сы, моих любимых поэтов? Я очень ценю это, моя хорошая. До сих пор у нас были сильные морозы, но теперь потеплело. Валенки посылать мне уже не нужно. Теперь они мне могут понадобиться только к будущей зиме, а об этом сейчас еще рано думать.

Я здорова, по-прежнему работаю на вышивальном производстве. Тяжко, дорогая мамуся, что тебе приношу столько горя и страданий. Я, конечно, хорошо понимаю твою тоску, но не знаю, чем могу тебя утешить, успокоить. Об одном прошу тебя, родимая, ты обо мне не грусти, что бы ни случилось. Я не знаю, что ждет еще меня в будущем, близится весна, возможны переезды, возможно, не смогу написать так скоро, не тоскуй и не беспокойся. Если и хлопоты твои не увенчаются успехом, не падай духом, дорогая. Меня больше всего волнует твоё отношение к этому, мне страшны твои страдания и, хотя нет в этом моей вины, но как мне больно и горько, что я так омрачила твою старость, родная мамочка! Если тебя может это успокоить, знай, что я здорова, бодрa, что у меня есть друзья, которые относятся ко мне хорошо и бережно, как могут относиться друг к другу только близкие люди. Мне кажется, мамочка, что ты чувствуешь себя не совсем хорошо. Я прошу тебя, пиши мне откровенно о твоём здоровье и самочувствии. Если тебе трудно писать самой, пусть об этом напишет Раечка, главное не старайтесь скрывать от меня ничего, гораздо легче знать всю правду, чем предполагать худшее. Как только потеплеет и ты почувствуешь себя лучше, напиши мне побольше. Вас удивляют мои жалобы на то, что вы мне редко пишете. В этом месяце у меня не было оснований жаловаться, так как вы мне писали часто, вернее не вы все, а Симуша. Во всяком случае, достоверно то, что все письма, которые написаны, пусть с запозданием, но приходят. Ваши нумерованные письма я получила все до одного. Мои к вам, очевидно, тоже доходят все. Пропало только восьмое!? Это письмо было моим ответом на полученное от вас известие о Белочке. Я тогда много перестрадала и передумала и в нем писала о своих чувствах и мыслях, писала совершенно откровенно. Я думаю, что ехать в Харьков с доверенностями ни к чему, да и твоё здоровье и погоды не позволяют это сделать.

Пишите, дорогие, так часто, как только разрешают ваши силы и свободное время. Как только получите возможность прислать фотокарточки, сделайте это. Я подала заявление с просьбой разрешить мне отправить деньги. Не знаю, какую сумму разрешат. Они предназначаются тебе, мамочка. Пишите, еще раз прошу вас. Обнимаю вас, целую родные, любимые. Ваша Вера. Добрым, хорошим друзьям мой привет. 13/III–1940 г.

Сегодня 14/III. Сейчас отдаю письмо. Еще раз обнимаю, целую от всей своей любящей души.

Письмо. 2/IV–1941 г.

Радость моя ясная, любимая, дорогая дочурочка! Вчера получила твое письмо от 17/III. Как и всегда обрадовалась ему очень. Если бы ты знала, как радостна для меня каждая весточка о вас и как мне нехорошо, когда я в беспокойстве и предполагаю, и рисую себе всякие ужасы. Я знаю, что ты всегда так аккуратна и вдруг от тебя такое долгое время не было писем, я была убеждена, что ты больна, вообрази, моя девочка, как я волновалась! В день твоего рождения мои приятельницы испекли мне пирог. Мы вместе пили чай, меня поздравляли. Я крепилась, конечно, но на душе у меня было очень тревожно и тяжело. Я только 17-го получила твою первую открытку. Почему ты мне ничего не написала, остались ли следы на лице? Как ты чувствуешь себя теперь? Если судить по маленькой карточке, ты очень похудела, а сейчас наверно еще больше? Какие у вас отметки за четверть? Что вы подумали относительно дачи? Приезжал ли Митя? Что слышно у всех родных? Я получила на днях письмо из Киева, от бабушки. Отдельно ей не пишу, так как лишена этой возможности. Когда будешь ей писать, напиши от меня привет. Подарки, полученные тобой в день рождения, мне очень нравятся, в том числе и мой! Хорошо, что у вас есть бинокли, ведь вы же такие театралки! Что вы теперь читаете? Напиши. Я за последнее время много читала. Прочла также «Три мушкетера» и «Агасфер», первые два тома, третьего и четвертого у нас нет. Очень увлекательные книги. Читала ли ты «Агасфер»? Автор – Эжен Сю. Я думаю, тебе очень понравилось бы.

Получила вчера твое письмо от 20/III, дорогая моя девочка! Я очень благодарна тебе за твою аккуратность в этом отношении. Твои письма лучшее для меня утешение, радость моей жизни, лучшее мое лекарство, много лучше всех пилюлек и бутылочек. Я очень рада, что вы будете слушать оперу «Царская невеста». Я знаю, что ты ее любишь. Я помню, с каким напряженным вниманием ты слушала ее передачу по радио, как взволновала тебя судьба Марфы, и мне, чтобы успокоить тебя, пришлось даже выдумать, что Марфу в конце концов вылечили! Тебе тогда было лет семь. Помнишь, дочурочка, на свидании ты мне говорила, что у тебя сохранилась карточка, где мы сняты группой. У вас два экземпляра. Ты обещала мне прислать ее, но до сих пор я ее не получила. Если у тебя есть какие-нибудь вторые экземпляры фотокарточек, где ты маленькая вместе с Мусенькой, ты с Белочкой, пришли мне их, на обратной стороне напиши адрес, как ты сделала это на маленьких снимках.

Тепло ли у вас? У нас сегодня настоящая февральская погода. Снегу намело очень много. Ветер завывает, и лес стоит пасмурный и темный. Вчера рано утром было 27° холода, но несколько дней тому назад солнышко пригревало совсем по-весеннему. Думаю и у вас было так, ведь мы близко. Так жду тепла, весны, дорогая дочурочка. Зима надоела очень. Береги себя, голубчик, не простудись и не застуди лицо, я думаю, бабушка права. Как вы приготовлены к лету, есть ли обувь, платья, в достаточном ли количестве? Борода Сюзиньки меня не очень волнует, если ему нравится – очень хорошо. Нравится и Лели – тем лучше. Он мне как-то уже давно писал, что у него много седых волос, видимо он и в самом деле постарел и борода тут ни при чем. Годы идут, и никто из нас не молодеет, это только вы растете и цветете, но на то и возраст вам таков. Дитяtko родное! Так никто из родных мне не пишет, кроме тебя, напиши мне, когда будешь свободна, обо всех родных, о бабушке, Милюке и Мусеньке. Пиши и о себе все, все ведь дорого и интересно – и школьные новости, и дела домашние, и твои думы и переживания. Если ты о них хочешь и можешь писать. Мне бы так хотелось, чтобы ты чувствовала, хотя бы немного, как я люблю тебя, как мне хочется быть тебе близкой, видеть твой рост,

твое движение вперед. Пиши мне, дочка моя бесценная, хотя до сих пор у меня не было повода и основания жаловаться на тебя и упрекать в том, что ты меня забываешь. Ты молчишь только тогда, когда больна. Я думаю, что это происходит из-за физической невозможности писать в таком состоянии, а не из боязни волновать меня, потому что ведь я беспокоюсь не меньше и всегда предполагаю самое страшное заболевание. Посылки я получила от Мити и Лелечки. Я уже просила и сейчас еще раз прошу не посылать мне очень часто. Тогда, когда посылает Митя, не посылает Леля. Это будет им передышка, почему бы ни списаться об этом. От Мити получила посылку, в которой было между прочими продуктами два десятка яиц, они дошли в целости, а Лелечка вместе с яйцами прислала десяток картофелин, и 13 яиц вытекли. Картошка, морковь и яйца в одном ящике мешают друг другу или надо их упаковать иначе (в отдельную коробку) или может быть лучше вообще их не посылать (яйца). Питаюсь я хорошо, одета и обута тоже неплохо. Получила из Харькова одеяло. Хотя я не просила о присылке и не знаю, чем она вызвана, благодарю. Получаю, что оно еще сослужит мне службу верную. Относительно одеяла. Я живу на старом месте, но письма адресуются теперь так: почтовое отделение Явас МАССР. Почт. ящик 241/4. Мне письма, которые ты посылала на старый адрес, я тоже получила, ты не беспокойся. Мите (брату Якова) спасибо за память, привет ему от меня. Видите ли когда-нибудь Игоря или Лидию Петровну? Как идет учеба у Леленьки? Я вообще о них ничего не знаю. Благодарю ее от моего имени за заботу и внимание ко мне. Она ведь занята и по дому, и учебой, у нее тоже лишнего времени не очень много. Я ее мало знаю, но у нее должно быть хорошее сердце.

С Милюкой вышло недоразумение. В своем последнем письме она мне писала, что «не понимает, о каких это «старых претензиях» идет речь. Очевидно, всему виной мой неразборчивый почерк; ты, очевидно, не могла разобрать мои каракули, т. к. никаких «претензий» я к тебе не имею и ни о каких твоих «претензиях» ко мне я не писала. «Пишу выдержку из ее старого письма. "Во-первых, у меня еще к тебе есть старая претензия – мне было очень больно твое обращение ко мне в последнем письме,

где ты просишь, чтобы я, несмотря на занятость, помогла маме и Симочке съездить к тебе". Как бы разучилась разбирать ее почерк». В самом деле, не стоило бы об этом писать, но меня мучила все время мысль, что могла она подумать обо мне, моя родная Милючинька! К сожалению, мы так редко пишем друг другу, что, действительно, можно забыть то, о чем сама писала. Я буду просить свидания с ней и с тобой, не знаю, получу ли разрешение, но надеюсь, конечно. Вместе с нею и с бабушкой не выйдет. Относительно свидания с Мусенькой, узнайте у Лидии Петровны. Как здоровье бабушки, почему она ничего не пишет?

Девочка моя дорогая, хорошая! Я очень прошу тебя беречь свое здоровье, особенно весной, ведь и ты переболела воспалением легких. Как это и было в прошлом году, но все же надо быть осторожной, и теперь я все еще не начинала свои новые лекарства, так как принимаю те, которые мне здесь прописывают врачи, а ведь путать нельзя, ты так мне писала. Как только перестану принимать эти, возьмусь за присланные, буду принимать, а потом напишу о том, какое они на меня оказывают действие. Здоровье мое все так же. Духом я бодра всегда, ведь мне, моя голубка, что это правда, хотя я и тоскую, и грущу обо всех таких близких моему сердцу и таких далеких. Да и как может быть иначе, но бодрости не теряю ни при каких обстоятельствах. Мечтаю теперь о встрече с тобою на свидании. На днях было свидание у Веры Семеновны с мамой и с сыном. И на днях будет свидание у Нюточки (я так зову ее).

Читаю теперь «Ледяной дом» Лажечникова. Читала ли ты? Он издан в серии «Исторические романы» Ты мне как-то писала, что вы подписались на эту серию, но не писала, что вами уже получено и что прочитано. Любишь ли ты исторические романы? Я очень любила и сейчас люблю. Напиши мне, что вы прошли по литературе и что сейчас проходите, на какие темы пишете сочинения? Любишь ли писать их?

Раечка спрашивала меня, хотела ли бы я получить «Кола Брюньона» Ромена Роллана. Я очень люблю эту книгу, если можно пришлите. Есть издание «Роман-газета» недорогое, выходит отдельными выпусками. Когда будешь на почте (специально ходить

для отправки бандеролей не нужно) пришли мне, что у вас есть из этих выпусков или что-нибудь другое уже прочитанное вами. Есть отдельные маленькие книжечки Некрасова. Если можно будет достать «Рыцарь на час», пришлите с очередной бандеролью «Огонек». Я вовсе не задумываюсь над тем, что я буду делать с книгами в случае переезда. Везти с собой я их, конечно, не собираюсь, у нас тут есть своя библиотечка, и книги можно сдавать туда. Я просто не хочу вас затруднять поисками любимых мною произведений и не хочу, чтобы вы тратились на дорогие издания.

Девочка, у меня еще такая просьба. Если это возможно, я прошу прислать мне ситцевую или сатиновую косынку. Если нет косынки, просто кусок такой материи (не светлый). Вы мне уже раз присылали, но шелковые. Шелк выгорел на солнце и посекся от стирки. Из одежды мне ничего больше не нужно, у меня есть абсолютно все.

Непреренно напиши, как понравилась вам диванная подушка? Вышиваете ли вы что-нибудь и что именно? Получили ли красную, вязаную кофточку и носишь ли ты ее? Я прошу тебя, носи ее, пусть это будет моим подарком тебе. Напиши об этом, я ведь до сих пор не знаю, хотя и спрашивала уже об этом. Сегодня уже 2 апреля. Я все надеялась, что получу еще письмо от тебя, ждала с нетерпением, но его нет. Все ли в порядке? Меня опять начинает грызть беспокойство. Моя родная. Здорова ли ты? Не болен ли кто дома. Зима в этом году упорная, холодная, долго ли простудиться? Сегодня сдаю уже свое письмо и теперь напишу только в июле. От тебя жду частых писем, но если ты писать часто не сможешь, прошу тебя, предупреди меня заранее. Я еще раз прошу, не посылать мне слишком часто посылки, это меня тоже волнует, мучит меня, ведь я знаю, что вам это не так легко дается. Лучше питать вас деток, чтобы вы были крепкими и здоровыми. Как хорошо, как важно, как необходимо быть здоровым! Это старая истина, конечно, но мне хочется напомнить ее всем вам. Итак, условились, не отрывайте, не лишайте себя необходимого вам и сохраните тем мой душевный покой.

Ну вот, доченька моя любимая, как будто обо всем написала, моя жизнь ведь очень однообразна. Если тебя что-либо инте-

ресует, о чем не писала, задавай мне вопросы, в следующий раз напишу.

Всем родным от меня поцелуй. Бабушку, Раюшу и Мусеньку целую крепко, крепко. Добрым друзьям привет. Тебя, мою ненаглядную, жму к сердцу и целую так горячо и нежно, как люблю. Твоя мама. 02/IV–1941 г.

Письмо. 18/I–1942 г.

Здравствуй девочка моя ненаглядная, дорогая, любимая доченька! За это время получила от тебя три открытки, последняя – от 18 ноября, получила и телеграмму, подтверждающую получения моего письма. Как я рада, родная, что письмо мое дошло к вам и вы знаете, что я здорова и на прежнем месте. Солнышко, напиши мне подробно, что слышно у братьев, где они сейчас, где их семьи, где Вовик, где Рика? В одном из своих открыток, ты пишешь «живем все вместе», а я не поняла, кого же ты имеешь в виду. Разъясни, пожалуйста, и вообще не бойся повторений, ведь письма могут затеряться в пути. О всяких изменениях в вашей жизни сообщай мне и еще, моя радость, просьба, пиши мне правду и только правду обо всех и о себе. Так изныла душа по близким и любимым, так страшна неизвестность, дитя мое, доченька бесценная, будь и впредь такой же внимательной, не забывай свою маму, моя родненькая!

Обо мне не надо беспокоиться, я сыта, тепло одета, работаю. Живем мы вместе с Нюточкой, дорогим моим товарищем, она для меня родной и близкий человек. Она работает на швейном производстве, а я вяжу варежки. Бабушку и Раечку поздравляю с днем рождения, желаю им здоровья, бодрости и сил, тоскую о них, помню и люблю как прежде, горячо и нежно. Берегите друг друга, берегите свое здоровье. Как ваши школьные дела, как питаетесь, кто занимается хозяйством, много ли работает Раечка. По существу говоря, я о вашей жизни ничего не знаю, ты, видимо, считаешь, что это мелочи, которые не могут меня интересовать. Глупенькая моя, хорошая! Ты, конечно, ошибаешься. Пиши мне на старый адрес, если не будешь получать от меня ответных писем, продолжай все-таки писать. Недавно у одной из наших было свидание с

зятём (муж сестры). Он военный, проезжал мимо, попросил разрешения повидать свою родственницу, и ему это удалось без особого труда. Можешь себе представить, какое это для нее важное событие, да и для нас. Доченька моя, родненькая, моя ласточка, крепко, крепко любимая, целую и обнимаю тебя нежно, нежно и много тебя, бабушку, Раю и Мусеньку. Пишите мне. Твоя мама.

19/1-1942

Доченька родненькая! Только что получила твое и Мусенькино письмо от 3/XII. Конечно, очень обеспокоена твоим гриппом. Очень прошу тебя, береги себя, не простудись, после гриппа могут быть осложнения. Радует меня то, что вы по-прежнему отличницы учебы, а работы по дому у вас, видимо, теперь немало. Я от тебя не получала письма с описанием того, как вы подготовились к зиме, так что Мусенькино очень кстати. Есть ли у вас книги для чтения, записаны ли вы в какую-нибудь библиотеку, или времени так мало, что и читать некогда? Тепло ли у вас в комнате, какая топка, обеспечены ли вы дровами? Ответь мне на все заданные вопросы. Симушенька! С этого надо было начинать письмо. Но это не столь важно, поздравляю вас всех с новым годом, желаю и себе, и вам всем только здоровья и сил, а там будет и бодрость и вера в лучшее будущее. Еще обнимаю и целую, крепко, крепко, как люблю. Твоя мама.

Дорогая, родная моя Мусенька! Как ты порадовала меня своим письмом, девочка моя. Рада тому, что вы тепло одеты. Почему вам заказали новые пальто, вы выросли из старых или вам их просто нельзя было взять с собой? Как бы то ни было, хорошо, что они есть у вас. Тепло ли у вас в комнате, кто готовит обед, как здоровье бабушки? Почему ты так долго мне не писала? Неужели ты так была занята все время, что не находилось совершенно возможности урвать полчаса и написать? С кем ты занимаешься французским языком и успеваешь ли? Напиши, как живет и работает Милюка? Раз уж ты написала мне, то пиши мне и впредь, думаю, ты моя хорошая, сама понимаешь и чувствуешь, как дорого мне каждое слово от любимых и близких.

О себе я уже все написала в письме к Симочке. Обо мне не надо ни грустить, ни беспокоиться. Я не хвораю, работаю, немного читаю, не много, потому что мало светлого времени. В бараке у нас тепло, питаюсь я неплохо, одета и обута очень тепло и так мне жаль вас, дорогие мои девочки, ноженьки ваши, должно быть, все-таки мерзнут в бабушкиных валенках, когда приходится долго простаивать. Пишите мне, не забывайте. Обнимаю и целую тебя много, крепко, нежно, родненькая девочка. Твоя Веся.

От автора

Почти всю мою жизнь я не считала Веру Барац и Семёна Белокриницкого частью моей семьи, но узнавая больше, переживая вместе с ними, мы настолько сблизилась, что их фигуры заняли место в моей памяти.

СВЕРДЛОВСК–МОСКВА 1942–1943 ГГ.

Когда началась война, Раису с девочками и бабушкой Саррой Семеновной с Наркомчерметом отправили в эвакуацию в Свердловск. Но вскоре, в начале 1942 года, Раиса вернулась в Москву, а девочки, Сима и Майя, с бабушкой Саррой остались. Жили они во 2-м профессорском корпусе Втузгородка в трехкомнатной квартире: одну комнату занимал жилец квартиры – архитектор с женой и ребенком, а в двух других поселились семьи эвакуированных. Сима с теплотой вспоминала о сочувственном и интеллигентном отношении к их семье в Свердловске. На них не косились, хотя знали, что они родственники «врагов народа».

Бабушка Сарра болела и тяжело переносила те испытания, которые легли на нее и на плечи ее дочерей. В прежние годы бабушка Сарра отличалась чувством юмора. Мой брат писал:

Многие ее высказывания стали почти что пословицами в устах ее дочери Рахили: «Чтоб так я знала мой цурес (горести)» – отвечала она, когда ее спрашивали о совершенно незнакомом для нее предмете. Уклоняясь от пересудов, она говорила: «Я не состою у Бога в стряпчих» или «Я у их изголовья не стояла». Однажды, когда речь зашла о каком-то ухажере, она заметила: «Такую выгоду и у солдат можно получить». Знание иностранных языков всегда считалось у евреев очень похвальным делом. «Подумаешь, – говорила Сарра о ком-то, – ну еще на одном языке узнают, что он дурак».

А я помню такое ее высказывание: «Если бы Анна Каренина должна была по всей Москве искать резника, то

ей был бы хорош Каренин и не нужен был бы Вронский». Бабушка Сарра была религиозна и всю жизнь соблюдала кошрут. Ее дед, Исаак Гинзбург, был довольно известным почаевским раввином, и его авторитет был высок даже среди неевреев. В Свердловске бабушка Сарра продолжала соблюдать все правила, несмотря на проблемы с продуктами. Кроме того, она постилась по понедельникам. Поэтому девочки отдавали ей практически всю картошку и молоко. Картофель они обменивали на рынке на вещи, которые им присылала Рая. Держала она и курицу в комнате для пасхального Седера. Переписывалась она с Раисой на идише. В Свердловске она много болела и в начале января 1943 года умерла. После этого бабушка забрала девочек в Москву. Некоторые подробности жизни бабушки Сарры приоткрылись мне через письма, и вот она уже возникла в моей памяти, наравне с другими.

Помогал им в это время Вячеслав Рикман, который находился в то время в Свердловске с Академией наук. Тогда он уже перешел из Наркомчермета, где тесно общался с Раисой, в Институт металлургии Академии наук. Сотрудникам Академии давали пропуска в столовую на получение обедов. Поэтому Вячеслав делил свои пропуска между девочками и членами своей семьи – сестрой Ольгой и матерью. С ними жил еще муж Ольги, Константин Брянцев. Семья из 4-х человек занимала по адресу: ул. 8 марта, д. 22 комнату 7 кв. метров. Иногда к ним отпускали из госпиталя брата Владимира, раненого на фронте. Вячеслав старался посылать что-нибудь съестное Раисе в Москву и Мэри, жене Владимира, в Ленинград.

В Москве Раиса сначала жила на работе в Наркомчермете, так как в ее квартире по адресу: Хавско-Шаболовский пер. д. 11, к. 7 было очень холодно. Потом она переехала жить в свою комнату, но тогда вместе со своим соседом они затапливали печку на кухне, а ночью шли, как Раиса пишет, спать в «холодильник». Иногда Москву бомбили.

У нас сохранилась переписка того времени. Тогда девочки, Муся и Сима, были подростками. Практически в каждом письме все писали что-то о еде, о столовых, о карточках. Много писем было и об учебе, о книгах и театрах, куда они ходили, о работе в колхозе, о своих болезнях и о бытовых проблемах. Вячеслав описывал свои командировки с Академией наук. Раиса писала о посылках и письмах девочкам, о посылках с книгами сестре Вере – посылки с едой посылать в лагерь было невозможно. Иногда она писала о своей жизни в Москве. Среди писем были те, которые были отправлены по почте. Они проверялись военной цензурой. А были письма, которые передавались через знакомых. Эти письма писались более свободно. Вот некоторые из этих писем.

- - - - -

ПИСЬМА РАИСЫ ИЗ МОСКВЫ В СВЕРДЛОВСК

2/III-42

Дорогие мои хорошие!

Я уже потеряла счет отправленным вам письмам и открыткам, но от вас кроме письма, переданного оказией и телеграммы, ни строчки, ни слова. Сами можете себе представить мое состояние, как я хорошо могу себя чувствовать и поправляться. Никак не могу себе представить, чтоб без уважительных причин, вы, девочки, мне не писали. Главное, что моя вера в Мунику так сильна, что ее молчание во всяком случае ничего хорошего не значит. Тем более что большинство из моих сослуживцев успели получить по несколько писем и открыток.

Дорогие мои, у нас в Москве все спокойно, никаких тревог. О том, что под Москвой сбили самолет, мы, также как и вы, узнали из сводок.

Я живу пока в Наркомате, здесь тепло. Дома у нас уже прекратили отапливать, и поэтому в нашей комнате 2⁰ тепла, когда я там была 26/II.

Сдала уже свои документы на прописку, очевидно, меня прописали уже. Сегодня вечером пойду за паспортом. Завтра коснуться перевода о выселении жильцов из нашей комнаты, т. к. до прописки о выселении и вселении вообще не разговаривают. Я вообще до наступления теплых дней буду жить на старом месте, наезжать домой только раз-два в неделю. Вчера была на Даниловском рынке, купили для вас на 50 рублей грибов; поставлю их переслать вам.

Здесь все чрезвычайно дорого и трудно достать. Молоко пока еще 35–40 рублей литр, картофель 20 р. кг. и т. д. на рынке, конечно, покупать ничего не приходится.

Я обедаю в столовой. На март нам выдали карточки мясо 1200 гр.; рыбы – 1000 гр., крупа – 1500 гр.; масло растительное и животное – 400 гр.; сахар и кондитерские изделия – 500 гр., сливки – 3 коробки и соль 200 гр. На завтрак нам дают селедку на рыбные карточки, а один раз дали прекрасный балык. Хлеб я покупаю по 1 р.70 к. очень хороший. Очень жалко, что вы не можете его есть. <...>

В Москве школы не работают, во всяком случае, старшие классы не работают; так что вы бы здесь не сумели учиться. Тоскую без вас всех, мои дорогие, старые и малые, отчаянно, но все же очень довольна, что вы не со мной, т. к. пришлось бы быть в холоде, жить голодно, и кроме того не учились бы.

Есть ли письма от Веси? <...>

Всего хорошего. Обнимаю, благословляю. Милюка

В другом письме, 9/III-42, Раиса пишет о бомбежке в Москве. «За все время, что мы здесь, были одна бомбежка, о которой вы знаете из сворок. Остальное время полный покой. Так что волноваться обо мне ни моей мамочке, ни моим девочкам, ни моему Вячеславоньке, совершенно не к чему. Спите, пожалуйста, спокойно, а то, кажется, вы спите хуже меня.

Я теперь очень много читаю. Было бы очень интересно обмениваться мнением, читать вместе».

25/IV-42

Дорогие мои, любимые! Получила, мои хорошие девоньки, ваши милые обстоятельные письма, а также посылочку, вернее посылочки и деньги. Мусик просит меня принять все «без разговора». Я принимаю все с благодарностью и радостью, но без разговора дело не обойдется. Правда разговаривать я буду не в таком стиле, как вы со мной по аналогичному поводу, не скажу, что ваша посылка меня раздражает, действует мне на нервы. Ваша посылка, мои дорогие, тронула меня и очень глубоко. Я живо представила себе, как вы вынашивали эту посылку, как обдумывали ее. Я чувствую, сколько вложено в нее ваших милых разговоров, вашей нежности и забот, от этого все присланное вами принимается с на-

слаждением. Это не просто продукт питания, а реликвия, которую даже жалко уничтожать, хотелось бы их сохранять, потому что в каждом предмете есть что-то вещественное от вас, несмотря на все это, продукты приходится употреблять. К чему я уже приступила и что делаю с большим удовольствием. Могу вам сказать, что уже от первого сухаря с маслом и стаканом кофе, я поправилась. Это не преувеличение – ибо это наши люди, которые меня не видели в течение нескольких дней и даже не подозревают, что я являюсь счастливой обладательницей такого большого количества жиров и хлеба, да еще полученных из такого благодатного источника.

Очевидно, вы также вчера получили мою небольшую посылку, переданную через тов. Завельского. В ней сухари и масло. Конечно «деловые» люди наши действия, если бы они стали им известны, назвали бы: «встречными перевозками». Но мы ведь не подходим формально и бездушно и потому считаем, что наш случай скорей похож на рассказ Генри «Дары волхвов», но не встречные перевозки.

По совести говоря, многие в нашем отделе мне позавидовали, многие грустили, что у них нет такой дружеской семьи, как у меня. А экспансивная Елена Николаевна меня обняла, целовала и говорила, что она влюблена в меня, в моих девочек и «вообще».

Восторг был даже не по поводу содержимого посылки (она еще тогда не была получена, и никто не мог предположить, что там имеется), а по самому факту, по всем приготовлениям, о которых здесь рассказывал Давид. И разве это не изумительная картина? Каждый из вас бежит, суетится, стоит в очереди, жарит, и все для того, чтобы прокормить одну Милючку. Если уже чужие люди умиляются, то что же остается делать мне!

Дорогие мои! Это я все писала вам 23-го. Затем некогда было возвратиться к письму, было очень много работы.

Всего хорошего. Будьте здоровы и счастливы. Берегите друг друга и следите за собой. Благословляю вас. Ваша Милюча.

15/VI-42

Дорогие мои, любимые! Послала вам письмо 13-го, которое вы должны получить через Р. А. Шумскую. В скором времени от

нас поедет Романовна, с которой я перешлю вам часть барахла для обмена на картофель, 200 рублей, которые вы мне сюда прислали, а также кое-что для души, т. е. «вкусняш» каких-нибудь. Теперь посылаю вам конфет 150 грамм (16 штук), а также 4 плитки концентратов – две шоколадных, две кофейных. Нам выдали по 5 штук концентратов, одну оставила себе, четыре послала вам. Концентратов выдали в наркомате без карточек. Способ употребления – четверть плитки в стакан воды; но я не рекомендую вам есть их таким образом. Ешьте их лучше, как конфеты или шоколад, так гораздо вкуснее, тем более что у вас ведь настоящее кофе и какао имеется, и не стоит переводить на эти концентраты. Я очень довольна, что оказалась такая оказия, так как это даст вам возможность хоть чем-нибудь отметить Муныкин день рождения.

Вчера, как и прошлое воскресенье, ездила к себе на огород по Савеловской дороге. Сегодня должна была пойти на огород И. Б., но задержалась в наркомате и уже никуда не пойду; поеду завтра, и на этом наша посевная компания будет закончена. Рассчитываю недели полторы отдохнуть от огорода, во всяком случае, в воскресенье 21/VI никуда не поеду; до прополочной нам еще далеко. У нас все время очень холодно.

Сегодня весь день работала в пальто, с утра было 8⁰ по Цельсию; для наших огородов погода неважная; виды на урожай плохие, но все же кое-что рассчитываем собрать. Надеемся, что после нескольких солнечных дней все наладится.

Все ваши письма с оказией получила. Вчера получила по почте Мусенькину открытку от 3/VI и Симочкину от 5/VI.

Насчет Весеньки пока выяснить ничего не удалось, думаю, что это и бесполезно делать, вряд ли можно получить вразумительный ответ. Я в следующем письме вам сообщу результаты, и подумаем как быть дальше. Сообщите Л. И. мой адрес московский (наркоматовский), если она что-нибудь узнает, пусть напишет мне одновременно и вам. Попросите ее только послать письмом, а не открыткой, так как наша, а то наша Е. Л., считает себя, очевидно, также цензором и не пропускает ни одной открытки без своей проверки. Вообще я советую и вам класть в конверт. Получили ли вы еще несколько открыток от Веси, или больше не возвращалось?

Сюда приезжал Кухаренко, заместитель Управделами НКЧМ, который работает в Свердловске. По нашей просьбе он делал нам здесь доклад о том, как обеспечены наши семьи в Свердловске. Между прочим, я сообщила, что очереди в столовой с июня ликвидированы, а также то, что к нему поступают «сигналы» о том, что кто-то нуждается из семей, он сейчас же принимает меры и оказывает помощь. В частности он сказал, что есть некоторые семьи, в которых имеются школьники, которым явно 400 грамм хлеба не хватает, и он также подбрасывает примерно килограмм коммерческого хлеба в неделю. Я ему правда предложила, чтоб он сам проверил, кто нуждается, не дожидаясь сигналов, так как некоторые могут тихо скончаться, не просигналив об этом. Но в эту проверку у меня слабая вера, и поэтому я советую вам обратиться к нему, либо к Филимоновой, сказать, что вы как раз две школьницы, которым явно хлеба не хватает, и он вам, безусловно, будет время от времени отпускать коммерческий хлеб.

Напишите мне, чем кончится это мероприятие. В июне послала вам две крохотули посылки. Это даже нельзя назвать посылками. 1/VI послала банку горчицы с Высоцким из Главуралмента, 9/VI – 600 грамм печенья с семечками. Вы должно быть уже все это получили. Горчицу у нас можно купить только в обмен на пустые банки. У нас дома, конечно, ни одной банки не осталось. Если мне удастся найти счастливого обладателя несколькими банками и мне удастся выпросить продать мне одну, но я могу купить горчицу; а так как это счастье, как и всякое другое, бывает очень редко, что я после бесплодных приставаний ко всяким старцам, старушкам и домохозяйкам ухажу ни с чем. Отсюда вывод, если найдется желающий, пришлите с ним несколько использованных горчичных банок. Я в обмен пришлю горчицу. <...>

Дорогая моя Мусенька! Я тебя уже раз поздравляла с днем твоего рождения. Сегодня делаю это еще раз, моя родная девочка. Несмотря на то, что тебе уже исполняется 15 лет и ты уже совсем взрослый человек, а я за эти пятнадцать лет пережила больше тяжелого, чем радостного, последние дни я все время хожу с таким чувством, как будто никаких пятнадцать лет не прошло, и я тебя только родила, такую махонькую; как будто все это было

только вчера, вернее должна быть только в воскресенье. Боюсь, что у меня в субботу даже появятся родовые схватки; во всяком случае, будут схватки тоски. В день твоего рождения хочу тебе только сказать, что ты единственное существо в этом мире, которое за все свои пятнадцать лет доставляло мне только радость и бесконечное счастье; себе желаю сохранить этот источник благодати на всю жизнь. Тебе, а также Симушке, обеим моим девочкам, желаю в жизни только счастья и радости. Пусть судьба избавит вас от горечи разочарования и всяких мучений. Это будет со стороны судьбы только справедливым актом, ибо ваши мамы испили горькую чашу, которая, безусловно, была отпущена на две жизни, а не на одну. Итак, за восстановление справедливости и равновесия в этом «лучшем из миров», за ваше светлое будущее!

Целую вас крепко, обнимаю и люблю, люблю, люблю бесконечно.

Ваша Милюка.

10/VIII-42

Дорогие мои! Послала вам 8/VIII-42 письмо с Осиповичем – бабушке на 3 странице и девонькам на 14 страницам с хвостиком. Он вам должен был позвонить, если не позвонил, зайдите в Наркомат и разыщите его. Сегодня кроме письма посылаю вам 4 репки. Я вчера была на огороде, свеклы у нас народилась, только очень маленькая: думала, что она вообще останется мелкой, и придется вам есть мелкую свеклу. Картошка цветет вовсю. Моркови вообще мало. Репа будет еще, напишите, как она вам понравилась. Следующий раз пришлю еще репки, мы с И. Т. решили репку сами вытаскать, не дожидаясь пока она вырастет «большая пребольшая», а то это сделают за нас другие. У меня для вас есть уже 250 гр. сухарей и 250 гр. сушек пришлю это со следующей оказией.

Вчера купила вам массу учебников – все новенькие; теперь у вас есть новые – анатомия, немецкий язык, новая история, неорганическая химия, сборник задач по физике, Киселев – I часть, родная литература – это все по 2 экземпляра. Кроме того русская история 1, и экономическая география 1; больше экземпляров не было в машине, но это я еще достану до начала учебного года.

Бабушке капелюку соды достала. Завтра мне ее принесут, и следующей оказией она пойдет к вам. На этом кончу. Будьте здоровы. Целую вас крепко. Пишите. Ваша Милюча.

В письмо от 10/XII-42, Раиса пишет о холоде: «Все время пока не топили, я ела и все делала на кухне, только спала в "холодильнике" т. е. в комнате. И. Б. где-то достал доски (садовые скамейки, крышки от мусорных ящиков, по-моему, он однажды приволок даже дверь) и также маленькую печку в кухне. Мы с ним там мирно "чаевали", вернее "кофеили". К моему приходу с работы он уже бывал дома, затапливал, и у нас начиналась настоящая жизнь».

25/XII-42

Дорогие мои родные! Как теперь уже точно выяснилось, я к Новому году у вас не буду, поэтому поздравляю вас сегодня с Новым наступающим годом и желаю и вам, и себе и нашим близким всего наилучшего, а главное быть всем вместе. Я сильно надеюсь, что в 1943 году будет покончено с фашизмом, и мы сможем легко и свободно вздохнуть и зажечь настоящей жизнью.

Я очень рада вашим успехам в школе; надеюсь, что во второй четверти вы будете круглыми отличницами обе; мне это, конечно, очень хочется, но не в ущерб здоровью. Старайтесь, возможно, больше спать, сон очень хорошо восстанавливает силы. Я, например, стараюсь все свое свободное время находиться в горизонтальном положении, а мне стоит только принять горизонтальное положение, как я уже готова заснуть. Но я не борюсь теперь с этим пороком и очень довольна, что у меня кончилась пора бессонных ночей. Сон это большое дело: залог и здоровье. Все три «добродетели» украшают не только дом, скажем, средних лет или третьей молодости (вроде меня), но и совсем юных девушек (вроде вас).

Опять пишу по поводу моего приезда. Приеду, очевидно, в январе. Мне придется бывать и в Госплане, и в Главке пока не будет утвержден зам. по лому. Кроме того, зам. наркома В. С. Бычков мне заявил, что я по лому должна быть его правой рукой; даст

мне задания, которые у меня также отнимут много времени. Дня явно мало, чтоб успеть сделать все работы, поэтому часть приходится сидеть вечерами. Все же думаю, что через месяц я буду у вас. Поживем опять вместе месяц-два, а там уж скоро, наверное, можно будет всем вернуться по домам, если дела на фронтах пойдут так хорошо, как сейчас. Возьмем большой огород и будем вместе его обрабатывать. Очень прошу вас писать мне почаще, от этого зависит в значительной степени мой вид, который я сумею вам привезти, а ведь вы бесспорно хотите меня видеть, если не толстой, то и не Кощеем. Я принимаю все меры к тому, что приходится все эти заботы проявлять по отношению к себе, вместо того, чтоб окружить или более достойных и нуждающихся в этом.

Очень рада, что вы с молоком; я также балую себя молочком.

Сегодня читала ваше письмо, и глазам своим не верила. Что это вы стали пользоваться печкой О. Д.? Может быть это описка; или она уехала, и на хозяйстве остался С. А. А, может быть, успехи нашей Красной Армии резко изменили ее характер? Жду объяснений.

Пока всего хорошего. Крепко целую вас, мои дорогие, и обнимаю.

ПИСЬМА РАИСЕ ИЗ СВЕРДЛОВСКА В МОСКВУ

22/III-42

Миленькая, хорошенькая моя милючка!

Я тебя очень люблю, родненькая. Я тебе писала в открытке, что на этой неделе буду исправлять все мои «хоры», но нам продлили четверть еще на неделю (за счет весенних каникул), а Тат. Петр. сказала нам, что в нашем классе намечено сделать отличниками Белокриницкую, Карташову, Воронину, Боинцева, Волкова, Курицкас (Таню) и Топорову. И еще новенькую девочку МухOVER. Так что мне заботиться нечего. По тем предметам, по которым мне грозит опасность, меня будут спрашивать сами учителя. Вообще нельзя сказать, чтобы у меня было масса свободного времени, но так как сегодня выходной и я никаких особенных подвигов делать не собираюсь, то я отвечу тебе на твое длинное письмо. Кстати, насчет подвигов: о прачечной у нас пока не говорят. Когда я пойду получать карточки на апрель и пропуска в столовую, я спрошу, что они себе думают, но пока даже нет времени. Ольги Дмитриевны прачка не хочет брать белье. Впрочем, когда она принесет ей белье, я постараюсь ее уговорить. Может, она возьмет крупное. Вообще, миленькая моя радость, я бы об этом так не заботилась, если бы не знала, что ты там беспокоишься и думаешь, что мы здесь изнываем от работы. Если бы ты знала, милючка, что мне это не стоит никакого труда. Мне доставляет такое огромное удовольствие вести хозяйство, и я постоянно сравниваю, у кого дела идут лучше: у меня, или у наших соседей. До Надежды Викторовны мне далеко. К ней, когда в комнату не зайдешь, всегда чистота и порядок, прямо-таки я удивляюсь, как будто там и не живут вовсе. Что касается до Ольги Дмитриевны, то эту догнать совсем не трудно. Она даже сама мне часто го-

ворит: «Вот ты уже постирала, а я все никак не соберусь, у меня большая груда белья». Вообще, если бы ей Наташа не помогала, не понимаю, как бы она справлялась. Цупанька! Сегодня нам позвонил товарищ из Главруды и сказал, что у него есть твои 3 письма. Завтра кто-нибудь из нас к нему пойдет.<...>

Бабуся себя чувствует прекрасно. Она поправляется. Из твоих грибов мы уже сварили замечательный суп сегодня. Курица тоже поправляется нам всем на радость. Бабынюку, было, врачи помучили, что та опухоль, которую обнаружил еще при тебе первый врач, может быть злокачественной, но мы с ней пошли в поликлинику к гинекологу, и та сказала, что это обыкновенная доброкачественная опухоль от того, что бабушка много ходила на рынок и вообще.

Милюча! Вячеслав тебе уже, наверное, писал, что его брат Владимир был ранен 30 января и находится с 3-го марта в госпитале в Свердловске. Он ранен в голову и плечо. Сейчас он уже поправляется. Вячеслав у него был на приеме два раза. <...> Мунька.

20/IV-42

Дорогая Милюченька!

<...>Я пишу тебе письмо, хотя, вообще-то говоря, мне надо было бы учить географию, но мне очень не хочется. Вчера мы ходили в кино на «Золотое озеро» с Наташей, Кларой, Антиком и Нонной (девочкой из нашего подъезда). Мы раньше ходили за билетами, а потом в кино, оба раза пешком по невылазной грязи, и очень устала, так что я в девять часов легла спать и попросила Муньку, чтобы она меня разбудила, когда будет ложиться (я хотела мыться). Девочки меня приглашали на «Маскарад», как говорят, замечательная картина, так что на нее попасть совершенно невозможно, но я отказалась. Не успела я лечь, как Мунька заявляет: «Я уже ложусь». Тогда я разделась и легла уже по-настоящему. Сегодня утром (я вернулась из столовой в пол-одиннадцатого) я стала стирать свое серое шерстяное платье и решила, что если не успею, то не пойду в школу. Но я успела и пошла. Так что сегодня мне нужно ждать, пока зажгут свет, и мыться, а завтра я собираюсь, во-первых, пойти в гастроном по-

считаться, во-вторых, погладить серое платье и, в-третьих, постирать несколько своих кофточек. Мне теперь чуть ли не в девять часов хочется спать, поэтому я пишу тебе всякую чепуху, никак не могу собраться с мыслями. Милюченька, у нас весь класс едет в колхоз, за исключением двух-трех человек и тех, которые уходят из школы. Говорят, что те, кому будет работать в поле тяжело, будут исполнять тимуровскую работу: смотреть за детьми и т. д. Но я, конечно, буду на полевых работах. Кстати, слова «тимуровская работа» мне напомнили, что нам задали сочинение по конституции на тему: «Моя помощь фронту». Я думаю написать, как я в Москве таскала песок и воду на чердак. Вообще, сочинение очень трудное и серьезное. Сегодня мы подписались в школе на заем, каждая из нас на 30 руб., только что позвонила Зинаида Николаевна и сказала, что есть от тебя письмо, сейчас я иду его брать. Теперь продолжаю уже после того, как принесла письмо. Муся вылезла из постели и сидит и читает его, а я пока только прочитала письмо от Лелиного брата. <...>

Вообще мне пора уже кончать письмо, так как надо учить уроки. Я собираюсь написать открытку Горелику, не знаю, когда напишу. Пока, до свидания.

Целую Сима.

22/IV-42

Дорогая милюченька!

Пока письмо лежало у меня неотправленное, приехал Завельский и привез от тебя письмо и посылку. Большое спасибо, дорогая милюченька, за присланные тобой вкусняшки. Сухарями мы поделились с Вячеславом, а масло он не захотел взять. Он сегодня принес нам три плитки шоколада, колбасу и манную крупу. Мне сегодня весь день везло, и я получила три «отлично» – по русскому языку, литературе и химии. Целую, Сима.

2/V-42

Дорогая милюченька!

Я решила написать тебе длинное письмо на все эти две страницы. Не знаю, как выйдет со временем и с материалом для изло-

жения. Начну, употребляя литературные термины, с экспозиции. Сейчас десять часов вечера. Мунька уже лежит в постели и читает «Войну и мир». Я сижу с распущенными волосами и намазанной керосином головой, а на плитке стоит и греется миска с водой для головомойки (нам во время праздников свет не выключают). Только что я прервала письмо, для того чтобы поужинать. Ужинать нам теперь есть что: Вячеслав получил изумительный первомайский паек. В нем заключались (т. е. я пишу размеры, того, что пришлось на нашу долю, в действительности было вдвое больше) следующие вещи: ветчинно-рубленая колбаса, красная икра, 1 ½ кг мяса, килограмм сметаны, полкило сливочного масла, печенье, кекс, ореховые, вроде маковых, конфеты, три яблока [возможно, Вячеслав сказал, что это половина пайка, чтобы девочки взяли продукты]. Продолжаю писать я уже на следующий день. Сегодня мы были днем в театре, слушали оперу «Флория Тоска». Нам очень понравилась опера, хотя она и была в исполнении Свердловских артистов. Мы сидели в одиннадцатом ряду партера. Во время антракта мы купили десять пряников (давали пять штук на билет и при этом рвали его). В прошлом месяце у нас осталось 250 г крупы и 50 г мяса. Мартина мама нам получила 250 г муки и апрельский мясной талон обменяла на майский, так что у нас за прошлый месяц ничего не пропало. 1-го мая мы сфотографировались на маленькие карточки (на большие у нас не фотографируют). Наверное, получимся плохо, по крайней мере, я. У меня получилась какая-то гримаса, когда я фотографировалась. Получать карточки будем пятого, то есть послезавтра. Мы заказали восемь экземпляров. Тебе, конечно, пошлем, как только они будут получены. Вообще, я еще не решила, как я буду распределять свои карточки. В классе я никому не дам, так как если дашь одной из девочек, то неудобно не дать остальным, а на всех не напасешься.

28-го у нас был вечер в Индустриальном институте. Вечер был очень хороший. Концерт на этот раз был самодеятельным, но не хуже, чем концерт настоящих артистов. Его организовала наша историчка Анна Александровна. Нам очень понравилось, как пела одна десятиклассница, Лена Пуховская, которая и во всех других отношениях тоже самая настоящая прелесть. Другие номера так-

же были прекрасны. Одна девочка имитировала Рину Зеленую. Был даже конферансье. В общем, все честь честью. Милюченька, пришли нам конвертов и открыток. У нас уже запасы истощаются. Почему ты нам давно не пишешь? Мы уже начинаем беспокоиться.

Пока, до свидания. Целую, Сима.

2 июня 1942

Чудненькая, родная милючка!

Сначала напишу тебе, как прошли наши последние дни в школе и что известно нового о колхозе. Вчера у нас было классное собрание учеников совместно с родителями. Из родителей, правда, было только двое матерей. Я очень жалею, что тебя не было. Не то бы ты потолковала с Тамарушкой. Я очень люблю, когда ты приходишь к нам на собрания. Потому что ты, моя прелесть, и лучше всех. На собрании нам выдавали похвальные грамоты. В нашем классе получили 9 человек: Я, Симочка, Таня Курицкая, Лева Воронин, Гаинцев, Рая Топорова, Саня Муковер, Чашин и Эдька Торощин. Ты, кажется, знаешь их всех, кроме Муховер и Чашина. Чашина потому, что он раньше был весьма незаметной особой в классе. Он стал отличником только в последнюю четверть и испытания сдал на «отлично». Сашу Муховер ты не знаешь потому, что она поступила к нам только в 4-й четверти. Потом Тамара сказала, что про колхоз еще ничего неизвестно. Поедем мы туда не скоро и ненадолго, а потом снова вернемся. В общем, это еще очень неопределенно.

Погода у нас сейчас страшно жаркая. Самую жаркую часть дня я лежу в сарафане в парке на траве. В том парке – лесу, что около нас. Завтра мы с Наташей пойдем в лес за цветами и вообще. Возьмем с собой хлеб и булочки. У нас в школе, хотя занятия и кончились, выдают ежедневно булочки. Одну-две, а иногда и больше – это тогда, когда приходит мало народу. Сегодня давали по 2. Они разрезанные и внутри посыпается сахар, так что получается из булки бутерброд с сахаром. У нас в школе можно по жировым карточкам получать и молоко, и простоквашу, и сметану, но у нас жиры забирают в столовой. Раньше в начале месяца срезали 150 грамм, а теперь за каждый обед отдельно, так что у нас жиров

уже не останется для школы. В мае я на оставшиеся от столовой талоны получила в молочной молоко нам и Вячеславу. Завтра нам в школе будут выдавать учебники. Какие нам дадут, мы тебе напишем.

Мы тебе писали, наверное, что купили себе соломенные шляпы (это было уже давно, когда Вячеслав был еще здесь). Они очень хорошенькие. Хоть солома и драная, но они с полями, с лентами, и посередине большой цветок. У Симочки красный, а у меня желтый, но мой, по-моему, красивей. Поля у Симочки больше, чем у меня, она носит шляпу набок, а я прямо. Я ей сегодня приделала резинку, которую продеваю под косы сзади. Так она очень хорошо держится, а то она при ветре слетала с головы. Я теперь ее ношу всюду, и когда гуляю, и в столовую, только по вечерам, когда нет солнца, не ношу. Вообще, это кажется единственная из всех шляп, бывших у меня, с которой я в ладах. Мы снимаемся в этих соломах и пришлем тебе карточки. Сюзик до сих пор не приезжает. Я сегодня хотела звонить ему, но линия была занята и разговора не приняли. Сегодня мы получили от Милочки Иовлевой письмо. Она, оказывается, Симочкину 1-ю открытку не получила, а получила только 2-ю. Сегодня же получили письмо от Шуры. Вячеслав, наверное, скоро приедет. Раньше мы думали, что не увидим его, потому что он придет числа 15-го мая, а мы в это время должны были быть в колхозе. Теперь же, раз поездка в колхоз откладывается, мы сможем его увидеть и вдоволь поговориться, что очень кстати, потому что он читал здесь «10 лет спустя» по-французски, начал нам рассказывать и не закончил. Теперь же нас ждет окончание столь прославленного романа.

В нашем магазине мы получили сахар. Сегодня поеду туда. Может быть, будут давать соль и чай. В столовой обеды стали как будто лучше, но вообще, я очень мало это чувствую, т. к. летом совсем не хочется есть, а особенно горячий обед. Целую тебя. Крепко целую. Привет Оксане. Мунька.

3/VI-42

Дорогая, миленькая милючка!

<...> Сначала напишу тебе, что мы только что получили обратную открытку, которую я послала Весеньке. Надпись «В Сверд-

ловск за выбытием адресата» и подпись непонятная. Что делать, мы не знаем, мы написали Лидии Петровне в оба адресата (вместе с этой открыткой мы получили письмо от Л. П., где она пишет, что она в начале июня переедет к мужу в Казань) в Вольск и в Казань. Думаем написать Нюточке, но из этого все равно ничего не выйдет, т. к. если она там, то все равно, когда будет возможность, она сама без нашей просьбы, напишет Лидии Петровне, все что она знает, где Весентка. Я думаю, лучше всего написать нач. лагеря и спросить, где Весенка. Конечно, она может ответить, а может и не ответить. Но это самый лучший способ, по-моему. Может быть, Нюточки тоже там нет. Самое плохое, что мы не знаем, как ему писать, т.е. по какому адресу, как его фамилия. Весенкин адрес: Мордовская АССР. Почт. отд. Явас. Почт. ящ. 214/4, но ведь ему же явно не тот почтовый ящик, и лагерей там много, так что придется, очевидно, навести справки. Милюченька, сделай все, пожалуйста. Мы бы сами написали, но нелзя же «на деревню дедушке».

Да, сейчас ведь пришли сразу три письма; обратная открытка, письмо от Л. Петровны и открытки от Цили – мне в ответ на мою. А ты ей, наверное, еще не написала. Ее адрес: Семипалатинск. Мясокомбинат. Финансовый отдел. Открытку, которую мы получили, обратно перешлем тебе. Мы в ней разобрали некоторые даты и установили такую хронологическую связь. Весенкино последнее письмо написано от 16 апреля (мы тебе его еще не пересылали), 2 мая я ей написала открытку. Открытка прибыла в Явас 16 мая и уехала оттуда 19 мая. В Свердловск прибыла 3 июня. Вот и все. Теперь тебе отвечаю на твое письмо, так как чувствую, что ты разгораешься, или уж не знаю, как выразиться. Вообще мы и я в частности писали тебе гораздо больше, только ты, наверное, не получала. <...>

Книжку, как я уже писала, мы не получили. «Труд» мы в мае получали. Не знаю, как в июле, т. к. теперь редакция перевелась в Москву, и газета приходит с опозданием. Бабушка тебе пишет, что мы каждый день ходим в лес и на озеро, а мы только один раз сегодня пошли на озеро, но сказали, что в лес, а так как бабушка все равно знала, что на озеро (она видела на мне купальный ко-

стюм), то она сосчитала нам это за 2 очка, а так как мы собирались идти уже два дня, но все были заняты, а только говорили, что мы пойдем, то бабушка и засчитывала нам за несколько раз. Мы ходили купаться с Наташей, там, на пляже, нам встретился знакомый Стан. Андр. Наташа спряталась, но он все равно ее увидел, но обещал не говорить, если она больше не будет ходить одна. В общем, пришли домой, а О. Д. уже все знает от бабушки, конечно. Но она разрешила Наташе ходить. Мы будем ходить, наверное, все-таки со взрослыми. У того Ст. Адр. знакомого 2 дня в неделю свободны от занятий (он, кажется, тоже преподает в институте) – среда и суббота. И мы будем ходить с ним.

Милюченька, моя дорогая хорошая, я начала писать в таком сердитом тоне, т.к. сердилась на твое сердитое письмо, а к концу рассеялась, а у тебя все письмо надутое.

Целую тебя крепко. Мунька.

3/VI-42

Дорогая милюченька!

Я тебе сегодня не буду писать много, так как уже очень поздно. Я сегодня написала две открытки. Лидии Петровне (в два ее адреса) и Нюточке. Мусенька тебе написала подряд два длинных письма, так что мне помимо того, что некогда писать, еще и нечего. Милюченька! Сегодня я, когда разносила письма, зашла к Дегтяревой. Дегтярев между пятым и десятым июня приедет с Магнитки. Мы с ним что-нибудь передадим.

Целую. Сима.

Не что-нибудь, а твои вещи, которые ты просишь, и тару: жестянки и мешок.

Почерк у меня отвратительный, и, главное, что не похож даже на твой.

10/VI-42

Дорогая милюченька!

Вчера Зинаида Николаевна принесла нам твое письмо от 5/VI, которое, как она нам сказала, привез кто-то из Главкوكса. <...> Теперь продовольственные дела. Картошкой бабушка обе-

спечена до осени. Намочный запас – 12 кг. Вообще-то это не много, но для одного человека может хватить, а мы через шесть дней уезжаем. К тому же на рынке достать картошку теперь не так трудно, и она стала дешевле. Теперь продают за 20 р. кг, а дальше она, наверное, еще подешевеет. Из наших 12, которые я получила в Уралторге, и 2 кг она купила отоваренных, т. е. по 2 р. 50 к. кг. Я тебе уже писала о нашем огороде, т. е. пол-ящика на балконе. Там бабушка посадила семь луковиц, две картошки, одиннадцать зубков чеснока, а на остальной земле – огурцы. Кое-что уже начало всходить. Теперь напишу о колхозе. Едем мы 16/VI в колхоз Белоярского района на прополочные работы. Говорят, что едем на две-три недели. Девочки едут отдельно от мальчиков. 12-го будет организационное классное собрание. Вот и все, что я могу пока тебе написать. В этом месяце карточки в столовой так и плывут. Вырезают очень много. Бывает очень часто омлет или лапшовник с яйцами. За лапшовник вырезают 50 г мяса и 30 г крупы, а за омлет тоже мясо. Мне сказали, что с 20-го обеды будут давать коммерческие. <...>

Привет плановикам. Пока, до свидания.

1/VII-42

Дорогая милюченка!

Сегодня в 1 час ночи одна учительница у нас едет в Свердловск. Мы с ней посылаем письмо, которое Надежда Викторовна отправит через Управление Делами. Мунька вчера дежурила и на работу не вышла, поэтому она успела написать две открытки, из которых одна, конечно, предназначалась тебе. Так я думаю, хотя я их и не читала и даже толком не знаю, кому она писала. Мы приехали сюда позавчера вечером. Наши вещи уложили на подводу, и мы сами отправились пешком. На полдороге подвода сломалась, возчик отпряг лошадей, сел на одну из них и усакал, а мы остались ночевать на дороге. Раньше гуляли, потом забрались на вещи и улеглись спать. На следующее утро за нашими вещами приехал бригадир II колхозной бригады (наша II школьная) и забрал наши вещи, а мы пошли пешком. Мы здесь живем в школе, жить нам хорошо. Имеем две комнаты. Мы спим на топ-

чанах, набили себе матрасы. Кормят нас на стане, в поле. Дают завтраки, обеды и ужины. Мы полем пшеницу. Работа довольно-таки утомительная. Нормы мы еще пока не выполняем, но мы работали всего два дня, а потом, когда привыкнем, будем выполнять. Сегодня на завтрак ели картошку, на обед – суп-пюре, капусту кислую и пол-литра молока. На ужин суп картофельный и по кружке парного молока. Я кончаю письмо, потому что уже темно. Целую.

Бабушка! Я не имею времени писать тебе отдельно, но ты прочитай это письмо, а потом дай Надежде Викторовне, чтобы она переслала Милюке. Потом напишу тебе отдельно.

Крепко целую. Привет соседям. Сима.

Дорогие бабушка и Надежда Викторовна!

Перешлите, пожалуйста, эти письма милючке. Пользуюсь оказией: сегодня одна учительница едет в Свердловск. Можете прочитать письмо к милючке.

Дорогая миленькая, золотая!

Я тебя очень и очень люблю и очень по тебе скучаю. Вчера я отправила тебе открытку. Ты ее, конечно, не получила. Вчера я не работала, т. к. была дежурная по нашей бригаде. Мы живем в здании маленькой школы. Здесь 2 комнаты и прихожая. Сегодня я уже работала, и, представь, не очень устала. Нас кормили сегодня 3 раза. Первый завтрак, на завтрак сварили картошку, т. к. продуктов сейчас нет. На обед дали картофельный суп-пюре, солёную капусту и по пол-литра молока. На ужин картофельный суп, или картошка с соленой капустой, а сейчас мы сходили на ферму, и нам дали 10 л. молока. У нас в бригаде 22 чел., и это выйдет меньше немного, чем пол-литра. Вчера был суп с картошкой и с мясом. Хлеба нам дают в день 750–800 г. Мы его съедаем не весь. Шагах в 50 у нашего дома маленькая речка. Купаться в ней нельзя, но мыть ноги можно. Мисенька, на этом писать кончаю, т. к. уже стемнело, а у нас света нет. Мальчишки из нашего класса живут недалеко от нас за рекой, в стане. Пока, всего хорошего. Целую тебя тысячу раз, твоя Мунька.

31/VII-42

Дорогая, милюченка!

Я уже 5-й день живу в Свердловске и ничего интересного не случилось. Мы были с Н. В. на «Аринке». Это кино уже повторное, но мы его в Москве не смотрим. Мы хотели поехать к Сюзику менять, но, оказывается, что там нельзя менять, а от туда нужно еще куда-нибудь ехать верст за 150. Так что мы к ним, наверное, не поедem. Н. В. хочет поехать куда-нибудь с женой Романовича. Мисенька, я по тебе очень соскучилась и прямо-таки не могу жить без тебя, потому что сейчас такое время, что постоянно нужно что-нибудь решать и не с кем посоветоваться. Во-первых, почему Л. П. написала Торе, чтобы она поступила в техникум, а ты нам велишь кончать десятилетку. Ведь неизвестно же еще, можно ли будет поступить в институт, и куда мы тогда пойдем после десятилетки. К тому же в школе нужно платить, а в техникуме мы будем получать стипендию. У нас большинство девочек идут в техникум. Мисечка, наш наркомат заключил договор с овощеводческим совхозом в 8 км от Свердловска, и вчера туда уже отправилась 1-я партия на 5-дневку. Меня тоже приглашали. Мы с Торой были на собрании, но я отказалась, т. к. решила ехать со школой, а Тора – потому что должна была подать заявление в техникум. Но вообще Тора хочет ехать с Наркоматом, а не со школой, и советует мне тоже. Мы можем ехать на 5-дневку как члены семьи (нас приглашали как членов семьи), а до 1 сентября или на месяц, вообще жить там постоянно. Там уже работают постоянно 100 сотрудников наркомата и некоторые члены семьи (конечно, нашего возраста) тоже. В совхозе мы будем работать не на трудодни, а за деньги (при выполнении нормы, мы будем получать в день 6 р. 50 к.), причем 30% нашего заработка нам должны уплатить натурой по твердым государственным ценам. 65 коп. – кг картошки, 12 коп. – кг капусты и т. д. У Наркомата там есть участок в 50 га (10 га морковки, 10 га свеклы, 30 га картошки), который мы должны прополоть, а потом убрать. Если мы соберем со своего участка урожай сверх плана, то 1/3 от сверхпланового урожая дадут целиком нам (план 10 т карт. с га, 5 т

моркови с га и 7 т свеклы с га, в прошлом году картошку снимали по 15 т с га). Здесь в наркомате устраиваются специальные овощехранилища. Хлеб мы там получаем по нашей карточке и, кроме того, в день дается 200 г коммерческого. Кажется, еще поехавшим в колхоз карточки обмениваются на рабочие. Кормить нас будут там хуже, чем если бы мы поехали со школой. Молока они не получают. Выгода в том, что в случае болезни это очень близко от Свердловска и можно приехать сюда. Но сейчас я вообще не могу ехать, и даже если школа поедет на этих днях, то я не знаю, смогу ли я. Дело в том, что у меня все руки – и ладони, и с наружной стороны – покрылись прыщиками. На внутренней стороне они как будто даже подкожные. Но зуд от этого еще хуже, и вообще что-нибудь трогать – руки болят. Бабушка говорит, что это чесотка, но на чесотку, по моему, не похоже, т. к. у меня это уже больше месяца (между пальцами появились еще до колхоза, в колхозе перелезло на пальцы и ниже, но там я не знала, что это такое, т. к. комары кусали почем зря, и я, все что ни чесало, чесала почем зря). Особенно я разболелась здесь за эти три дня. Я была уже у врача. Здесь у меня уже распространилось по всей кисти и на внутренней стороне. Врач сказал, что это от пота, чем-то помазал синим, и велел делать марганцовые ванны. У нас марганцовки нет. Я одолжила у Торы немного и теперь ее очень экономлю, т. ч. ванны не очень насыщенные. Бабушка мне хочет сделать какую-то щелочную ванну, но меня вода раздражает, не меня, а мои руки. Целую. Муся.

15/VIII-42

Дорогие бабушка и Надежда Викторовна!

Мы уже 5-й день живем в колхозе. Симочка написала одну открытку, а я нет, т. к. сейчас очень некогда. Живем мы довольно весело, скучать не приходится. Работать будем, наверное, без выходных. Сами знаете, какое сейчас время. Вообще у нас время остается, чтобы сходить за ягодами. Читаем тоже понемногу. Наверное, привезем вам сушеного шиповника на компот. Только он еще не созрел. Пока много только костя-

ники. Мы еще живем вместе с колхозниками. Скоро переедем. Целую, Муня.

2/IX-42

Здравствуй дорогая милоченька!

Следующее письмо, которое ты от нас получишь, будет, вероятно, из Свердловска. Послезавтра мы поедем на два дня домой. Мы обе едем в третью очередь, а четвертой совсем не будет. Ольга Феликсовна поедет вместе с нами. Мы решили все грязное белье увезти домой и там постирать, а сюда привезти чистое. Я тебе уже писала, что мы будем здесь двенадцатого. Сегодня я работала на веялке. Скоро нас пошлют убирать картошку. У нас очень холодно. Снова, сегодня, когда я выходила на работу, ко мне можно было применить пословицу «семеро одежек, и все без застёжек», но за работой я согрелась и даже пальто сбросила. А вот на стане у нас действительно холодно. Ну, это ничего: вечером будем печку топить. Целую, Сима.

3/IX-42

Дорогая милоченька – прелесть!

Позавчера мы тебе отправили письмо. Письмо это опустили в Свердловске в почтовый ящик. Девочки уехали на побывку во 2-ю очередь. Так оно дойдет быстрее, т.к. из нашего захолустья до Свердловска письма идут 7–10 дней. Мы поедем в Свердловск, в 3-ю очередь Ольга Феликсовна поедет с нами. Она уже выписала нам командировку на 4-е письмо. Но, я думаю, мы 4-го не уедем, т. к. 3-я очередь, хотя должна была вернуться к этому времени, потому что, начиная с той ночи, как они уехали, у нас стоит ужасная погода, они, наверное, простудились, когда ночью шли в одних жакетках на станцию. Мы тоже привезем длинные пальто (старые) и туфли. Я черное, закрытое, а Сима коричневое на резине. Конечно, жалко брать последние туфли в колхоз, но, во-первых, когда мы вернемся, нам останется 2 недели и мы за это время, наверное, не разорвем, а, во-вторых, будем требовать, чтобы нам в школе давали туфли, т. к. у всех такое же положение. (Карташова)

14/IX-42

Дорогая, милая, цюпенькая милючка!

Это письмо вместе с Вячеславиным письмом и посылкой (в ней чеснок) я посылаю с Гиттером. Он летит завтра. Твое письмо через него мы получили, а также и посылочку. Борщ бабушка еще не варила, т. к. у нас был сварен овощной суп на 2 дня, а будем варить завтра. Морковку мы уже распробовали. Она очень сладкая. Капусту еще не начали, т. к. у нас была своя. Нам Вячеслав привозил 3 кочана, и еще у них есть капуста для нас, нужно за ней только поехать. Бабуленька нашинковала белую вазу и голубую пузатую кастрюлю капусты. Кроме того, все время варит из нее супы. Нужно признаться, что овощные супы у бабушки превзошли все остальные супы, и борщи, и бульоны, сготовленные ею. Сегодня приехал Горелик. Он обменял нам на 4 пачки чаю 1300 г. масла сливочного. Бабушка оставила нам с Симочкой на еду грамм 200, а остальное перетопила. Вышла целая литровая банка с гакком. Гак мы перелили в надломленный стакан и туда же положили пену. Бабушка говорит, что жарить на пене можно. Все это вместе, получилось больше полстакана. Мисенька! Возможно, ты не знаешь, отчего мы в Свердловске, вернее я в Свердловске. Я тебе числа 11-12 написала письмо с подробным описанием, как мы вернулись из колхоза, и отнесла его наркомат, но меня туда не пустили, т. ч. я отдала его какой-то женщине и попросила отнести в Управление Делами. Она обещала. Напиши, получила ли ты его. Когда ты будешь читать это письмо, ты его, безусловно, не получишь еще, т. к. я его 12-го отнесла, а это придет, наверное 16-го. Поэтому напишу тебе кратенько, почему мы в Свердловске. 9-го мы с Симочкой приехали домой на побывку, и 9-го же я заболела. У меня появились на спине фурункулы. Т. е. появились еще в колхозе за день перед отъездом (они размножились от того больного, о котором я тебе писала из колхоза), т. к. спина чесалась, но точно я не знала, т. к. спала не раздеваясь. Здесь я пошла к врачу, той же, что лечила мои руки, и она меня освободила от колхоза до 20-го. Симочка была в поликлинике во Втузгородке. Ее смотрел главврач, и нашел у нее субкомпенсированный порок сердца и хронический суставный ревматизм. Т. е. ее тоже освободили.

Т. е. Симочка уехала за вещами нашими в колхоз, но еще не вернулась. Ждем ее завтра, но, может, она и не придет завтра, т. к. сказала, что одна не придет, а будет ждать попутчика. Вот и все наши дела. Теперь я живу в Свердловске, хожу на общий кварц, попутно захожу в столовую за 2-м, благо там теперь нет народу, а, в общем, сижу дома. Вячеслав меня оберегает как зеницу ока. Заботится, чтобы я паче чаяния лишний раз не проехала в трамвае. Между прочим, его комиссия находится в двух шагах от моей поликлиники. Я сегодня была у него, относила рецепт на стрептоцид, и он советовался обо мне с одним профессором, который ехал с ним в вагоне.

Мисенька, патоку Вячеслав советует есть так, а не портить ее на повидло или варенье. Он говорит, что так в ней и вкус, и свежесть, и витамины, а в сваренном виде это будет перевод продуктов. Ты спрашиваешь, вся ли потока вылилась в первый раз. Осталось полбутылки, а во 2-й раз она дошла идеально. Книжки мы тоже получили. Нем. яз. и анатомию высылай в последнюю очередь, т. к. у нас есть они здесь. И Шапошн. II ч. тоже.

Вячеслав выслал тебе по телеграфу 1000 рублей.

С Гореликом мы тебе вышлем твою блузку (только я не знаю, где к ней белый воротничок) и рубашу. С ним также бутылки 2–3 пошлю. Я спрашивала у О. Д., и она говорит, что на красное вино не меняет, но на водку очень хорошо. Она говорит, что не нужно даже менять, а просто продать на толкучке и тут же купить масло. Бабушка сегодня на рынке видела человека, который за пол-литра водки предлагал пол-литра подсолнечного. Бабоньке за то время, что нас не было, удалось поменять достаточно картошки. Меняет она и на булку 5 кг. Ягод на рынке нету. Только клюква 20 руб. стакан, т. ч. варить варенье на патоке вообще нет смысла. Приезжай поскорей, мой милый, малый карапузик. Ты у меня ведь еще совсем маленький. Мы здесь тебя быстро поправим. Но для этого приезжай побыстрей. Т. к. я сижу теперь дома, чтобы не тревожить моих болячек, то мне нечего делать, и я вперемежку читаю, пишу письма и штопаю чулки. Я уже заштопала 4 1/2 пары. Т. ч. вопрос о пересылке их тебе отпадает. Сегодня бабушка отдала мои галоши починить. За работу возьмут хлебом. Он чи-

нит также и валенки, но для этого ему нужно дать свою дратву и холщовые нитки. Однако одна пара снизу совершенно целая, а продырявлена там, где дратва не нужна. Т. к. ее можно будет тоже отдать в починку. Мисенька, я считаю, что мы зимой в школу можем носить твои туфли. Здесь есть твоих 2 пары. Обе 35-й. Одна – лодочки, про эти я знаю точно, что они на тебя не влезают, и 2-я ни разу не ношенная с перепонкой, та, что тебе купил папа. По-моему, лодочки не только можно, но должно носить, т. к. я могу с точностью сказать, что через год они мне будут малы, не знаю даже, влезут ли в этом году. Миленка, когда приедешь, привези наши старые туфли 34-й номер. Они совершенно новые. Можно будет их на толчке продать и купить такие, которые бы лезли на нас и на тебя. У тебя, по-моему, тоже обуви не избыток. Бабонька спрашивает, там ли ее старые калоши на каблуках. Привези, их тоже, можно выгодно продать. Бабуся говорит, что если осталась ее пасхальная посуда, то ты можешь употреблять ее с богом. Мисенька, когда приедешь, не вези сюда продуктов. Это зряшная потеря места. Съешь лучше все перед отъездом, а вези наше старое барахло, т. к. деньги плывут и нужны будут не только тебе дорогими обедами, но и нам. Целую тебя тысячу раз. Муся.

18/X-42

Дорогая, хорошенькая милочка!

Вчера тебе Симочка отправила телеграмму, что у бабушки нет водянки. Действительно, сегодня бабушку выписали из больницы, и полпервого она была уже дома. Врачи решили, что у нее опухоль-киста и что ее нужно вырезать и чтобы бабушка легла в какую-нибудь больницу, где есть хирургическое отделение. Бабушка уже сразу решила с места в карьер броситься в больницу, но ты знаешь, что мы не очень доверяем любви врачей резать все, что попало. Было бы очень хорошо, если бы ты приехала по возможности быстрее и сама бы решила, что предпринимать, к тому же эта волокита с больницами мне уже надоела. Если ее снова не примут без просьбы наркомата, то лучше тебе быть здесь и попросить. Завтра бабуся решила пойти в поликлинику Втузгородка, чтобы ей сделали просвечивание и вообще точно установили,

что это такое, т. к. таким врачам, которые раньше говорят, что это рак, потом, что водянка, а потом – киста, нельзя верить. Милоченька, много писать тебе не буду. У нас уже снова начинается занятия во всей красе и силе. Задают массу уроков. Меня спросили сегодня по литературе. Поставили «отлично», и вообще я вижу, что стала лучше разбираться в науках не «точных». Не знаю, чему это приписать. Пока, всего хорошего. Целую Мусю.

Передай привет Горелику. Он нам написал какое-то новое-годнее письмо, как сказал Вячеслав, но мы это письмо еще пока не получили, т. к. совсем не видели эти дни Вячеслава. Ему нужно было обязательно к 10-му сдать диссертацию и еще писать какую-то работу, по которой его хотят представить во 2-й раз к Сталинской премии. Целую, Мунька.

15/XI-42

Дорогая милочка!

<...> Нового у нас следующее. На Шарташ мы еще не ходили ни разу и пойдем, очевидно, только послезавтра во вторник, т.к. завтра мы утром идем на пивоваренный завод, а потом я поеду к сапожнику, т.к. ты, наверное, сама не заметила, как порвала вале-нок. Набойка слетела, а кожа лопнула. «Дед» с дровами приходил вчера, принес мешок, обещал прийти еще сегодня и принести мешок – за полстакана махорки полбанки соленых грибов (С. П.). Мы решили, что дрова дадим поколоть и напилить ему, когда нам их привезут. Вячеслав у нас был сегодня, обедал вместе с нами, но уже ушел, т.к. у него в полшестого сессия. Он нам рассказал, с каким парадом ты уехала, как торжественно прицепляли твой вагон. Я получила вчера по анатомии «отлично», а по физике за контрольную «хорошо». Вот и все наши новости. Я сейчас буду мыть голову.

Пока, всего хорошего. Твоя Мунька.

27/XI-42

Здравствуй, моя дорогая, милая, любимая милоченька.

Пишу тебе длинное подробное оказийное письмо. <...> Теперь опишу как следует все события. Во-первых, сегодня утром

приехала Леля. Поезд, на котором она приехала, опоздал на целые сутки, и тридцатого уже хочет выехать обратно, но я надеюсь, что она задержится. Леля привезла нам гостинцы: масло, муку, в общем, я даже не знаю, что именно и в каком количестве, так как Леля приехала и распаковалась в то время, когда мы были на ВУПе, а сегодня за весь день как-то времени не было спросить. Сейчас Леля легла спать (я пишу это письмо вечером). Относительно их переезда еще ничего толком неизвестно. Леля с Агре не виделась, только говорила по телефону, что она сама колеблется. Она говорит, что в нашей комнате и так не повернуться. У нас был такой план (у меня, Муньки и Вячеслава): Агре нажимает на Качко и добивается, чтобы студенток выселили, а Сюзику дали нашу ванную. Тогда Сюзик и Леля поселяются в нашей комнате, а в ванной мы устраиваем дровяной и продовольственный склад. Но Леля говорит, что в нашей комнате впятером жить невозможно. (А как бы злилась Ольга Дмитриевна, если бы нам принадлежала ванная!) Кроме того, они там очень хорошо обеспечены дровами. Леля работает в Леспромхозе, и ей там ежемесячно выдают полтора кубометра дров. У нас этого, конечно, не будет. Но, в общем, вопрос о переезде еще не решен. Позавчера мы, наконец, получили ценное письмо с багажной квитанцией на плитку. Вчера мы не успели за ней съездить, так как получили в Наркоместе капусту. Об этом я тебе напишу дальше. А сегодня приехала Леля, и мы решили ехать за печкой завтра. То есть поедут-то Муся с Лелей, а я не поеду, потому что завтра моя очередь обедать в кафе. Я тебе забыла написать, что Пропст опять уехал в командировку, и его пропуск у нас до конца ноября и будет на значительный кусок декабря, если только в эту столовую не перестанут пускать иждивенцев, а такие слухи ходят. Какая-то комиссия обследовала столовую и решила, что она для иждивенцев слишком хороша. Теперь расскажу о дровах и капусте (мы уже получили и то, и другое). Дрова мы получили в понедельник. Часа в два нам позвонил Комиссаров и сказал, чтобы мы приехали и помогли грузить. Мы так и сделали, но наша помощь оказалась непригодной, и Комиссаров отправил нас домой. Они должны были привезти четыре кубометра и разделить на восемь семей из второго профессорского корпуса, но вышло даже немного больше, чем

полкубометра. Машина дрова сбросила возле третьего подъезда нашего корпуса. Там мы их на глаз разделили на восемь кучек и тянули жребий, кому какая достанется. Нам досталась самая лучшая кучка, прекрасные березовые дрова, но, ох, и тяжелые же они были! Мы перетаскивали их к нам в комнату в течение трех часов, наверно. На следующий день шел снег, и пильщик, которого мы нашли, сказал, что он не может работать, когда сверху метет. Потом началась капустная эпопея, так что дрова еще до сих пор лежат у нас в комнате не распиленные. Они свалены в кучу у окна, а на них разложена часть капусты. Капусты мы получили 90 кг, по 30 кг на едока. Было это вчера. Я взяла у одной девочки из нашего класса грузовые санки, и мы отправились в поход. За бирку заплатили 180 руб. (т. е. это, конечно, цена капусты, а не бирки). С одиннадцати до трех простояли в очереди. Капуста кончалась, мы брали последнюю. Боже мой, что там делалось! Народ (в том числе и мы), видя, что капуста кончается, бросился на нее, не соблюдая никакой очереди, весовщик стал всех оттаскивать, но я забила в угол и он меня не вытащил. Потом народ набежал опять, и капусту приходилось брать, в буквальном смысле слова, в бою. Не знаю, кто мне давал тумачи, и кого я лупила, но, в конечном итоге, победителями вышли мы и набрали капусту. В разгар битвы и набирания я потеряла сумку, но потом ее нашли и отдали. Но это еще «цветочки, а ягодки впереди». Под «ягодками» я подразумеваю доставку капусты домой. Мы тащили ее, как настоящие бурлаки. Пришли домой, поели и отправились в школу (на третий урок), потому что у нас теперь очень строго следят за посещаемостью и угрожают отправкой в ФЗО. Вот мы какие герои! А сегодня тихо и благополучно получили 12 кг луку. Лук прекрасный, а капуста слегка подмоченная, но очень сладкая и вкусная. Я уже объелась. Больше пока ничего давать не собираются, тыфу, тыфу, тыфу, чтоб не сглазить. Пока, до свидания. Крепко целую. Сима.

2/XII-42

Дорогая, миленькая милючка!

<...> Повторно тебе пишу все наши подробности: дрова мы получили и уже распилили (это ты еще не знаешь), капусту по-

лучили 90 кг, лук 12 кг, печку багажом тоже. У нас 4 дня гостила Леля, т. к. она была в командировке. Печку благополучно она получила сама. Печка оказалась ужасно большая. Ее в кухне поставить нельзя. Кроме того, она забирает дров, наверное, столько же, сколько большая печь в кухне. Мы вчера были на рынке с Лелей и купили за 350 руб. маленькую кругленькую печечку, но она почему-то оказалась неподходящая. Мы ее вывели в печь (в дверцу, куда закладывают дрова). Но, очевидно, тяга не достаточная, т. к. печка дымит. Бабушка говорит, что надо продать обе плитки, но я думаю, что маленькую можно оставить, т. к., может быть, мы как-нибудь наладим тягу, а может быть, если не будут топить, то директор института позволит поставить ее в комнату и вывести в форточку. Я тебе забыла написать, что директор не разрешает никому выводить печку в форточку даже, если пожарная команда разрешила. Надежда Викторовна свою печку установила в комнате и вывела в отдушину. Получилось замечательно. Бабушка варит все время на ее печке (когда она уходит, то оставляет ключ от комнаты нам). По примеру Н. В. видно, что такая печка согревает хорошо комнату. Впрочем, и у нас пока тепло – 15°. Хорошо, если зима в этом году будет все время такая, как сейчас. Дрожжи мы уже давно получили, и я даже уже давно их не пью. У нас теперь свет есть круглосуточно. Лимит 1,4 квт-час выдерживает пользование светом (освещением) и утром и вечером продолжительное время. Электроутюгом тоже можно пользоваться. <...> Школьные дела у меня в 1-й четверти плохие. По литературе – пос., а по физике – хор. Литературу я и еще одна девочка просили нас вызвать на исправление, но она чего-то взъелась и отказалась, а по физике нечего было просить, потому что у меня 3 хора. Миленькая, ты не огорчайся этим. Может быть, литературу еще удастся исправить, а там в остальных четвертях у меня уже будет «отлично». Милючек, у Симочки по всем предметам «отлично». Я, конечно, знаю, что тебя этот «пос.» огорчает, но что ж поделаешь. Учителя в школе у нас в этом году как будто не от мира сего, т. к. они попросту ничем не интересуются. Уроки у нас бывают через час по чайной ложке. Литературы не было пол четверти (она была больна), но даже у здоровых предметы часто не бывали. Уроки снима-

ли, часто бывали пустые уроки, а то в один день заладят 3 одинаковых урока подряд. Вообще, как ни странно, несмотря на военное время, в школе больше разговоров, чем дела. Мисюночка, Вячеслав получил на весь этот месяц для нас пропуск. Кроме того Пропст в конце ноября уехал в Кузнецк и оставил нам свой пропуск. Т. ч. у нас в этом месяце 2 пропуска в столовую. Обеды там стали снова очень хорошие, тыфу, тыфу, тыфу, чтоб не сглазить. Сегодня – совсем роскошный: кетовая икра, манный суп на гусином бульоне, гуляш из гуся с картофельным пюре, манная каша с маслом. Кофе сладкое и пирожное. Вчера и остальные дни, правда, были постные обеды, т. е. манные каши, манные пудинги, манные запеканки, картофельное пюре. Но на третье всегда что-нибудь хорошее: пирожное печенье, а вчера даже 100 г шоколада. У Вячеслава теперь разболелся другой глаз. Ему сказали пить пивные дрожжи. Я ему принесла пол-литровую банку, но не думаю, чтобы он пил. Он говорит, что у него теперь есть витамины, т. к. Константин работал на овощехранилище и принес ему репу. Твоя Мунька.

1/I-43

Дорогая, милая милоченька! Мы тебе уже давно не писали длинных и подробных писем. Теперь постараюсь наверстать упущенное, и оставшийся до твоего отъезда в Свердловске промежуток времени будем писать тебе часто. Мы за это время получили от тебя три оказийные письма, на которые еще не ответили. Сейчас я возьму эти твои письма и буду тебе отвечать на все вопросы по порядку. Во-первых, насчет здоровья. С этой стороны все, конечно, обстоит вполне благополучно, и все у нас здоровы. Только Вячеславин глаз начинает его снова беспокоить. А что касается твоего беспокойства насчет Муньки и предчувствия, что с ней что-нибудь случилось, то до некоторой степени ты оказалась права, потому что в то время, когда ты это почувствовала, она себе отморозила щеку. Это было по дороге в столовую. Мы поврежденное место сейчас же оттерли шерстяной варежкой, а потом в столовой намазали снятым с каши маслом. В общем, теперь-то уже все хорошо и даже следа никакого нет. Вообще обморожение было не очень

сильное, не такое, как у меня в прошлом году. Так что по этому поводу можешь не нервничать и не волноваться. Милюченка, ты спрашиваешь насчет нашего финансового благополучия, думая, что оно уже закончилось, но в этом отношении ты очень ошибаешься. Денег у нас хватает, и еще в избытке. И наш постоянный источник дохода у нас остался, и продолжает по-прежнему нас поддерживать. Мы покупаем на рынке мясо, и у нас почти всегда мясные обеды. Молоко также бывает часто. В январе столовая Академии Наук для иждивенцев стала по карточкам, но Вячеслав получил дополнительный пропуск в малый зал, где он сам обедает тоже без выреза. Так что мы продолжаем питаться вкусными обедами и без выреза. А Оле отдадим наши карточки: все равно у нас не отоваривают (в этом месяце отоварили только за 1-ю декаду, а за остальные ничего не дали, кроме сахара), а в столовую их употреблять большого смысла нет. Милюченка, за деревяшки большое спасибо. Мы их будем с большим удовольствием носить летом. Сахарин у нас еще не кончился.

У нас тоже два или три дня, или немножко больше – я уже не помню – были сильные морозы, один раз даже было – 38°. До этого несколько дней были сильные вьюги. Но мы не отступали ни перед какими трудностями и продолжали во всякую погоду ездить (а чаще ходить) в столовую и чувствовали себя при этом прекрасно. Теперь у нас тепло. Зима прямо-таки харьковская, даже еще мягче, потому что ветра нет. Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, просто приятно выйти на улицу. В комнате 17°–18° выше нуля.

Что ест бабушка на обед, ты знаешь. Варит щи на два дня себе и нам и делает жаркое с картошкой. Мясо, как я уже тебе писала, бывает у нас каждый день.

«Три мушкетера» у нас уже идет в Совкино, а раньше эта картина шла один раз в Индустриальном институте, и мы пошли с девочками прямо из школы. Но дозвониться по телефону к бабушке нам не удалось, т. к. она по вечерам не любит подходить к телефону, так что пришлось уйти, не дождавшись начала сеанса. Правда, мне удалось проникнуть в зрительный зал на предыдущий сеанс, и я досмотрела конец, но ничего не поняла. «Секретарь райкома» в ДКА уже шла, так что, вероятно, и в других, кинотеатрах тоже ско-

ро пойдет. Мы обе эти картины обязательно посмотрим. «Парень из нашего города» нам очень понравился.

Мы теперь стали культурными людьми и читаем понемногу. За последнее время прочитали очень интересную книгу Вальтер Скотта «Пират». Оржиховский прислал своей жене «Николая Никльби» Диккенса, а мы попросили оставить пока эту книгу у нас, и перечитывать ее, а бабушка читает.

Выглядим мы все хорошо. Я даже чересчур растолстела. Получили мы от тебя следующие посылки: селедку через Бродского, книги, свечи и сухофрукты через Драднину, сушки и джем через Чарову и джем через Осинцева. Не получили сухарей через Генкина.

Масла у нас достаточно: имеется почти полкило свежего и килограмма топленого и постного.

Занятия идут хорошо. Мы обе отличницы. Вячеслав сказал, что в одном из своих писем он тебе написал, что я одна отличница и попросил, чтобы я растолковала тебе все это дело. Раньше так оно и было. Я была в классе только одна отличница, но потом, 30-го выяснилось, что на наш класс возлагаются большие надежды, и у нас стали срочно исправлять плохих учеников и лепить отличников. Плохих учеников всех исправили и вылепили еще троих отличников, в том числе и Муньку. Наш класс теперь лучший в третьей смене и, может быть, получит знамя. Как мы встречали Новый год, ты уже знаешь. Ну, пока всего хорошего. Сима.

1/1-43

Дорогая прелесть – милюченька!

Во-первых, извини за кляксу, я ее посадила до начала письма, а резинку мы потеряли. Во-вторых, мы тебе уже давно не писали, потому что кончали четверть. Ты можешь себе представить, как это было, т. к. я только вчера после классного собрания узнала, что я круглая отличница. У меня должно было бы быть 2 хора по литературе и по химии. По литературе у меня такие отметки: 2 «отлично» за устный ответ и потом за письменные сочинения «хор» и «пос», а по химии за устный «отлично», а по контрольной «хор». Химичку я попросила меня спросить, но

она не спросила, и поэтому я хотела исправлять и литературу. (А она-то как раз у всех исправляла. У нас все отличники, за исключением Симочки, получили за сочинения «хоры» и «посы»). 29-го я от нечего делать попросила Марью Степановну (она теперь у нас классруковод.), чтобы она попросила химичку меня спросить. Я даже не ожидала, что это даст какие-нибудь результаты, но на следующий день, неожиданно для меня самой, меня вызывает литература писать сочинение, тема: «Образ Скотинина». На следующий день, т. е. 31-го, я узнаю, что получила «отлично», в конце дня исправляю химию (она мне дала вопросы, а я сидела у нее на классном собрании и отвечала на них). Вот наши школьные дела. Все каникулы мы будем очень заняты, т. к. их всего 6 дней, а у нас работы очень много. Постирать белье (мы его не стирали уже 2 месяца совсем. Впрочем, 2 партии мы уже выстирали. Осталось не более 3-х партий). 2) Перебрать картошку, это мы постараемся сделать сегодня. 3) На 2 дня у нас есть билеты в театр: на «Коварство и любовь» в Доме Красной Армии и на «Песнь Сольвейг» в Луначарском. 5-го у нас будет вечер в Индустриальном. Вчера мы встречали Новый год с девочками. (Милюченька, самое главное забыла: Поздравляю тебя с Новым годом. Желаю очень много, но писать об этом не стоит, ты ведь сама знаешь, чего хочешь, то я тебе и желаю.) Мы были в филармонии. Там был концерт и танцы, потом мы отправились к Таньке и встретили у нее Новый год по московскому времени. Еще на каникулы у нас есть масса интересных книг, в т. ч. две «Николай Никльби». Эту книгу нам Оржеловская согласилась дать почитать, когда она к нам приходила за посылкой. И вторая – рассказы (историческо-романтические) из времен Екатерины II-й. Кроме этого всего, мы еще хотим сходить пару раз в кино, но боимся, что на это не хватит времени. Любчонок! Приступаю к производственным делам. Мы получили следующие твои посылки: ту, где свечи, сухофрукты и книги, через Анну Михайловну и через Осинцева. Сухарь мы еще не получили. ...Большое спасибо за джем и сухофрукты, но больше ничего не посылай. Ты ведь знаешь, что мы к новому году с Симочкой получили 4 кг яблочного повидла, 2 кг пряников и 1 кг урюка. Пряники мы уже

довели к благополучному концу. Вячеслав в этот месяц дал нам один пропуск в его столовую. Я сегодня там обедала. На закуску был шпиг и вино, но я сегодня не поддалась на удочку, как мы прошлый раз, и не взяла вина, на первое суп-лапша на мясном бульоне, на второе – баранья отбивная довоенной величины с картофельным пюре, на третье – компот из сухофруктов. Хлеб белый. Любушка, дома у нас тоже есть мясо. Мы купили 500 г – мяса у нас было на 4 раза, потом был перерыв дня три, а теперь у нас уже 5-й день мясо и будет, вероятнее еще, 3 дня. Мы купили 1 кг 600 г за 550 рублей, т. ч. выходит, что 1 кг по 350 рублей примерно, а прошлый раз мы покупали по 550 рублей. Правда, оно было очень жирное, а это постное, но в большом куске на 1,6 кг ни одной косточки. Молоко у нас тоже бывает, не реже 2 раза в неделю. Как видишь, дела наши в этом отношении замечательны. Денег у нас наличными 2800 рублей, не считая тех 800-сот, что мы тебе отправили. С Вячеславом мы давно не виделись дома, и поэтому не узнавали, нужны ли ему деньги. Не удивляйся, что так много денег. Нам Сюзик отдал долг 1000 рублей, и потом мы ведь получаем большую часть твоего жалования. Целую. Привет, Муся.

ПИСЬМА ВЯЧЕСЛАВА РИКМАНА РАИСЕ

27/II-42

Дорогая Милюка!

Я вчера отправил письмо-авиа с подробным описанием положения домашних дел, а тут едет В.Л., соблазнительная оказия! Муся уже закончила свои письма, так что я ищу отдельно.

С. С. [С. С. здесь и далее Сара Семеновна Барац] все в той же поправочной тенденции. Если она съест свою курицу и далее будет нормально питаться как все мы, то ее дела поправятся совсем, тем более что идет весна. Мои уговоры в части риса возымели действие, она стала есть рисовые каши с аппетитом, а это уже большое дело для мало движущегося человека. Что касается разговоров о раке, то ведь это постоянный страх всех старух (в том числе и моей). Когда она хорошенько станет на ноги и будет теплее, то надо будет посетить гинеколога в поликлинике. Я полагаю, что максимум возможностей здесь это старческая доброкачественная фиброма.

Все мои усилия сейчас направлены к тому, чтобы прояснить сознание С. С. на ближайшую конъюнктуру и убедить ее, не позволяя себе в дальнейшем, есть все наравне со всеми. Спасение теперь только в столовых. Другого пути ни для кого нет, кто хочет дожить до лучших времен.

Сейчас она начала двигаться по комнате. Сидит уже твердо, без головокружения, но когда ходит и нагибается, то голова кружится. Это, конечно, пройдет тоже. Думаю, что с С. С. будет еще много горечи и сострадания к ее выдуманному напастям, но прямой опасности для нее сейчас уже нет.

Другие беды сейчас у меня дома. Прямо как будто в комнате лежат неубранные родные покойники. Я думаю, что в Москве

все известно о Ленинграде не хуже, чем у нас. В январе там был настоящий голодный мор. Сейчас сюда прибыли эшелоны ленинградцев. В пути масса смертей, а сюда прибыли живые трупы. Не все выживут из доехавших, т. к. при питании у них начинается кровавый понос и наступает прободение желудка или кишечника. Все это слышит и видит Оля, и она просто потеряла все остатки надежды, рисуя себе самые отчаянные картины. Мои способности к утешению тоже уже исчерпываются, и только мое присутствие еще кое-как подвинчивает Олю и маму.

В комиссии я пережил сильнейший напор по линии разных формальностей. Пока я оказал ожесточенное сопротивление, привлекая И. П. [*И. П. здесь и далее, вероятно, Иван Павлович Бардин*] и состояние здоровья. Сейчас меня оставили в покое, не знаю надолго ли.

З/III я должен был ехать на Кузнецкий завод, дней на 25. Для меня это был бы просто отдых, но дела ребяток и моих старух значительно могли ухудшиться. Посылал меня акад. Брицке и спорить с ним я не мог. Но на счастье, кажется против моей поездки наш зам. директора и он будет сам объясняться с Э.В.

В институте много накопилось склочного и скверного, но об этом хорошо бы поговорить, а писать тошно. Мне очень интересно было бы знать все о перспективах и местонахождении И. П. Здесь до сих пор все еще нет ничего, кроме слухов. В институте много мелкой дряни, которая подтягивается от приближения И. П., но есть ли надежды теперь на его приезд к нам?

Деньги за корректуру за днях мы, кажется, высылаем, как только банк даст деньги. В Комиссии счета за работу по рудам еще не прошли. Жеребчик куда-то исчез, не кажет глаз уже неделю, и без него трудно что-нибудь сделать (у него работа). Думаю, что я его скоро разыщу и вытащу на свет божий все документы. Если у ребят кончатся деньги, я найду для них кредит до получения денег из Комиссии. Вообще об этом не волнуйся, пока я здесь, а по мнению т. Чернова, много раз высказанному за последние дни, я здесь буду еще долго, пока не поедем в Москву.

Работы чертовски много. Можно было бы даже заработать деньги, но пока я заменяю эти возможности вырыванием време-

ни, чтобы повидать Мусю, Симу и С. С. как можно чаще. Я опять выступаю на днях с докладом у В. Л. Комарова [здесь и далее президент АН СССР Комаров Владимир Леонтьевич], и доклад пойдет затем на имя В. М. Молотова. Работать придется много.

Во врученной мне выписке из протокола Президиума АН Института Metallургии АН сказано:

Президиум АН СССР выражает благодарность за напряженную успешную работу по осуществлению поставленных перед комиссией задач В. В. Рикману, ст. научному сотруднику Института Metallургии АН. Подписи – Шмидт, Чудаков, Светлов.

Всю эту штуку мне внесли в трудовой список и объявляют приказом по Институту, хотя у некоторых администраторов физиономии при этом очень кислые.

Сейчас у нас мобилизуют в армию Дрица. Он развил бешеную энергию для получения отсрочки, но пока безуспешно. Пришлось ему обращаться в ту самую комиссию, против которой он все время вел интриги. Просто отвратительно смотреть на таких героев!

Ну, дорогая Милюка, будем надеяться, что в Кузнецке я буду не нужен и смогу часто работать здесь, приглядывая за двумя ребятами и тремя старухами. Никогда не ожидал, что у меня сосредоточится такое крупное семейство!

Пора бы, пора, наконец, приходиться письмам от Милюки. Сегодня уже 13 дней, а их все нет! Вот лентяйка (или почта, или Милюка). А мы все считаем самолеты, сбитые под Москвой! Ну желаю всего, всего доброго. Привет всем хорошим. С.

14/III-42

Дорогая М-ка!

Вчера опять получилась открытка с тревогами по поводу нашего молчания. Напрасные это тревоги! Ведь всем известно, как работает почта. Вчера был, как всегда, в Профессорском и видел девочек и С. С. Все они в порядке, выглядят хорошо, даже С. С.

Муся стирала и, раскрасневшись, была прямо как весенний цветок. Вчера получил посылку у Обухова и отвез ее Мусе. Спасибо за крем для бритья, это большая радость, – остаток выших

достижений довоенной культуры. Если будет оказия к Сюзику, то я передам ему две банки.

11/III нашли брата Владимира в Свердловском госпитале. Он тяжело ранен 30 янв. в войсках ген. Федюнина и сейчас уже встает. Я его еще не видел, т. к. приемный день – 15/III. Шлю сердечный привет. В.

30 марта 1942 г.

Дорогая моя Милюча!

Вчера был у ребят и получил письмо для меня и Оли. Перед этим я только что отправил тебе большое письмо через Н. П. Рас-торгуева, где дал довольно полную сводку событий. Не помню только, писал ли я тебе, что нашего Дрица призвали в армию и отправили в пехотное военное училище. Призыв прошел как то необычно, особым порядком и хотя он развил бешеную энергию, чтобы не идти, но ничего не помогло. Он, кажется принципиальный шкурник, т. к. до сих пор еще шлет телеграммы родным с указаниями, где и как хлопотать дальше об его освобождении. Противное, грязное зрелище!

О моих академических делах могу сообщить, что пока они застопорились на время. Э. В. взялся доложить весь вопрос Комарову и получить его подпись, но тут свалились на нас большие орг. вопросы в связи с отстранением из Президиума О. Ю. Шмидта. Все текущее пока отложено, в Казахстан пока никто не едет и, конечно, о моем письме сейчас упоминать не приходится. Когда к этому можно будет вернуться – трудно сказать.

Ребятки ведут себя молодцом. Им сделали брюшнотифозные прививки, и у Муси она проходит болезненно (у Симы почти безрезультатно). Я взял слово с Муси, что она не будет день два выходить на улицу и побудет в покое дома. Вчера мы размечтались о будущем и решили, что ты к нам придешь месяца через полтора и что большая половина разлуки уже позади. Мусю такие мысли очень поддерживают, т. к. она все еще продолжает сильно тосковать.

Симочка страстно рвется в колхоз с ребятами. Даже перспектива твоего приезда задерживает ее порыв лишь на время. Гово-

рит она об этом с горячностью, влияя на Мусю, но та определенных взглядов не высказывает.

Вчера выяснилось, что ребята – круглые отличники в третьей четверти. Работают они хорошо. Муся проявляет в математике уже некоторую тонкость рассуждений. Боюсь толкнуть ее на тернистый путь, но мне так и хочется подталкивать ее на физико-математическую дорожку. Если бы я сам хорошо прирос к Академии, то тут я мог бы в будущем посодействовать ее работе на теоретическом поприще.

С. С. вчера уже не была вечером под одеялом, а сидела вполне одетая, как все люди. Настроение ее лучше, говорили мы весь вечер ровно и мирно, она согласилась дальнейшее лечение возобновить, когда потеплеет, решила в ближайшее время резать курицу. Остается ее обычное непоколебимое убеждение в том, что человек живет, чтобы питаться, и что все явления физиологии и психологии исчерпывающее объясняются питанием. Дела ее пришли в норму, и будем надеяться, что до будущей зимы (по крайней мере) ей уже не грозят никакие физиологические напасти.

Письма твои из Москвы – впервые за всю нашу историю – сердечные, настоящие родные. Весь сор в наших отношениях исчез, осталось только существенное и глубокое. От этого, конечно, и ты сама, и ребята стали только ближе ко мне и роднее. Сейчас мы живем так же естественно, как поют птицы, каждый поступает по глубокому инстинкту и получается неплохо. Все делают свое дело, и хотя мало времени видется или писать, но сплоченность получается не меньше, а больше, т. е. действуют одни только силы притяжения, нет никаких разъединяющих пружин, вылезающих обычно по временам из-под оболочки отношений.

Да, Милючка, жизнь так устроена, что тяжелое имеет свою хорошую сторону, и наша разлука 42 года впишет новую страницу в наши биографии.

Вчера мы с Муникой решили, что если ты пришлешь сюда что-либо съестное, то мы начинаем посылать тебе продовольственные посылки.

Кажется, это уже многие из свердловцев делают. Письма Е. Н. освещают ваше благополучие в бытовом отношении в более ре-

алистических красках. Не посылай ничего съестного сюда. Об этом просим тебя все мы, включая С.С. и всех моих домочадцев.

Если бы тебе попалась книга: Г. Шахов – Металлургия. Общий курс. 1941 г., то пришли ее как-нибудь с оказией мне (не по почте). Мне эта книжка будет нужна в Институте все время. Пока я обхожусь библиотечным экземпляром и могу так делать и дальше, но было бы удобнее получить свой экземпляр. Мне приходится многому подучиваться, особенно по цветной металлургии. Долго книжку не ищи: спроси в техкниге на Мясницкой, на Петровке, на Кузнецком, в Метрополе и если нет, то значит, нет. Не убивай на это сил. Только при этом условии я обращаюсь к тебе с пораженческими делами.

Будь здорова, дорогая. Я верю в твой скорый приезд, как то предчувствуется наша встреча. Крепко целую. С.

4/IV-42

Дорогая М-ка!

Письма с оказиями внесут некоторый беспорядок в поступлении нашей корреспонденции. Вчера был у Муси (Симочка была в гостях). Чудесно побеседовали с ней вдвоем, потом пришла и Сима. С. С. была одета и не в постели, выглядит, как месяца 4 назад.

Муся получила отлично по литературе за Маяковского, она очень рада этому успеху. Угощала меня радушно киселем, сваренным из фруктового супа, полученного в столовой НКЧМ. На три карточки его было очень много.

Мне привезли из Сибири подарок – 250 гр. масла. Получу его завтра и отдам ребятам (если нельзя послать в Москву!)

Деньги получил за 1 половину марта и передам Мусе. С деньгами у них все в порядке. На днях будет оказия, тогда все напишем еще. Шлю сердечный привет. В. Р.

7/IV-42

Дорогая Милюка!

Намечающие и запутывающиеся по срокам оказии, которые то намечаются, то отменяются, дезорганизуют регулярность на-

ших связей. Правда, я уговорился с ребятами, что мы будем писать по почте независимо и лучше повторим в письмах по почте то, что сообщим с оказией и наоборот. Письмо по почте все-таки продолжают тащиться очень медленно.

Дома у ребят все идет хорошо, хотя с питанием пока особых удач нет. Они продолжают иметь три обеда и 4 иждивенческие карточки – хлебных, мясных, крупяных. Плохо то, что за последние дни не случается экстраординарных поступлений (немножко творогу, 5 сырков, немного масла – вот и все мои апрельские вклады).

Учеба идет хорошо, ребята работают сознательно и добросовестно. Я за них пока спокоен. Муся уже похвастала 3 «отлично» и Сима – одним, а ведь четверть только что началась. К ним ни с чем не надо приставать, достаточно лишь любовно чуть-чуть подталкивать, и они до всего дойдут.

Трудности с С. С. находятся в норме, не перерастая в кризис. Иногда им трудно бывает сосредоточиться в работе от затянувшихся нотаций, но это все так, как было и при тебе, ничего особенного нет и на этом фронте.

Все больше и больше начинаем думать о тебе, хотя много думали и раньше. Надеемся на какое-то разрешение вопроса о твоём отрыве от нас, хотя ничего толком не предвидим.

Врачебная комиссия признала Владимира негодным для фронта и направляет его из госпиталя на производство, вероятно здесь же. Решение это будет иметь силу на какой-то срок, но пока он побудет с нами.

От Мэри из Ленинграда получена телеграмма. Она цела, умерла только ее няня. Но ехать она, кажется, не решается.

В институте у нас произошла чистка руководства. За Дрицем уходит и Птичкин. Его снял с работы Президиум АН за неэтичное поведение, особенно в период войны. Вридом [временно исполняющий обязанности делопроизводства] назначен Р. Л. Певзнер. Вот когда нам нужен был бы тот тов. Пучков, которого когда-то рекомендовал нам Иосиф Григорьевич!

Дома у меня – болезни. Болеет мать, грипп с 38,5°. Оля с болезнью горла ходит за обедами, т. к. Костя уже на работе. Очень боюсь за обеих моих дам.

Будь здорова, дорогая Милючка. Береги себя для всех нас. Крепко целую. С.

3/V-42

Дорогая М-ка!

Я уже приступил к работе, сегодня кончаю лечить глаз. Через несколько дней облегчится загрузка и тогда я напишу обстоятельное письмо.

Был у ребят 1-го мая вечером, а утром они были у нас, приезжали за вкусностями, которых, к нашей радости, на этот раз удалось им дать порядочно. Ребята очень торжествовали.

Они устроили себе два дня праздников и не ходили в школу. Я их не укорял, пусть отдохнут, а в школе в эти дни все равно был только сумбур.

Сегодня я работаю, а ребята пошли на «Тоску» в оперный театр. Если освобожусь, то вечером заеду к ним, т. е. за мной большой долг – рассказать им «10 лет спустя» Дюма, начиная с 3-го июля. Это надо сделать до летних каникул. Что-то нет командировочных в Москву, просто беда. Шлю сердечный привет. В.

8/V-42

Дорогая Милючка!

С 2-го мая, как тебе известно, из газет, у нас происходит большая горячка – общее собрание АН. Результаты тоже опубликованы в печати. Все прошло очень хорошо, выбраны хорошие люди, оздоровлена общая атмосфера. Главный лозунг – поставить на свое место аппарат АН, разросшийся с самодовлеющую опухоль на теле Академии, твердо вбить в голову, что не академики существуют для аппарата, а аппарат – для обслуживания академиков.

Доклад И. П. прошел очень неплохо, хотя он сильно волновался и сказал не больше трети того, что приготовился сказать. Теперь он большая сила в Академии. Трудно только предугадать, как он будет совмещать работу в АН с Наркоматом.

Все это время я уходил из дома в 9 часов утра и приходил в час ночи, забегая домой на 1–2 часа около 5–6 часов. Ребят видел

урывками, но очень часто, т.к. они ездили к нам почти ежедневно за чем-нибудь съестным. За май месяц они очень хорошо поправились и к месяцу и к концу года силенки их от этого приумножились.

Жаждали мы очень послать что-нибудь тебе в Москву, но как на грех нет никаких okazji. Может быть это от того, что мне некогда, а дети не могут никого найти. Просить академиков неудобно, разве что И. П., но и с ним неудобно пересылать съестное, можно только письмо. Если бы ты хоть поняла, что в 1-й половине мая ровно ничего не надо посылать сюда, то это была бы легкая компенсация за невозможность послать пока тебе что-нибудь от нас. Писем от тебя давно нет, но ты в этом не виновата. Муся почему-то держит меня в черном теле в отношении твоих писем. Ездить мне во ВТУЗ городок сейчас некогда, и я поговорю с Мусей по телефону. <...>

В газетах прочитал, что занятия у ребят до 20/V, а там дальше, в течение 10 дней испытания по русскому языку и по математике. Время пролетит очень быстро, не успеем оглянуться, как наши восьмиклассники будут на свободе или в колхозе, в который они очень стремятся, главным образом из-за желания пожить без бабушки.

У Муси, да и у Симы, но особенно у Муси плохие дела с обувью. Я пока здесь ничего не сообразил. Нет ли каких возможностей в Москве? Мы пришлем тогда денег. Зарплату получил за 1-ю половину апреля, на днях выдадут за вторую. Будь здорова дорогая. Получу письма – напишу еще. С.

20/V-42, Омск

Дорогая М-ка!

Пока добрался только до Омска. Едем точно по расписанию, но не очень быстро, километров по 500 в день.

Условия поездки прекрасные, лучше и быть не могут. Хорошие люди, по двое в купе, хорошее питание и даже врач в вагоне со своей аптечкой. Пока он, к счастью, бездействует и увлекается «Падением Парижа». Я увлекаюсь Шаховым (хотя книжка не сильная), немножко математикой, да Флобером («Бувар и Пекюше» в оригинале, из Свердловской библиотеки).

Сегодня ребята кончают четвертую четверть, и я направил их в драм. театр на «Даму невидимку». Они получают большое удовольствие, а затем возьмутся за экзамены.

Когда я уезжал, то у них был вопрос – исправлять ли или не исправлять «хор» по черчению. Как они решили, я так и не знаю.

Два дня ничего не знаем о фронте и очень от этого страдаем, берет нетерпение. Шлю сердечный привет.

22/V-42, Семипалатинск

Подъезжаем к цели нашего путешествия, остались уже суток двое пути.

Едем также прекрасно. Нас двое в купе. Попутчик – доктор медицины, проф. Мандельштам из Ленинграда, человек очень спокойный, много спит и читает. Пока довольно холодно, без пальто прохладно даже днем. Между Новосибирском и Семипалатинском появилось много молочных продуктов и яиц, все это продается на станциях и разъездах.

Если бы я умел спать в вагоне (международном, 1-категории), то я уже должен был хорошо отдохнуть. Но сплю я скверно, как всегда в пути.

С дороги писал нашим восьмиклассникам (мое письмо застанет их уже после экзаменов). Очень, очень мало слышим радио. Почти ничего не знаем о том, что делается. Шлю сердечный привет. В.

26/V-42, Алма-Ата

Дорогая М-ка!

Добрались сюда замечательно. Но Алма-Ата встретила нас двухсуточным тропическим дождем. Помещены мы в дом отдыха СНК, очень хороший, но в 8 км от города, так что связаны движением машины. Я вчера приболел желудком от перехода к овощам, но сегодня уже чувствую себя лучше. Вероятно, я сильно поправлюсь, если не измотаюсь впоследствии мотания по жаре в центральном Казахстане.

Сегодня купил здесь математику Смирнова, так что это поручение окончательно отпадает. Прошу только неограниченно

слать горчицу и притом в мой личный адрес, т. к. через С. С. будут слишком большие убытки по соседям, а наш спрос на горчицу баснословен.

Шлю сердечный привет. В.

15/VI-42, г. Пржевальск (Каракол).

Дорогая М-ка!

Мы достигли крайней точки нашего маршрута и сегодня возвращаемся во Фрунзе, затем в Алма-Ату, Новосибирск, Свердловск – всюду с остановками на 2–3 дня. Буду в Свердловске числа 3–5 июля.

Пожалуй, самые сильные впечатления мы получили здесь, особенно вчера, при возложении В.Л. Комаровым венка на могилу Н. М. Пржевальского, на высоком взгорье под озером Иссык-Куль, окаймлённом хребтами гор с большими пиками, покрытыми вечными снегами. С нами писательница О. Д. Форш. Она, конечно, впитывает больше всех. Шлю сердечный привет. В.

21/VI-42, г. Фрунзе

Дорогая Милючка!

Сегодня день рождения дорогой Мусиньки. Я все время вспоминаю ее, но даже не знаю ее адреса, чтобы приветствовать ее хотя бы по телеграфу. Она обещала мне писать, но я за время командировки не получил ни одной весточки.

Только Либерман из Гипромеза настигнул меня двумя срочными телеграммами с просьбами привезти ему посылку.

С покупками для дома дела у меня обстоят плохо. При отъезде мне дали 1300 р. в счет командировочных, а только за проезд в международном вагоне я уже заплатил 700 р. Жизнь в таком коллективе, как наш, в очень хороших условиях и со скромной платой позволяет мне тянуть до отъезда, но на обратный проезд денег не останется. Жду в Алма-Ате телеграфного перевода второй половины командировочных.

Здесь продается рис, табак, иногда сахар и сухие яблоки. Остальные все скоропортящиеся. Цены очень вольные. Рис – 60 р./кило, сахар – 75 р., яблоки – 50–60 р., табак 35–40 р. за 100 гр.

(на рынке). Свердловцы были бы рады заплатить и такие цены, но это требует огромных денег. Один лишь мой брат догадался дать мне денег на табак, а остальные ограничились просьбой привезти им чего-нибудь, рассчитывая, вероятно, на то, что я разбогател от сталинской премии. В результате, сам я очень подкрепился и прибавился в весе (кило на 4–5), но надежды всех на меня будут обмануты. Это очень досадно, но ничего не поделаешь.

Наш заезд во Фрунзе и путешествие к озеру Иссык-Куль и могила Пржевальского было несколько неожиданным. Это произошло по приглашению Киргизского правительства, принявшего нас исключительно тепло и радушно. В печати было здесь несколько сообщений о нашем приезде, но у меня газет не сохранилось. Посылаю только последнюю вырезку из «Советской Киргизии», где сообщено о нашей поездке к Иссык-Кулю.

Поездка была очень интересна и незабываема. Но на обратном пути нас ожидали горькие неожиданности, заканчивающиеся, впрочем, благополучно. На горной дороге, на повороте, при скорости ЗИС'а в 40 км., на машине президента лопнула шина правого переднего колеса. Машину занесло и ударило о скалу. К счастью, шофер оказался героем и сбалансировал рулем так, что машину ударило боком, а не в лоб. Наиболее пострадала О. Д. Форш, сидевшая рядом с шофером, и сам президент, которого подбросило вверх и ударило головой о потолок кабины с рассечением кожи над лбом. Все это кажется теперь пустяками, в сравнении с тем, что могло быть, если бы растерялся шофер или если бы лопнуло не правое, а левое колесо (к обрыву). Через час после этого началась гроза с ливнем, и нам в темноте преградил дорогу перерезавший шоссе бурный поток. Пришлось ожидать смягчения стихии.

Но и во Фрунзе нас ждали необычайные явления природы. Три ливня подряд вызвали такое таяние снегов в горах, что речка в долине вздулась, как безумная, испортила дороги и вызвала много бед. Около нашей дачи погибло три человека и две лошади, убитых и перемолотых несущимися камнями. При взрыве нагроможденных камней у мостов у нас выбило несколько стекол в окнах, и в дом, занимаемый В. Л. Комаровым, влетел в окно ка-

мень весом в 2–3 кило. Таких ливней и наводнений здесь не помнят старожилы.

Сегодня уже все приходит в норму, утро было ясное. Нигде мне не припомнилось слышать такого громкого гомона птиц и ночного пения соловьев, как здесь, да еще в такое позднее время года.

23-го выезжали в Алма-Ату, где пробудем с неделю, подводя итоги работы. Затем поедем поездом в Новосибирск и Свердловск. Дома будем числа пятого июля. Ну, Милючка, надо кончать, так только что понаехали из города местные наши академики и надо их принимать. Теперь напишу из Алма-Аты. Не собираешься ли ты на Урал и в Свердловск? Крепко целую. Будь здорова. С.

29/VI-42

Дорогая М-ка!

Сегодня зашел на почту и получил до востребования три открытки – две от Муники и одну от Симика, на адрес Комиссии я получил телеграмму от ребят об их приезде в колхоз. Открытки также хорошие, я словно немного поговорил с нашими девочками. Они едут в таком организованном порядке, что я надеюсь на хороший результат летних работ для их здоровья.

Я видел здесь школьников на работе (в Иссык-Кульском котловане), и их труд и отдых были организованы очень хорошо.

В Свердловске буду числа 20/VII, а то поздно.

Шлю сердечный привет. В. Р.

5/VII-42, Алма-Ата

Дорогая Милючка,

Сегодня неожиданно получил телеграмму из Свердловска. Оказалось, что телеграф почему-то передал вторично, в порядке исправления, телеграмму ребят про их отъезд в колхоз.

В такую тяжелую пору, когда в Свердловске жара и духота при питании св. Антония, я попал в такую чудесную командировку, на которую не мог рассчитывать никогда в жизни даже в нормальное время. Не могу понять, по какому поводу такая улыбка

судьбы! И чем я должен ответить на такую улыбку, как отплатить за такую удачу?

Наша небольшая комната подобрана очень неплохо. Люди все интересные, каждый в своем роде. Сам Вл. Леонтьевич Комаров изумительный человек из лучших представителей старой интеллигенции. Невыносимо и беспристрастно страдая от своей болезни (уже 35-й год!), он показывает исключительный образец терпения и стойкости. Жена его – самоотверженная, целиком отдававшая утолению страданий В. Л-ча женщина, сама специалист по ботанике, но сейчас все силы отдавшая на служение своему мужу. Она – умный, чуткий, чистый и очень морально требовательный человек.

Затем, вместе с В. Л. и его женой здесь с нами Ольга Дмитриевна Форш, двоюродная сестра В. Л-ча. Ольга Дмитриевна является редким образцом писателя, который не разочаровывает при знакомстве, а согревает большим личным очарованием ума, широкой доброй души и той свежести восприятия, которая отличает истинного художника. Я очень рад этому знакомству, которое позволяет мне насладиться общением с представительницей той крошечной группки людей, ради выделения которых из большей массы, может быть, и месилось месиво этой массы. Эта группа вымирает, остаются считанные единицы. Что будет потом, этого никто не знает. Будет какое-то проклятое царство мещанина или героев на фронте исполнения. Будет Америка с социалистическим колоритом. Но старая гвардия интеллигенции скоро исчезнет навсегда. Поэтому я так рад этой случайной, вероятно последней встрече.

Мы живем в 8–10 км от города, в горах, где не так душно и есть купание в горной речке, вытекающей из горных снегов, которыми мы любимся. Группа наша расчленилась по своим вкусам: более молодая и общительная часть поселилась в большом доме отдыха СНК Казахстана, а сам президент, его жена, О. Д. Форш, личный секретарь, доктор и я устроились в маленькой дачке в три комнаты с верандой во всю стену у самого обрыва над горной речкой в огромном саду того же дома отдыха. Мы никого не видим, если не хотим видеть, и живем прекрасно.

Вчера съездили в местный театр, смотрели Уланову в «Бачисарайском фонтане». Она – совершенно исключительное дарование, которое я лично видел впервые в жизни. Это несравненный мастер лирической и трагической пантомимы. Балетная техника у нее лишь вспомогательные средства.

Меня познакомили с ней и с ее мужем, Завадским, еще ранее, а сегодня они приезжали к нам и мы ходили вместе купаться и отдыхать от жары в тени у речки. Такая яркая звезда – в жизни трогательно простая, немного грустная женщина 32 лет.

Не думай, Милючка, что мы здесь живем себе в удовольствие и забываем обо всем на свете. Мы остро бодем сводками, страдаем вместе с исчезнувшим Севастополем, следим за каждым движением у Курска, Белгорода и Купянска, все время думаем о Москве. Это – главные переживания В. Л-да и нас всех.

8/VII летит в Москву А. Т. Чернов. Я дам ему это письмо. С ним полетит к нам И. П. Бардин, можешь дать ему письмо для меня. Я не слышал ничего о тебе уже 1 ½ месяца, если успеешь (они будут очень спешить), то напиши главное о себе. Будь здорова, дорогая Милючка, очень жалею, что А. Г. не берет никакой посылочки, так как летит самолетом.

Крепко, крепко целую. С.

25/VIII-42, г. Новосибирск

Дорогая Милючка!

Мне сильно не везет с возвращением в Свердловск. Чтобы ускорить дело, с Пробстом и Колосовским выехали сюда из Алматы, но теперь там почему-то застрял И. П. и все не едет в Новосибирск. Сейчас ждем его числу к 28, по его телеграмме, но уже не верим близости такого счастья. Если И. П. приедет вовремя, то мы будем в Свердловске, вероятно, числа 5-го сентября, не раньше, но и не намного позже.

В Новосибирске у меня было дел не очень много и условия для жизни неплохие, что я использовал для усиления своей научной подготовки. Занимался я довольно много, но чем больше учусь, тем ясно вижу, как далеко и трудно еще надо идти, чтобы стать в АН вровень, если не с ее людьми, то с ее подлинными за-

дачами. Главное прошли самые лучшие, свежие годы и то, что прежде улавливалось шутя, теперь надо уже прессовать в голову под сильным давлением. Но давить надо, так как здесь понятия цель и есть большой смысл в этой работе, хотя смысл и небезликий.

Живу здесь в гостинице Советов, в одном номере с А. Е. Пробстом, чтобы сократить расходы на номер. Трудно мне жить с постоянным человеком, но он делает все возможное для облегчения нашей жизни. Он хорошо знает Д. М., даже обязан ему за одну серьезную защиту при какой-то проработке в Политехническом Ин-те, защиту не публичную, а через парторганы. Тебя знает гораздо меньше, знает и Мусю, но в очень ранней формации, знает даже С. С., но только по рассказам Д. М., который иногда делился с товарищами своими личными впечатлениями.

Ко мне А. Е. почему-то относится прекрасно, но я никак не могу понять – почему. Сейчас он уехал на два дня, и я прямо блаженствую, не могу даже заставить себя лечь спать, читаю довольно трудные вещи и пишу тебе не открытку, а письмо. Но рай этот не долговечен.

Присматриваясь к истинным ученым, я вижу, что мне очень далеко до них, и с которыми мне никогда не удастся сравняться. Когда я вижу, какой силой абстракции обладает истинный ученый, надевая грязные клочки чего-то совершенно неопределимого вместо обычных общегражданских носков, или как просто и бездумно доктор наук кладет в карман пиджака кусок сладкого пирога с вареньем, без всякой обертки и с перспективой вспомнить об этом куске, лишь при необходимости положить в тот же карман аналогичный кусок пирога, я прихожу в отчаяние от сознания отсутствия у меня столь явных признаков задатков ученого. Не подумай, что я пишу о Пробсте. Нет, он так же, как и я, еще не настоящий ученый.

Как академики и лауреаты мы всюду приравнены к баловням судьбы и артистам. В Алма-Ате мы были с Улановой, Завадским, Марецкой, а здесь с ленинградцами Юрьевым, Бабочкиным, Мравинским и др. Все они общительные люди, но меня не тянет в эту сторону. Одна 69-летняя Ольга Дмитриевна Форш прочно завоевала мои симпатии, надеюсь надолго и в будущем.

Это большая компенсация за отрыв на 3 месяца от Свердловска, отрыв на такой срок; что мать моя чуть не умерла за это время, а ребята успели пережить две трудовые мобилизации.

Если лето у ребят кончится благополучно, то моя поездка оставит во мне много хорошего: многое удалось повидать, сильно физически поддерживали условия жизни.

Жаль только, что не удалось полечиться по Авербаху, на что я возлагал свои лучшие надежды. Авербах хотел полечить меня сульфидами от той скверны, которая меня отравляет последние годы и особенно этот год, чтобы лечиться надо недели 3–4 быть под наблюдением. Сульфидин как раз был у В. Л. Комарова, его лечат этим средство от псориаза. Но я читал, как рисковать самолечением сульфидином, стрептоцидом, сульфатиазолом и т. п. Мелкие дозы безопасны, но если придется в короткий срок принять 25–30 гр., то изредка бывают роковые случаи, появляется болезнь крови – исчезновение белых шариков и разрушение красных с перспективой того света, если не спасет переливание крови. Правда это бывает очень редко и зависит от плохого изготовления лекарства, но все же в командировке я не решился заниматься этим делом и отложил его до осени.

Во всяком случае, в отличие от Милюки, я не могу ни на минуту примириться с тем, что жизнь мою отравляют какие-то пакостные микробы. Это влияет на мысль, чувство, аппетит к жизни и даже на восприятие искусства. Надо очистить себя, это – прежде всего.

Хочу просить тебя Милючка, если это не связано с большими раскопками, поискать в твоих книгах 2 часть Фихтенгольца «Математика для инженеров». Она начинается, кажется, с X главы. Если есть, то пришли мне, пожалуйста. В начале августа в Свердловск приезжал Кафтанов и раздавал наши премии. Для отсутствующих он оставил премии в Академии, и когда мы вернемся, то получим их от академика Байкова. Я рад, что эта стадия пройдет без большого парада.

Подумай, Милючка, как бы тебе приехать к нам в октябре. Неужели твои оба начальника не в состоянии использовать тебя на Урале? Я почему-то думаю, что это возможно.

Это письмо из Новосибирска последнее. Если задержусь, буду писать открытки, т. к. будет очень многолюдно.

Будь здорова, дорогая. Крепко целую. С.

13/IX-42

<...> Положение мое сейчас очень трудное и нервы напряжены достаточно. В Комиссии за время нашего отсутствия развивалась большая враждебная работа. Первой жертвой пал Б. Г. Кузнецов, который в конце июня последовал за Друцем, несмотря на докторство и лауреатство. Ближайшие люди президента боятся того же. Все спутались в тайной склоке, и от прошлогодней чистой и дружной атмосферы не осталось и следа.

В Институте новый наш зам. проявляет себя как мелкий шкловский еврей, проснувшийся внезапно генерал-губернатором. Хотя меня это прямо не касается, но трудно жить в атмосфере грубой бюрократии и видеть людей, вылетающих в такое тяжелое время на улицу.

С моей степенью положение подпряглось, надо идти на крайние меры. Я боюсь сейчас ходатайства о докторстве, т. к. достаточно одного единственного протеста (отсутствие высшего образования, напр.) и может получиться отказ, от которого потом не отмоешься, а враги у нас теперь есть от громадной зависти. Я решил защищать обычную кандидатскую работу. Это устроит всякие формальные трудности и даст мне покой для работы в Комиссии, которая завалит меня в октябре-декабре, да идея научной работы. Приходится отказываться от интересующей меня темы (марганец), где у меня есть свое первое слово и возможности глубокого развития вопроса с большими практическими выводами, и сварганить за 2 недели записку о развитии металлургии в Казахстане. Это страшно досадно, но в сегодняшней обстановке иначе я поступить не могу. Если к 1/X я не покончу в основном с этой заботой, то дело перейдет на 43-й год и доставит много неприятностей.

Я прошу тебя, Милочка, не грызть меня хотя бы с месяц. Давай в такое дикое время не будем создавать добавочных трудностей и судить друг о друге по делам, а не по письмам и по общему

итогу последних десяти лет. Написать сейчас большое письмо, да еще с «объяснениями», мне пока очень тяжело, и не потому, что это можно сделать только ночью, а потому, что такое письмо с перстами в ранах и напряжением всех душевных сил очень надолго вытеснит работоспособность (иногда ее вообще не так много), а в настоящий момент это значит скользить, падать и, может быть, разбиться. Теперь о другом. За время моего отъезда здесь решился один важный для меня вопрос – пришел ответ на стародавние настояния Чернова и ответ хороший. Я просто не знаю, чтобы я теперь делал, если бы ответа не было в новой обстановке, с новыми людьми. Это большое дело, и я теперь смогу спокойно работать и принести максимум пользы.

О делах по дому тебе подробно пишет Муся. При первом свидании (у нас) я просто поразился, как растет ее внутреннее сходство с тобой, даже в манерах и привычках. Муся, которая брала пальму первенства по быстроте еды, ела два яйца в течение 20 минут! Что это за превращение – я не знаю.

Сейчас надо ее подкормить и подлечить. Она похудела от работы, но выглядит свежо и мило, как, пожалуй, никогда раньше. Как-то много смысла становится в ее совершенно отроческих еще чертах. Пока покормить ее удастся, и она, конечно, придет в себя. Поможет здесь привезенное добро, хоть его и не так много, да еще моя столовая карточка.

На днях я получил свою сталинскую премию. Я разделил ее на такие части: 2000 отдал Оле, высылавшей мне деньги на покупки в Казахстан. Тысячи две я должен приберечь до возвращения Комарова, когда выяснится, что мы все будем жертвовать. Остается три тысячи, из которых 500 р. я хочу направить на московские квартирные дела, а 2,5 тыс. – на усиленное питание твое в Москве и ребят здесь.

В моей столовой можно довести расход до 18–20 р. в день. Мои два-три блюда стоят обычно 5–6 руб., но можно брать пирог с капустой и яйцами, иногда вареные яйца, 30 гр. красной икры, 45 гр. сыра, булочки или кекс, изредка шоколад. Вот на эти штуки надо иметь деньги, чтобы брать их для ребят в добавку к их скудному рациону. Может быть, удастся брать их очень редко со мной

и делиться там обедом. Так я думаю разрешать пока трудности питания.

Я спрашивал у С. С. и Муси, что лучше, дать им деньги, чтобы они купили что-нибудь на базаре, или же тратить деньги в моей столовой и приносить им. Они высказались за второй вариант, утверждая, что на базаре можно только менять, а денег никаких не хватит.

Премия дает возможность продержаться месяца два. В будущем есть надежда на возобновление пайка, которого нет месяца два, и кроме того, когда кончатся мытарства мои со степенью и почва окрепнет совсем, то я возьму работы в издательстве. Без этого мы с тобой баланса не сведем, так и надо будет делать с декабря. В резерве остается твоя книжка с 1400 руб.; на всякий случай.

Теперь о твоих вопросах в письмах. Доверенность на квартиру и имущество я тебе пришлю, как только станет свободнее.

Ты спрашиваешь о книгах. Я поражен, как ты могла отнести Вебстера, это сильно оттянуло твои почки. Этот словарь, конечно, мне ценен для справок по разным наукам, особенно когда живешь почти без книг. Но ведь нельзя же рассчитывать, что найдется такой энтузиаст, который взялся бы отвезти подобный груз в Свердловск, а сдавать в багаж Вебстера рискованно. Поэтому я полагаю, что только мой приезд поможет в этом деле.

Из более посильных дел очень трудно сделать выбор. Пожалуй, хорошо бы иметь мои учебники по языкам – немецкому и английскому. На полке за фисгармонией (левой) стоят два курса Радкина – Туссэна Лангеншейдта. Английский – в желтой картонной папке надо проверить, все ли выпуски в нем на месте и если нет, то поискать недостающие тетрадки на той же полке, но повыше (тоже в вертикальном положении, с общей тетрадкой).

Немецкий Редкин есть в переплете и еще в папке. В папке нет первых четырех выпусков, но это не важно. Если не хватит последующих, то их надо поискать там же, где и английские. Прислать, пожалуй, лучше немецкий в папке, а не в переплете. Кажется, они заслонены фисгармонией.

Затем, в комнате, где телефон, на полке у самого окна, 3-я или четвертая сверху, стоит обернутый в газету Бергсон (по-французски) «Les deux sources de religion et de moralité».

На этажерке, справа от моего стола, есть маленькая белая книга Андре Жида (по-французски) – Coridon (диалоги).

Эти книжки, да еще моего Блока наверху на полке, я хотел бы иметь здесь, но только не за счет морковки для Муси, а при каких-нибудь случайных благоприятных условиях.

Жаль, что, не зная о Гиттере, я послал тебе 1000 р. по почте. Эта частица твоей заслуженной сталинской премии.

Шлю тебе чеснок, привезенный мной из Алма-Аты. Я предлагал половину С. С-не, но она сказала, что покупает здесь по-немногу свежий. На всякий случай, я оставил все-таки немного головок для С. С.

Ну, Милюча, пора все-таки и на покой. Надо еще писать одну штуку для И. П.

Крепко, крепко тебя целую. Твой С.

19/IX-42

Дорогая Милюча!

Я хочу уточнить мои книжные просьбы, т. к. может быть, я не сказал в письме главное. То, что я написал о пересылке книжек, это примерно годовая программа и никакой спешности там нет (это видно и по отбору книг). Фихтенгольца я тоже просил только потому, что он, якобы, уже есть. Тратить силы, которых там мало, на беготню по магазинам ни в коем случае не надо. Все это такие просьбы, которые исполняются только при удобном случае.

Ребята отдохнули, подкрепились и выглядят теперь хорошо. Симе лето даже принесло пользу, она стала стройнее, подвижней и хозяйственней. У Муси боли на болячках прекратились, они явно проходят.

В А. Н. все жаждут видеть нормы снабжения лауреатов. Они здесь не известны. Нельзя их получить?

Шлю сердечный привет.

Очень прошу, не посылай шоколад, я даю весь мой. Напр., завтра дают две плитки «Кр. Октябрь».

23/IX-42

Дорогая Милючка!

Сегодня мы посоветовались с детьми и решили взять деньги с твоей книжки, чтобы перевести их во что-нибудь более вещественное. Я только что ходил в сберкассу и взял 1.200 руб., оставив на завод рублей сто с лишним. Ребята очень рассудительны и под руководством С. С. и Н. В. они сделают что-нибудь хозяйственное на эти средства. Передам деньги завтра-послезавтра, как только попадется свободный вечер. Давать деньги девочкам в трамвай я боюсь, и они тоже.

Все забываю сказать, что Сима под влиянием жизненных тягот и колхозной дисциплины сильно изменилась к лучшему. Она много, очень много делает и хорошо соображает. Она сейчас хороший товарищ для Муника. Моя мама прямо любит теми отношениями, которые явно видны между ними. Симочка очень ценит твои речи и замечания, и я думаю, что тебе стоит как-нибудь отметить этот радостный сдвиг в ее развитии.

Ребята растут, по выражению С. С., как цветы из воды, т. е. почти без садовника, сами собой, но благодаря хорошей заложенной основе из них получаются очень хорошие девицы, каких мало.

Это такое бесспорное достижение, что после этого стыдно жаловаться на жизнь. С. С. на днях в понедельник постилась по обыкновению, несмотря на все уговоры.

Ну, еще раз будь здорова, дорогая и поменьше содрогайся нутром. Пока еще дела не так плохи. С.

17/XI-42

Дорогая Милючка!

Ты уехала, так ловко подняв наше общее настроение, что это сделало бы честь даже какому-нибудь политику мирового масштаба. В воскресенье я был у ребят и застал их в очень плохом настроении, которое я поддержал выражением уверенности в том, что ты приедешь – рано или поздно. Конечно, долго такое настроение не продержится, если как-либо не будет подлито масло в огонь.

Но что меня поразило больше всего (я думал, что это галлюцинация моих больных глаз), так это Сарра Семеновна, оде-

тая в полном виде и с томиком «Русские поэты» в руках. Долго я протирал глаза, но мираж не рассеивался. В чем дело – я так и не понял, но явно одно, что твое присутствие вывело хоть на некоторый срок С. С. из ее постоянного оцепенения.

Ребята писали тебе через Бродского, и это очень мило с их стороны. Я был у них сегодня. Они имели успехи на Шартаже, но за дрожжами ходили зря, получают только завтра, и за капустой тоже пока зря (получат когда-то на днях). Видел я их недолго, около часа. Разговоры были электротехнические, по поводу назначенного скудного лимита (1,4 квт. ч. в сутки на всю квартиру).

Завтра кончится сессия, и придется нажать на работы.

И. П. очень был рад докладу, он боялся, что я не смогу ничего сделать, и доклад был большим сюрпризом. Он прочитал его от доски до доски (я следил по своему экземпляру). В процессе уже были изложения доклада.

Вчера был у врачей в больнице. Альбуцид отменен, но сейчас начинается борьба с оставшимся помутнением. Я не придал этому значения, т. к. помутнение у меня всегда рассасывается. До следующего раза дело в шляпе. Надо успеть проскочить с большой статьей и диссертацией. Начались разговоры о моей поездке в Москву в декабре, к сожалению, совместно с Певзером. Если бы я мог увезти тебя обратно, со всеми удобствами, то это было бы прекрасным решением вопроса. Будь молодцом, держись всех данных слов и не сдавай с веса.

Крепко целую. С.

25/XI-42

Дорогая М-ка!

Все еще вожусь со вторым глазом, который проходит все стадии левого.

Очень хотелось бы получить с ближайшей оказией какой-нибудь геогр. атлас, оставшийся у ребят. Он нужен Марику Пропсту.

А. Е. уехал в командировку и сегодня отдал карточки переданные ребятам. Это их поддержит, они молодцы и уже доказали способность следовать домашним и хозяйственным наставлениям.

В воскресенье они были у меня, мы просидели хорошо весь вечер, пока Муся не захотела спать, и это решило час нашего разговора. Беседа была мне интересна, они много хорошего понимают и дают интересные формулировки. Надеюсь, через неделю <приеду> и работать.

Шлю сердечный привет. С.

20/XII-42

Дорогая Милочка!

Ты так нас всех перепутала с возможностями твоего приезда (ходили слухи, что ты собираешься приезжать чуть ли не с Бродским), что это не могло не отразиться на наших письмах. Мы думали, что писать уже может быть и не стоит. 18/XII ждали возвращения А. М., по сроку ее командировки, она бы не вернулась без всякого извещения института о причинах задержки. Поэтому все надежды на прояснение угасли, и я решил написать, тем более что с 21/XII я закончил наконец-то свой бюллетень и приступаю к работе.

Сегодня был у ребят, впервые после болезни, посидел у них, оказал некоторую техпомощь, и отвел двух интересных девиц в столовую на ул. Либкнехта. По дороге у одной девицы (Муси) при 20^о мороза побелел кончик носа, но встречные, проходя, своевременно указали на это, и мы оттерли благополучно нос сухой шерстью. Правда, это девица сумасшедшая, она ходит до сих пор в старом пальто, и только на сей раз она оделась полюдски, т. к. я заявил, что мне стыдно в столовой, что моя девочка такой оборванец. В чем здесь дело – я не могу постигнуть. Симочка видится совершенно нормально, очень мила и благополучна.

Очень порадовала меня ты своими рапортами о лечении, хотя аккомпанемент к главной теме и не вполне благозвучный: «и толку не будет, и трата сил большая, и большее здоровье мешается, зряшная вся эта затея». Я вижу толк уже в том, чтобы показалась терапевтам и невропатологам. Специальная часть тоже не может не дать эффекта при сталинградском упорстве и выдержке. Не обязательно устраивать визиты в 8 утра, можно согласо-

вать и другие часы, не за счет сна, а за счет Г. М-та. Нет, Милюка, если уж быть молодцом, то уже на все сто!

Завтра выхожу на работу, где все запущено до предела, не знаю, как и за что прежде браться. Кроме того, официально получил на отзыв диссертацию Переля (я и Карнаухов). К великому изумлению, она мне удовольствия не доставляет, написана Шапиро, а не Перелем. Может быть, зато Бог вознаградит меня дальше, и диссертацию Шапиро, которую я сегодня получил для чтения и «поверхностного редактирования», окажется написанной Перлем или Зенкостом. Положение мое с отзывом очень сложное.

Получил от И. П. Б. мою стенографированную «Тех. Черн. метал. за 25 лет», (60 стр.) Все благополучно сдано издательству. Уф! Слава Богу!..

Будь здорова, Милючик. Крепко целую. С.

29/IV-43

Дорогая Милюка!

<...> Хотел тебе, Милючка, дать телеграмму: «Пойди с девочками, посмотри "Леди Гамильтон"». Но потом решил, что в наркомате скажут, что я с ума спятил. А сегодня в «Известиях» вижу, что эта картина уже уступает место «Победе в пустыне».

Вчера меня внезапно вечером пригласили на закрытый просмотр картины. Я пошел скрепя сердце, но получил большое впечатление, какого даже давно от кино не испытывал. Картина глубоко художественная, психологически интересная, исторически замечательная. Если вы ее видели, то нельзя ли исправить эту ошибку? Я собираюсь идти смотреть еще раз, когда картина будет пущена в прокат. Этот исторический эпизод и раньше привлекал мое внимание, но картина дала его ярко, лучше, чем даже в книгах.

Вторым событием у меня является мое письмо (на 10-ти страницах) – тов. Сталину! Сейчас же после твоего отъезда, гоняясь за одной мыслью, я прочитал внимательно, в первый раз в жизни «Диалектику природы» Энгельса. К великому моему изумлению, я нашел там грубую ошибку в решении задачи по физике из курса Муси и Симы, эта ошибка остается незамеченной около 20 лет

и распространяется по всему свету в сотнях тысяч экземпляров. По поводу этого факта я сформулировал несколько положений о подборе кадров на философском фронте и о наших задачах в послевоенной обстановке. Только что послал это письмо, которое доставит веселого мало удовольствия Митину, Максимову, Познеру и Брушлинскому (редакторам «Д. П.»). Посмотрим, будет ли это какая-нибудь реакция. Время, правда, сейчас не очень философское.

Зато меня Бог наказал на работе. Я так сильно раскачал энергию своих членов бригады по восстановлению, что каждый из них написал по 150 стр. Но, Боже, что это за страницы и какой они имеют отношение к восстановлению!... Это прямо катастрофа, после которой в живых остаться можно только ... в Академии! Я просто убит этим горем.

Сегодня получил выписку из протокола президиума АН о присвоении мне ученого звания старшего научного сотрудника АН. Ну, достиг я всех возможных пока степеней! До доктора больше получать уже нечего. Здесь помогла моя диссертация, т. к. другим (человек пять) это звание не присвоили.

Будь здорова, Милючка. Крепко тебя целую. <....>Твой В.

28/VII-43

Дорогая Милючка и милые Китенята!

Путешествие мое, как я телеграфировал, закончилось очень хорошо. Разочарование было только в пути. Всего сильно поубавилось и все вздорожало, особенно между Казанью и Свердловском. В Вятские поляны приехали поздно вечером, было темно, а дальше проехали ночью много хороших станций. Только Янаул был последней нашей надеждой, но здесь масло было по 120 р. за 200 гр. Яйца продавались по 2–3 шт. по 10–13 руб. Практически их не было. Молоко почти всю дорогу стоило 40 и 50 р. литр, только раз я купил $\frac{1}{2}$ литра за 15 р. Сказываются полевые работы и мстами коровий карантин – эпидемия ящура.

Я купил около 2 кило масла, пол литра меда и пол литра топленого масла. Часть масла выделил в обязательном порядке маме и заставляю ее есть. Она чувствует себя гораздо лучше,

т. к. аккуратно пьет диуретин (да услышит это Симочка!!!), сходит в садик под окна и ходит по комнате.

Для тебя была заготовлена посылочка конфет, но т. к. вчера выехал в Ленинград брат Кузнецова, то я в этот раз посылку направил в адрес Мэри. Но я надеюсь на днях, Милючка, сделать сбор для организации посылки с шоколадным содержанием и в твой адрес. Если я выеду скоро, то привезу сам, если задержусь, то пришло.

Беды все-таки меня догнали. Только что сильно заболел Костя. Плохо с его глазом, ожидается операция. Надо выпустить весь больной глаз и вставить протез. Одна ночь была спокойная у меня, в день приезда, а потом начались эти беды. Сейчас Костя в больнице.

Плох и Володя. Его кормят капустными листьями, и у него развились тяжелые желудочные заболевания. Он сильно похудел. К сожалению, его теперь редко отпускают домой, и мы мало можем помочь ему.

Если бы не эти семейные беды, то я мог бы здесь отоспаться, отлежаться и пожить для приведения в порядок своей головы. Огород уже чувствуется, и прожить можно. Обедов сейчас два, и у меня хороший завтрак. Условия для работы хорошие.

Теперь послушай, Милюка, что я придумал для кладбища. Сейчас я организую уборку могилы, подкраску надписи. Затем я вобью по углам хорошую четверку стержней из дерева и натяну проволоку, как оградку. Получится чисто убранная, отмеченная карточкой и загорожена, обложенная дерном могила. В таком виде она простоит сколько угодно, пока мы доживем до более устойчивых времен. Стоить это будет всего рублей 500–600, и я их отложил уже в свой стол (твои же деньги).

Старик Дриц что-то держится в стороне от этого дела. Без меня его просила не раз об этих делах Оля, но он ничего не сделал. Уж не забыл ли он и о своей задолженности по мотивам? Кто его проверит?

Из-за моих напастей чувствую себя пока неважно, очень тяжелая все время голова, сил не больше, чем в Москве. Вчера забыл

надеть верхнюю рубашку и пришел на работу в той, как сидел и работал дома. Но вид у меня, говорят, хороший, московский (чувствуйте, М и С!)

В августе (в начале), вероятно, решается вопрос о нашем переезде. Думаю, что придется переезжать в конце сентября – начале октября, хотя мои этого не хотели бы. Все-таки мы переезжали уже после краха одного из трех фашистских китов (да извинят меня наши китенята за такое совпадение слов!).

Письма, посылки и багаж. квитанцию вручил в день приезда З. Н. Она журила И. Г-га за правило присылку посылок и говорила, что это несносное баловство с его стороны. Не пришли пока только за посылочкой Л. М. Непторович, хотя я туда звонил. Позвоню вечером еще раз.

Было всю дорогу и сейчас в часы досуга очень грустно без московских моих домашних. Но когда начались несчастья Кости, это отвлекло меня от личных настроений.

Положение забытых лауреатов здесь такое же, как в Москве. Бардин дал телеграмму в Наркомторг – что нам делать, но ответа не получил. Что решат на август – пока не известно.

Ну, расписался я очень хорошо. Это для первого раза. Очень хочу спать с часа дня! Если сведения из больницы от Кости Оля принесет хорошие, то дня два я буду спать всю.

Будьте здоровы, дорогие. Крепко целую. С.

12/IX-43

Дорогая Милючка!

Наконец переезд в Москву созрел до такой степени, что я и мама имели сильное желание скорее закончить эту операцию и быть уже там. Оля тоже склоняется к этому, но разлуки с Константином портит ей все дело. Во всяком случае, хорошо, что теперь это происходит при общем делании, а не общем трауре. Сильно помогает делу ужасная свердловская погода. Весь август и сентябрь стоят холода и льют дожди. Кормить нас тоже перестали, дают обед только мне и без права замены сухим пайком. Поэтому и с материальной стороны в Москве будет ухудшение только с хлебом, но зато будут отоваривать паек по-человечески,

на что здесь надежды нет. Словом, едем мы с охотой и нетерпением, а не со слезами, как раньше.

Не везет тебе, Милючка, с оказией на закупки. Командировка Кости сегодня опять отложена на несколько дней, и когда он поедет, Бог его знает. Завтра едет А. Е., но он едет со своим семейством, со всем багажом и с желанием делать закупки для себя в меру всех сил. Поэтому я не осмеливаюсь просить его взять маленькую шоколадную посылочку и письмо.

Милючка, не сердись на такие разломанные кусочки шоколада. Виногато здесь его происхождение. Это нам дают за завтраком вместо сахара к чаю. Я съедаю свою часть и собираю остальное. Чаше нам дают вместо чая компот из сухих фруктов, и тогда запаса для посылки пополнить не удастся. Я думаю, что сейчас даже маленькая посылочка со сладким может иметь значение, т. к. не только у нас, но и у вас за август и сентябрь сахар по карточкам не отоваривается (у нас дают только по ученому пайку, 800 гр. в счет кондитерских изделий).

Последний деловой раздел письма – это вопрос о содействии получению для меня карточек на октябрь. К великой досаде, наш отъезд намечается в очень неудачное время, в самом конце сентября, с приездом числа 2–3-го октября. Если не подготовить получение карточек, то придется мне получать наши пятидневки, а иждивенца при всех условиях до прописки ничего не получают, и все мы будем по одной моей карточке.

Поэтому я с А. Е. посылаю в институт справку № 7 (о сдаче стандартной справки). Кажется, для лауреатов этого и достаточно. Но так как теперь лауреаты переведены на общее положение, то может понадобится справка от домкома, что я там стандарт. справки на октябрь, не заверял. Я прилагаю к письму заявление в домком. Созвонись, пожалуйста, с Зоей Антоновной и посоветуйся, как быть. Если надо, то получи, если сможешь, справку в домкоме по моему заявлению. Квартплату я выслал дважды, аккуратно.

Ну, Милюча, как будет хорошо, когда мы будем вместе, и вас эти абракадабры отойдут в область преданий!

На днях ты ждешь обратно домой дорогого Муника, поребовавшего за всех нас? Надеюсь, что у вас все лето было не

свердловское. У нас можно было замерзнуть, как на северном полюсе.

Вчера у нас был прощальный банкет человек на 30–40. В. Л. Комаров прощался с областными организациями. По своей всегдашней манере, он не спрашивал, кто хочет говорить, а просто заявлял: «Тост имеет предложить такой-то». Благодаря этому, было любое число застольных ораторов, в том числе и я. К сожалению, от плохой черной икры у всех расстроились животы к утру – в том числе и у меня. Сидел я с О. Д. Форш, с которой мы таким образом банкетно прощались. Правда, она собирается тоже в Москву, но там хватит с нее писателей по профессии.

Сейчас копаюсь в книгах, сортирую, готовлю к упаковке. Все дубликаты ликвидирую, их накопилась целая стопа.

От Володи была телеграмма об отъезде в Пензу, а раньше было одно письмо. Встретил Ст. Андр., он все тот же сердечно вам всем кланяется.

Будь здорова, дорогая. Крепко обнимаю ребят. На письма теперь уже нечего рассчитывать. Крепко целую. С.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В МОСКВУ

После возвращения в Москву девочки стали учиться в старших классах. «Мы хотели вступить в комсомол и пытались выяснить у комсорга школы, примут ли нас? Ведь у нас репрессированные отцы. Комсорг школы, довольно хорошая девушка, обещала узнать и через несколько дней сказала, что нас разрешили принять, несмотря на это обстоятельство», – вспоминала Сима.

Тогда обстановка в стране была напряженная, и это отражалось на школе. В то время на уроках учителя периодически предлагали детям вычеркивать некоторые строки в учебниках по истории и заклеивать фотографии. У нас дома сохранилась книга «История гражданской войны» с вырванными листами.

Школу девочки кончили с медалями и поступили в Московский университет. Моя мама Майя, в частности, на физический факультет, а Сима – на филологический факультет. Тогда (сразу после войны) отсутствие информации об отце в анкетах не влияло ни на что. Когда же они кончали университет, анкетные данные уже тщательно проверялись, и на Физическом факультете для мамы многие направления физики стали закрыты.

Майя вспоминала: «Сначала нас распределили всех на оптику. Через год оптику сделали секретной. И кто не прошел по анкетным данным, решили переходить на другие кафедры. Кто-то из нас решил делать дипломную на кафедре астрофизики. У нас было таких однокурсников много. У одного из студентов отец оставил мать, и он писал в анкете, что он не знает, кто его отец, хотя тот был известным

изобретателем. Но он написал, что не знает. Так он тоже попал на астрофизику».

В университете мама познакомилась с папой. Они были однокурсники. Тогда папа только вернулся с фронта. Войну он начал на Украине, дошел до Будапешта, Вены. Награжден тремя медалями и орденом.

Папа, как и многие солдаты на фронте, мечтал о мире и будущей семье. Он пришел в семью мамы с одним чемоданом, в котором среди других его вещей лежало трофейное женское вечернее платье из Вены и австрийский ежегодник, практически пустой: в нем была только одна запись.

«1945 год, 27 марта. г. Тот. Пришли последние машины. Закончили ремонт пушки. После обеда уехал Хрулев с начальником. До обеда выпили. Обедали в одном доме, где много девушек. Все они приветливы. Собрались они с разных домов. Боятся русских. Получил летнее обмундирование, сходил в баню. Вечером играли в карты в пирош, чабли-чачи. Легли в 12 часов».

Мама говорила, что когда они поженились, папа ей сказал, что жизнь коротка, что нужно ценить каждый день и не ссориться. И они были верны всю жизнь этому слову.

После окончания университета папа попал в закрытое учреждение (почтовый ящик), у мамы же были трудности с трудоустройством из-за анкетных данных (репрессированный отец и национальность). Вячеслав Рикман помог маме устроиться в Институт металлургии АН.

Сима окончила филологический факультет МГУ и тоже испытывала трудности при устройстве на работу. Многих ее сокурсников брали в Радиокомитет, но ее не взяли. Поэтому она устроилась сначала в библиотеку, потом друзья помогли ей перейти в лабораторию машинного перевода в Институт точной механики и вычислительной техники, а затем – в сектор структурной лингвистики в Институте русского языка. После этого института она перешла переводчиком в издательство. Сима всю жизнь занималась переводческой и редакторской работой. В конце жизни она

работала редактором издательства «Прогресс». [Белокриницкая С. С. переводила с англ., нем., нидер., дат. и швед. языков. Среди переведенных ей авторов У. Фолкнер, Ф. С. Фицджеральд, П. Хайсмит, Ф. Дюрренматт, А. Франк, И. Бергман, А. Стриндберг, Г. Х. Андерсен и др.]

После окончания войны бабушка Рая осознала окончательно, что Давид не вернется, и уже любя Вячеслава Рикмана, вышла за него замуж. Вскоре, в 1946 году, у них родился сын Женя.

- - - - -

О ВЯЧЕСЛАВЕ РИКМАНЕ

Я хорошо с детства помню дедушку Вячеслава, было в нем что-то благородное. Он держался со многими на дистанции. Но это свойство не мешало ему общаться с нами, его внуками. Он с нами легко ладил: любил шутить и подтрунивать. Мой брат Леня вспоминал, как в детстве спрашивал у дедушки что-нибудь о животных, например:

– А что заяц делает, когда.....?

На что дедушка обычно отвечал:

– Я не знаю, я никогда не был зайцем.

Любил он и подыгрывать Лене. Леня утром тайком вставал с дивана и вместо себя клал валик и укрывал его одеялом. Тут приходил дедушка и начинал «пытаться» Леню разбудить. Он ему говорил: «Пора вставать». Но валик, разумеется, не шевелился. Тогда дедушка сдергивал одеяло, и Леня радостно выскакивал из своего тайника. Мы все радостно смеялись, включая и дедушку.

Дедушка любил слушать классическую музыку. Дома у нас была его большая фонотека. Кроме этого он собрал большую библиотеку, где было много книг на иностранных языках, философии, поэзии. Он особенно выделял Пастернака и Рильке, чьи стихи были напечатаны на машинке или написаны в тетрадках, так как в СССР они не были изданы. Нередко слушал Би-би-си и Голос Америки.

Хотя он был мне не родной дедушка, и история его жизни проходила как-то в стороне для меня в детстве, но теперь, когда я увидела его архив и узнала его лучше, его жизнь полнокровно влилась в жизнь моей семьи и черты его лица стали яснее.

Родился Вячеслав Викторович Рикман 28 февраля (по старому стилю) 1896 г. в г. Брянске, Орловской губ., в семье

почтово-телеграфного служащего. В семье было шестеро детей. Кроме Вячеслава, были еще Евгений, Александр, Виктор, Ольга и Владимир. Его отец Рикман Виктор Викторович и мать Елизавета Ивановна жили в частном доме в Брянске по адресу: Пролетарская д. 18. Был у них дом и на ул. Авиловской. Отец, дворянин, почтово-телеграфный служащий, титулярный советник, проработал 55 лет в телеграфном ведомстве (технадзор за телеграфной аппаратурой), в советское время получил от местного профсоюза почетное звание героя труда за безупречную полувековую работу. Умер он пенсионером в Брянске в 1931 г.

Мать Елизавета Ивановна, 1867 г. р., вела домашнее хозяйство и ухаживала за детьми. С 1938 г. она получила персональную пенсию за заслуги сына, Рикмана Виктора, работавшего тогда вместе со знаменитым физиологом И. П. Павловым. Елизавета Ивановна умерла в Москве в 1948 году. Фамилия их была шведская, но в Вячеславе текла и польская кровь.

Осталось небольшое трогательное письмо, написанное шестилетним Славой своей подруге, которое характеризует как его самого, так и его окружение.

«Милая Лёна я больше ни увижу тебя, потому что я очень болен. Эта болезнь называется скарлатиной. Это я простудился и теперь я должен пострадать. И вот я расскажу вам как, я простудился. Раз я гулял по полю. Вдруг поднялся сильный ветер. Вдруг мое горло схватило, и я пришел домой. Через день у меня в горле очутился жилак [желвак], и он все делался все больше и больше и, наконец, он сделался с куриное яйцо. Вот отчего я получил такую странную болезнь, и вот отчего я должен пострадать. Твой Вячеслав».

Среднее образование Вячеслав получил в Брянском Механико-техническом училище, которое окончил в 1915 г. Летом того же года он был мобилизован в армию и направлен на краткосрочные артиллерийские курсы в Петроград, оттуда был выпущен прапорщиком в декабре 1915 г. Вя-

чеслав служил в армии на Кавказском фронте вплоть до демобилизации, которая застала его в отпуске у родных в Брянске. Там же в 1918 г. примкнул к меньшевикам и работал сначала секретарем «Известий совета р.д.» в Бежеце, затем – инструктором в рабочих страховых организациях от несчастных случаев в Москве. Учился он в институте в Харькове. В анкете в графе судимость писал, что в 16 лет выстрелил в церкви во время богослужения, после чего был доставлен в полицию и передан родителям на воспитание. Из-за случившегося были проблемы с училищем, но благодаря ходатайству к государю, его оставили учиться. Когда я прочитала про это событие в анкете, то вспомнила, как дедушка любил говорить, что «Научный коммунизм в СССР – это как Закон Божий в царской России».

Однако за некоторыми пунктами анкеты стояли тайны, которые потом мне открылись из письма Ольги Брянцевой (Рикман).

Его сестра, написала воспоминания о Вячеславе, из которых следовало, что он на самом деле не стрелял в церкви, а совершил поступок, взяв на себя вину другого мальчика. Кроме того, выяснилось, что Вячеславу не удалось окончить институт, так как он был арестован как меньшевик и из-за этого отчислен из института.

ОЛЬГА БРЯНЦЕВА О СВОИХ БРАТЬЯХ, СЛАВЕ И ВЛАДИМИРЕ РИКМАН

У нас в семье было 9 человек детей. Трое самых старших умерли очень рано. Я их совсем не знаю, но последние два, хоть и были на 5 лет моложе меня, но были еще с детства очень близки и дороги. Это были Володя и Слава, были мои друзья, а в жизни всей особенно Слава. О нем я и начну свой рассказ. Слава был самым младшим. Перед ним были сначала я, а потом Володя. Вот так втроем мы и дружили и вместе прошли почти всю жизнь.

Слава всей своей жизнью оправдал свое имя. Костя очень любил его и иначе не называл его до конца как «Славущка». В детстве это был очень худенький, маленький мальчик с очень большой не по росту головой. Лицо вдумчивое, серьезное, но больше всего веселое, озорное, шаловливое. Сидит на травке малыш, что-то мастерит из щепочек, руки маленькие-маленькие, он весело работает, машет чем-то и поет что-то свое детское, понятное ему одному. Рядом стоит мальчик побольше – это его брат и самый лучший, любимый друг. Это Володя, о котором я буду говорить позже, если смогу.

Наша мама очень любила нас всех, она жила лишь нами. Но малыш Слава был как-то близок ее душе по своим свойствам, что и доказал всей своей жизнью.

Малыш очень любил свою маму, но иногда на него находило желание покапризничать над ней. Как сейчас я слышу его голос, когда его одевают на прогулку. «Я, хочу гулять!». И все это со слезами и нараспев. А через минуту, когда мама одевает ему шубку и шапку: «А я не хочу!» И так несколько раз, мама терпеливо его уговаривает, что гулять

надо, на дворе так хорошо, солнышко, и вдруг все кончается разом. Слава решил идти гулять. Он очень был какой-то неожиданный, любил смеяться и шалить. Но исключительной чертой его была искренность, правдивость – справедливость. Я не помню, чтобы Слава солгал, не сознался в своей шалости.

С 4-х лет он умел читать и писать. Память была изумительная. Таким он и помнится мне с книжечкой в ручонке, читает, поет, при этом машет ручкой. Такой жест, что-то вертеть, крутить в руках, я потом видела у Жени. Бывало и так. Слава что-то напроказил. Он никогда не отказывался, что это сделал он. Но в своей детской простоте, боясь, что мама его будет очень сердита, он придумал себе убежище. Возле дома у нас стояли две вековые липы. И вот он залез на самую верхушку такой липы, в ее густой листве. Мама ищет его, потом находит и начинает просить, чтобы он осторожно слез, иначе убьётся. Некоторое время идут переговоры, наконец, Слава очень ловко скользит с дерева, а у мамы замирает сердце, и когда он благополучно стоит перед ней, она не говорит ему ни одного слова упрека, а берет за руку и ведет домой. Дома сидит отец. И он начинает упрекать маму, что из ее «маленького» выйдет баловень и плохой человек. Но жизнь опровергла эти пророчества. Из Славы вышел честный, умный, чуткий и с душой доброй ко всему живому, он очень любил природу, музыку, цветы, очень любил всех животных и никогда их не обижал, а всегда защищал и ласкал их. Больше всего он любил своего кота. Это был замечательный «Кота», как он говорил. Огромный, пушистый, белоснежный без единого пятна с черными умными глазами. И кот очень его любил. Но, к несчастью, это был большой гуляка. Он часто пропадал, а Слава очень боялся, что его украдут или еще хуже, что-нибудь будет с ним. В конце концов, так и случилось. Кот зимой ушел и больше не вернулся. Его долго искали все. А Слава плакал, и каждый день по сугробам ходил в сад, где дрались коты, надеясь найти своего Коту, и оставлял там еду. И это было, когда

Слава уже учился в техническом училище в средних классах. Но кот так и пропал. Слава долго не мог примириться с этим. Но время и другие занятия стерли этот тяжелый слой в его душе. Это было большое первое горе. Но судьба готовила ему впереди еще много тяжелых страданий, которые он вынес с мужеством и терпением до конца. Дальше я хочу рассказать о его школьных днях. Каким он был подростком и потом в юные годы.

Школа, где учились братья, была большая, новая с домовою церковью, куда водили всех учеников. Пел очень хороший хор мальчиков, был даже «солист», и в эту церковь ходила вся знать Брянска слушать хорошее пение. В этом хоре пели все – Витя, Володя и Слава. Пели мы все и дома. Витя был регентом, и все мы его слушались. Пели очень много, песни светские и духовные концерты Бортнянского. Но вернусь к Славе. Учился он блестяще, на одни пятерки по всем предметам. Так же учились и Витя, и Володя. Эти три мальчика были гордостью училища, все учились за казенный счет. Детство наше хоть и бедное, но мы вспоминали его как светлый сон. Слава очень любил свою школу. После уроков в свободное время он не выходил из нее во внеурочные часы. Все педагоги очень любили и гордились им. Слава очень любил почти всех учителей и дружил с ними. Поэтому и пропадал в школе. То он работал в библиотеке с книгами, помогал своему любимому «ПалПальчу», как все звали этого чудесного педагога и человека (вместо Павел Павлович). Этому учителя любили все ученики за его ум, шутки, всегда доброго и ласкового. Слава очень много бывал с ним и вел хорошие умные беседы. Этот человек много доброго заронил в его душе. Был и другой друг – учитель Иван Иванович Белинский – историк, который очень хорошо вел свой предмет. От него Слава тогда много узнал и запаса на всю жизнь. С этим человеком Слава встречался и подолгу гулял по улицам Брянска.

Володя и Витя были тоже гордостью школы. Но саму школу они не так любили, как Слава. Они делали ворох за-

даний дома. А в школе бывали на спевках в хоре и играли в оркестре духовой музыки. Володя играл на корнете, а Слава на кларнете. Они любили упражняться дома, сидя на заваulinке, и каждый играл свою партию. По характеру Слава был не такой, как Витя и Володя. Витя с детства, лет с 10, выглядел «профессором», также все и звали всю жизнь в шутку. Он всегда что-то делал для школы (например, на полу он чертил в красках огромную карту Европы и Азии), так как такого стола у нас не было. Карта была сделана замечательно: в красках все грани, горы и города нанесены на нее. Так трудиться мог только Витя. И. П. Павлов сразу узнал это и полюбил на всю жизнь до конца. Всегда очень серьезный и скромный Володя был очень застенчив, не любил общества, но в доме всегда шутил иронически над своими товарищами (у нас жили на квартире 3 ученика разных возрастов) и всегда сидел дома. Маме это не нравилось, особенно когда он был уже в старших классах. Когда там устраивались вечера раза два в год. Слава принимал активное участие в подготовке их, везде поспевал и на вечерах много весело танцевал с гимназистками, даже дамами.

Володя же не танцевал, гулял с товарищами, а дам и девиц не замечал, хотя они проявляли к нему большой интерес – во время игры в почту, записок было очень много. Но это его не трогало, так он был застенчив в эту пору. У Славы были знакомые и друзья и вне училища. Там был у него самый хороший друг после Володи. Это был сын нотариуса Попова, ученик мужской гимназии. Где они познакомились и подружились, я не знаю. В доме этого Димы он бывал очень часто и подолгу. У Димы было три сестры. Их звали Женя, Тата и Лера (Валерия). Там всегда было шумно, весело, играли на пианино. Особенно хорошо играла Тата его любимого Моцарта и других композиторов. А Слава очень увлекался музыкой. Это и сближало Славу с ней. Но эта длинная история, и писать о ней я не буду.

Слава уже был в предпоследнем классе. И тут произошла очень тяжелая история. Из-за нее сильно пострадал

Слава. Был у них ученик, очень ленивый, учился плохо. А мать у него была очень хорошая, хотя неученая женщина, но она, будучи прачкой, хотела дать сыну образование. И вот из-за этого плохого ученика вышла очень плохая история. А Слава, жалея его мать и зная, что этого ученика все учителя очень не любят, понял, что его с радостью исключат из школы. И вот Слава решил принять его вину на себя, зная, что за него вступятся все учителя. Никто не поверил, что это сделал Слава. Но время было беспокойное, близкое к революции. И вот, несмотря на защиту всех педагогов, директор, немец Фогл потребовал все же как-то наказать «дурную овцу» и изгнать ее из стада. Славу исключили из школы на год с правом вернуться в нее в тот же класс. Это был тяжелый первый урок жизни для Славы. Он совершенно изменился, пропал и его смех, весёлость, он стал угрюм, молчалив, школу возненавидел и нигде не бывал.

Его друг, учитель Белинский, советовал ему не возвращаться в училище, а перейти в гимназию. Но в гимназии он не мог учиться за казенный счет. Его еще никто не знал. Кроме того, его очень огорчало, что он теряет год. Целый год сидел дома. Правда, он уже с 14 лет имел уроки и помогал маме. Но ему хотелось скорее попасть в университет. Эта тяжелая история не прошла даром для него. Через год, когда он вернулся в школу и закончил ее также блестяще, у него начались какие-то внезапные сердечные приступы – обмороки. Несколько раз его привозили из училища в обморочном состоянии. Я укладывала его за ширму в свою постель, натирала ему виски нашатырным спиртом. Потом по совету врача, клала ему холодные компрессы на грудь, пока он не приходил в себя. Таким он был, пока не уехал в Харьков и поступил там в университет, где у него была стипендия. Но университет ему не пришлось закончить. Шел 1919 год*. Все бурлило. Слава, конечно, был

* Возможно, год указан не точно.

вместе с товарищами, и когда начались аресты, всегда во время зачетов, но не забыли и о нем. Учиться стало невозможно. Дальше писать не буду. Маме твоей он, наверно, все это рассказывает, а повторять все это очень тяжело.

Уже в других письмах Ольга описала еще некоторые моменты из их жизни:

Я очень люблю орган. У Славы была фисгармония, и он очень часто играл очень красивые хоралы Скарлатти, Чимороза и др.

Как приятно было в Брянске, когда мы из запущенного сада сделали сад, которым все любовались. Его видели все, когда приехали к нам летом 31 года вместе с Витей. У нас был водопровод и очень длинный шланг. И этим длинным шлангом Володя и Витя поливали вместе, при этом шалили как мальчишки, обливая друг друга. Я как сейчас вижу это. Как было хорошо.

В одном из писем Ольга написала о судьбе их брата Владимира:

Я не знаю, известно ли тебе о самых темных днях его военной жизни. В Первую мировую войну пришлось ему 5 лет пробыть в плену у поляков, которые тогда воевали против нас. Взят он был в плен возле своей мортиры, из которой стрелял, так как остался один и оставить свою пушку он не мог. Эти пять лет были ужасными. Три раза пытался бежать, но его ловили, возвращали в плен и обращались с ним ужасно. Он сам рассказывал об этом, когда его вернули домой. Это было уже в 1924 году. В это время стали возвращать из плена наших бойцов. Их было несколько тысяч, и среди них и Володя. Я очень любила Володю, мы были большие друзья, у него не было от меня никаких тайн. Отец в это время очень болел и очень хотел увидеть своего сына перед смертью. И вот я взяла и написала письмо Георгию Васильевичу Чичерину. Написала все о себе, о своей семье, о брате, об отце и умоляла помочь ему вернуть сына домой, пока он еще жив. И что же. Этот великий человек откликнулся и понял наше горе. Не прошло и месяца, как я получаю огромный конверт с печатью министра СССР, и в нем было извещение о том, что моя просьба

будет исполнена, что в ближайшее время Володя вернется на родину. Представляешь себе мою радость, мое благоговение перед чудесным человеком. Таким простым и добрым. Так чутко понять боль маленькой учительницы и его отца. И очень скоро Володя после этого извещения был дома. Можешь представить нашу радость.

ПИСЬМА Н. И. КАРЕЕВА ВЯЧЕСЛАВУ РИКМАНУ

Дедушка всегда интересовался литературой и философией. У нас сохранилась большая его библиотека. Еще в училище с 1912 по 1915 год Вячеслав переписывался с историком Николаем Ивановичем Кареевым. Это была переписка учителя и ученика почти в христианском смысле. Кареев не только объяснял свои взгляды на историю и философию, но и интересовался жизнью и проблемами Вячеслава: его окружением и его сомнениями. Напутствовал его не только интеллектуально, но и эмоционально.

Такие доверительные отношения между людьми столь различными по статусу и возрасту, но близкими в культурном смысле были в порядке вещей в то время. Можно вспомнить наставническую роль Л. Н. Толстого для обширного круга людей, искавших ответов на моральные вопросы, а также помощь М. Горького молодым писателям.

Большинство сохранившихся писем были написаны на адрес училища. Когда Вячеслава призвали во время войны служить в армию, переписка на некоторое время прервалась, но потом возобновилась. Окончилась она в 1917 году – началась революция и гражданская война.

Кареев Н. И. практически все время занимался общественной деятельностью. Был выбран членом Первой государственной думы от кадетской партии, но после роспуска Думы, он понял, что это не его призвание «ни в смысле способности, ни в смысле склонности». Важнее для него была научная и педагогическая деятельность. В период переписки с Вячеславом Н. И. Кареев неоднократно бывал в Париже, откуда также посылал ему письма и открытки.

В архивах он работал над материалами о французской революции. В июле-августе 1914 г. пять недель находился в немецком плену. Кареев тесно общался с молодежью, он даже организовал кружок на своей квартире для своих учеников. Им написаны специально предназначенные для молодёжи сочинения: «Письма к учащейся молодежи о самообразовании», «Беседы о выработке мирозерцания», «Мысли об основах нравственности», «Идеалы общего образования» и др. Его письма Вячеславу выражают его убеждения.

26 янв. 1912. СПб., В. О. Большой просп., 24.

Ваше письмо от 9 января, любезный г. Рикман, я получил сегодня, по возвращению из Парижа, откуда я Вам около того же времени, как Вы мне написали, я послал Вам приветственную открытку. Получили ли Вы её? Ею мне просто хотелось показать Вам, что я Вас не забываю или, вернее говоря, держу в памяти среди других людей, которыми интересуюсь, которым симпатизирую. Мне даже несколько неприлично, что не знаю, как к Вам обращаться, чтобы не выходило так церемонно – господин какой-то.

Я очень рад, что мои «Мысли об основах нравственности» Вами читаются, а еще более радуюсь тому, что эта книжка дала Вам нечто такое, что Вы считаете более или менее прочной основой для дальнейших своих исканий в деле выработки мирозерцания. Мне только не совсем приятно, что новую просьбу, с которой Вы ко мне обращаетесь, Вы называете «последней». Зачем так? Если Вы боитесь, что своими просьбами причиняете мне беспокойство, то совсем напрасно. Если бы Ваше письмо ко мне, сегодня полученное, было действительно последним, я огорчился бы, потому что мне хотелось бы следить за Вашим дальнейшим развитием, за Вашей судьбой и далее Вам полезным, насколько это будет возможно. Поэтому, милый юноша, пишите и еще и спрашивайте. Последнего раза не нужно.

Очень рад и тому, что мой «Общий ход истории» Вам пришелся по душе, а что касается про книги, того же направления,

о которых Вы меня спрашиваете, то могу указать на 5 моих «Типологических курсов», из которых, каждый имеет свое заглавие: 1) Государство-город античного мира; 2) Монархии древн. Востока и греко-римского мира, 3) Поместье-государство и сословная монархия средних веков, 4) Зап.-евр. абсол. монархия XVI, XVII и XVIII веков и 5) Происхождение современного народно-правового государства. Я охотно вышлю Вам один из этих томов. Напишите только, какой Вас сейчас более мог бы заинтересовать.

Продолжением моей книжки о нравственности служат мои «Мысли о сущности общественной деятельности», но у меня нет сейчас экземпляра, который я мог бы Вам выслать. Что касается до других книг по этике, то дайте мне несколько подумать, что Вам порекомендовать. Через несколько времени я Вам напишу. Как видите, это свое письмо к Вам я не считаю последним. Пожалуйста, не извиняйтесь в том, что причиняете мне беспокойство. Я очень теперь доволен, что послал Вам открытку из Парижа, которая, надеюсь, дала Вам почувствовать, что с моей стороны к Вам есть большое расположение, которое должно Вас заставить откинуть все опасения на счет причинения Вами мне какого-либо беспокойства. Не так ли, милый юноша?

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Н. К.

Петербург, 21 янв. 1913

Однако, тревожная у Вас душа, юноша! Встревожило Вас мое молчание, встревожили разговоры какого-то студента об ист-фил. факультете. Хочу Вас успокоить. Письмо Ваше от 14 дек. я получил, но сразу ответить не мог по случаю болезни матери, а потом, приблизились праздники, и я не знал, где Вы их проводите. Затем я поехал в Париж, откуда лишь тогда отправил Вам открытку, когда был уверен, что Вы уже опять в своем училище. В Париже я Вас вспоминал. Посылаю Вам виды тамошнего университета: если когда случится увидеть Сорбону, вспомните о своем теперешнем благожелателе. В январе получил два Ваших письма, из которых одно пришло без меня. Отослал Вам и последнюю книжку. На днях напишу. Ваш. Н. К.

Спб. В. О., Большой, 24.

21 янв. 1913

Сегодня я получил Ваше письмо от 19 числа и сейчас же коротенько на него ответил несколькими строчками на открытке с видом Сорбонны, причем обещал Вам написать по поводу разговора Вашего с каким-то студентом с историко-филолог. факультета. Но прежде о другом.

Сейчас я перечитываю Ваше письмо от 14 декабря, и меня берет сомнение, действительно ли я на него не ответил, не пропал ли ответ. Дело в том, что в эти дни моя мать была страшно больна, 26-го числа её делали операцию, и я многого не помню, но мне начинает казаться, что я Вам все-таки что-то написал. Помню только, что тогда же подобрал в бандероль новую для Вас книжку, но не послал, боясь, что Вы на праздники куда-либо из Брянска уехали. Я ведь не знаю, живете ли Вы в Брянске в училище или у кого-либо на квартире, или у родителей, или родители Ваши живут в другом месте. Я и решил с посылкой книжки повременить до окончания праздников, и такой же мотив мог меня заставить не посылать Вам и письма, как повременил я и в Париже. Без этого Вы получили бы мой парижский привет много раньше.

Итак, вопрос об ответе из письма от 14 дек. остается открытым, и верьте, что я, действительно, не ответил по указанным причинам. Но теперь, когда я Вам столько пишу, Вы можете видеть, что Ваше «воображение» (беру слова из Вашего письма) «создавало совершенно другие причины». Я Вас не виню за тревогу души, ибо это и со мной случается – пессимистически объяснять молчание своих корреспондентов, когда ждешь от них писем и не получаешь. Чтобы Вас поскорее успокоить я послал сегодня коротенькую записочку. Впрочем, надеюсь, что и ответ мой на письмо Ваше от 9 янв. должен был Вас успокоить и убедить Вас, что Ваши письма отнюдь меня не беспокоят, и что, наоборот, если бы Ваша просьба в письме от 9 янв. была действительно последней, я очень огорчился бы. Хотя я лично Вас и не знаю (не знаю Вашего отчества, в глаза Вас не видел и т. п.), тем не менее, Ваше доброе ко мне расположение и доверие ко мне заставляет меня дорожить Вашими ко мне обращениями.

Теперь о беседе Вашей со студентом с ист.-фил. фак. Вы слишком впечатлительны, и на основании одного разговора с одним человеком, мрачно настроенным нельзя же приходить в отчаяние. Во-первых, я не знаю, чего искал Ваш знакомый, т. е. не было бы у него преувеличенных требований. Во-вторых, по свойству своего характера способен ли он быть студентом этого именно факультета, т. е. туда ли он попал, куда следовало бы. В-третьих, Моск. унив. переживает некоторый кризис, быть может, отразившийся и на факультете. В-четвертых, в заявлениях Вашего собеседника не все практически верно (чтение из года в год без перемен и т. п.), а что верно или преувеличено, или относится не ко всем профессорам. В-пятых, кроме лекций есть еще практические занятия, участие в которых только и вырабатывает научную самостоятельность. Чтение, конечно, необходимо, но нужно и чтение, и лекции, и практические занятия, и даже экзамены, позволяющие охватить предмет в целом. Одно чтение создает самоучек без школы, без проверки занятий компетентными лицами. Передо мною прошли сотни студентов, и я очень хорошо знаю настоящую цену студенческих обвинений профессоров в необразованности и неосведомленности, и когда на первый план выдвигается свободное слово, это признак того, что ищут чего-то такого, чего, например, нельзя найти в таких предметах, как лингвистика, философия, и т. п. В-шестых, «палка над головой». Я не знаю, что имел в виду Ваш собеседник, но или это – известная обязательность участия в практических занятиях, в держании экзаменов и т. п., то любой факультет требует того же.

Некоторые места из того, что говорит Ваш знакомый, свидетельствуют, что сам он не в своем настроении, но не анализирует фактов. До такого-то момента, говорит, он «действительно, было для чего» и т. п., но ведь это аргументы не против историко-филолог. фак. вообще, а против ист.-фил. фак. Моск. унив. после оставления его некоторыми профессорами. В любом специальном заведении, говорит Ваш знакомый, лучше, чем в университете. Быть может, по складу ума и характера, по склонностям и способностям для него, этого студента, и лучше, но разве он

сам учился в каком-либо спец. заведении, а если учился, то зачем променял на университет? Если же не учился, как может он сравнивать, что лучше. Чистой науки больше в университете по самому существу дела, и факультеты ближе к общему образованию. Притом студ. одного факультета могут слушать лекции и на других факультетах. Если этого нет в Москве, то только по местным условиям, которые, нужно надеяться, будут и чисто временными. Притом свет не клином сошелся.

Будьте сами тверже. Боже меня сохрани толкать Вас на выбор того ли, другого ли факультета. Если я написал то, что написал, то ради критики заявлений Вашего знакомого, «выдернувшего из-под Вас точку опоры». Вы слишком впечатлительны, слишком тревожная у Вас душа, если случайный разговор со случайно подвернувшимся Вам человеком заставляет Вас говорить, что «рушится цель жизни, гибнут прекрасные мечты, все светлое в будущем». Спасибо, что со своими сомнениями, тревогами, огорчениями обратились ко мне. Очень-очень хочу, чтобы слова Вашего знакомого, в которых, думаю, было много досужей болтовни, поскорее изгладились из Вашей души, но и совет мой Вам: не предаваться так безнадежности. Мужайтесь, крепитесь и отгоняйте от себя злого духа пессимизма.

В письме от 14 дек. Вы спрашиваете, что читать по этике. Вы пишете из П-бурга, из кн. skl. Стасюлевича (В.О., 5 л., 28) «Программы чтения для самообразования» (налож. плат. 70 к.): там есть список книг. О личности и обществе книг много. Читали ли Вы сочинения Михайловского (Борьба за индивидуальность, Герои и толпа и др.)? Это – вопрос сложный и многогранный. Я его касаюсь в «Введении в изучение социологии», но подробнее всего рассмотрел в «Сущности истор. процесса». Книга вышла из продажи, но к осени я её выпущу в переработанном виде. Вашу личную склонность к индивидуализму понимаю.

Вот видите, какое длинное письмо я Вам написал. Значит, мне было приятно побеседовать с Вами. Отправляю я, впрочем, это письмо, когда получу новое от Вас в ответ на своё последнее, посланное на днях; нужно, чтобы наши письма впредь не расходились.

22 янв.

Сейчас, славный Слава, я получил новое Ваше письмо и отвечаю на деловые вопросы. Я противник экономического материализма и написал о нем книгу, которая скоро выйдет и будет Вам выслана, как только будет готова. «Поместье-государство» тоже печатается новым изданием, которое Вам будет выслано. Если еще не выписали «Сущности общ. деятельности», напишите, дабы я мог и это Вам прислать. Еще одно письмо за Вами, и я подожду отправлять это.

28 января 1913

Большая часть этого моего письма к Вам, дорогой Слава, – как Вы желаете, чтобы я Вас называл, – была написана на досуге неделю тому назад, но я его не отправлял, боясь, что оно разойдется в дороге с Вашим ответом на последнее мое письмо. Вчера я этот ответ Ваш получил, и из него я увидел, что Вы, по-видимому, даете много уроков, т.е. зарабатываете средства к жизни. Раз я начал принимать в Вас участие, я хотел бы больше знать о Ваших житейских обстоятельствах. Когда будет свободное время, напишите, а найдете недавнюю фотографию и её пришлите.

Книги, которые я Вам, обещал, я вышлю, как только они будут готовы.

Жму крепко Вашу руку и остаюсь Ваш.

Н. К.

Спб., В. О., Большой, 24.

25 февр. 1913

Ответ Вам, любезный Слава, на целых три письма от Вас (10–14–29 фев.) Сначала я был по горло занят, потом уезжал на несколько дней из Петербурга. Отвечаю по порядку. Прежде всего, большое Вам спасибо за присылку фотографии. Вижу по ней, какой Вы еще юный-юный. До университета Вам еще далеко, но именно в университет Вам дорога. Подучивайтесь по-латыни. Что выйдет из Психо-невролог. института еще не известно, да и там, на словесно-историческом факультете, латынь нужна. Очень притом я был бы доволен, если бы Вы очути-

лись моим учеником. Пока радует, что мои книги приносят Вам пользу. На днях Вы получите еще одну. В частности мне приятно было узнать, что Ваше увлечение экономическим материализмом прошло.

То, что Вы пишете о своей школе интересно, но каковы бы ни были её недостатки, держитесь за возможность окончить в ней полный курс учения. Слишком много у меня перед глазами было примеров того, как юноши Ваших лет оканчивали школу, а потом так и не могли попасть в высшее учебное заведение.

Ваши замечания о границах человеческого знания, на которые я обратил особое свое внимание, обнаруживают, что Вы еще не знакомы с самой постановкой этого вопроса. Пока люди остаются людьми и из них эволюция не сделала новой породы высших существ, мы дальше того познавать не можем, что выходит за пределы человеческого знания по самому существу дела. Есть особая об этом наука – теория познания или гносеология, для которой особенно много сделано Кантом (в «Критике чистого разума»). В свое время Вы с этим познакомьтесь подробнее, а для первой ориентировки возьмите любое введение в философию (Кюльпе, Иерузалем, Челпанова и пр. и пр.). Тогда Вы увидите, в каком смысле я говорю об опытном происхождении научного знания, отнюдь не отрицаю значения гипотез. Но гипотезы гипотезам рознь: есть такие, которые не выходят за границы мира явлений, доступного опытному знанию, и есть такие, которые именно выходят из этих границ. В зависимости от этого различения между познаваемым в опыте (внешнем или внутреннем) и лежащим за пределами знания находятся и мои слова, касающиеся субстанциальности души. Дух и материя суть наши обобщения двух категорий действительности, превращение же их в субстанции относится уже не к науке (знанию), а к метафизике, т. е. чему-то выходящему за пределы знания. Все это Вы сами уразумеете, когда больше прочтете и передумаете. К сожалению, у меня нет времени написать Вам подробнее.

Пишите. Повторяю, что Ваши письма мне не в тягость. Совсем даже напротив. Ваш Н. К.

Спб. В.О., Большой просп., 24

24 марта 1913

Мне очень досадно, дорогой Славчик, что на письмо Ваше от 19 числа, я не мог тотчас же ответить по крайнему недосугу. Не получая от меня ответа, Вы, пожалуй, только утвердитесь в своем предположении, о котором с тревогой пишете в этом письме, – в предположении, что я, пожалуй, дурно о Вас подумал по поводу слов Ваших одному из своих товарищах о моих письмах к Вам. Самым положительным образом уверить, что ничего подобного тому, о чем Вы подумали, мне и в голову не приходило, будто, [неразборчиво], я заподозрил Вас в хвастовстве перед товарищами перепиской со мной. Ваш товарищ, желавший узнать от меня о Психо-невролог. институте, только мотивировал свое обращение ко мне ссылкой на то, что я отвечаю на письма, как это ему сделалось известным от Вас, – и только. Но это вполне естественно.

Успокойтесь же, дорогой мой, и знайте, что к Вашей искренности я отношусь с величайшим доверием и что в голову мне ничего не могло придти сколько-нибудь для Вас неблагоприятного. Я убежден в серьезности мотивов, заставляющих Вас ко мне писать, и мне даже понравилась Ваша тревога, как доказательство того, насколько Вы дорожите моим к Вам расположением. Могу даже прибавить, что оно сделалось еще большим. Буду ждать теперь от Вас письма, в котором Вы меня известите, что успокоились и больше не боитесь перемены в моих к Вам чувствах.

В ответ на первую половину письма напишу немного. Очень рад, что чтение «Введения в изучение социологии» Вам доставляет удовольствие. Ваше замечание о взгляде Барта я считаю основательным. Теперь, пожалуй, возьмите читать и «Осн. вопросы философии истории». При первой возможности я напишу Вам, что Вам читать по этике: нужно самому подумать, что Вам рекомендовать. Как видите, собираюсь писать Вам и еще. Когда лицом к лицу нам удастся встретиться, еще не известно, но продолжать переписку в нашей власти. От души Вас обнимаю.

Любящий Вас. Н. К.

Спб., 5 апр. 1913

Отвечаю на два последние Ваши письма, дорогой Слава! Я всегда читаю Ваши письма с удовольствием: мне нравится их искренность и горячность. Пишу это не для того, чтобы Вас похвалить, а чтобы объяснить Вам, почему и сам я отношусь к Вам с таким расположением и с охотой всячески Вам помогать. Особенно охотно я посылаю Вам свои книги, зная, что они будут прочитаны и содержание их будет усвоено. Нельзя же мне не радоваться, что судьба послала мне такого ревностного ученика, который относится ко мне с такой любовью, являющейся для меня любовью к моим идеям. Могу только желать, чтобы и впредь продолжалось и чтобы расположение Ваше к моим взглядам не изменилось. Прибавлю, что каждое Ваше письмо, заявление о том, что Вы прочитали что-либо из написанного мною вселяет во мне желание послать Вам еще что-либо из моих сочинений. Конечно, и тому я не могу не радоваться, что моим писаниям пришлось вселить в Вашу душу, уже начинавшую колебаться на жизненном пути, бодрость и уверенность в себе, веру в жизнь и её высший смысл.

Спешу уведомить Вас, что не исключена возможность скорого свидания между нами. Я собираюсь в Москву, а оттуда, может быть, и в Киев, дорога же туда лежит на Брянск, где поезд стоит несколько минут. Если бы это случилось, я заранее Вас, конечно, известил бы. Пока напишите мне по такому адресу: Москва, Сивцев Вражек, д. Гаркави, квартира Карелиной.

Целую Вас, Ваш Н. К.

Москва, 13/IV 1913

Выезжаю в Киев из Москвы во вторник вечером в спальном вагоне (международным) II кл. Поезд придет в Брянск в 5 ч. 40 м. утра в среду, и я велю к тому времени разбудить. Стоит поезд в Брянске 12 минут, и мы можем повидаться. Если бы Вы взяли билет (III кл) до станции Навля и сели в том же поезде, у нас бы было больше времени, чтобы поговорить, но вот только в Навле Вам пришлось бы долго ждать обратного поезда. Так или иначе, значит, увидимся, Ваш Н. К.

Спб., 25 апр. 1913

Отвечаю, любезный Слава, на Ваше письмо (от 22 мар.) по пунктам.

1. В своей брошюре о Грановском я не имел в виду высказаться по поводу каждой мысли Грановского, и многие места приводились лишь для характеристики его взглядов. Слова его, приведенные на стр. 43, относятся к числу таковых, и Ваше возражение совершенно не верно.

2. По поводу Ницше могу посоветовать ограничиться на первых порах чтением о нем какой-либо книжки, по которой Вы могли бы ориентироваться в его мыслях. Возьмите, напр., кн. Рия, изд. в 1898.

3. Киевская коллегия Павла Галагана состоит из 5, 6, 7 и 8 кл. гимназии, и в неё принимают на полное бесплатное содержание по вступительному конкурсному экзамену. Эту бесплатность я и имел в виду, но от директора этого уч. зав. и узнал, что на бесплатные вакансии принимают только в 5 класс и притом 15–16 лет. Дело, значит, оказалось неподходящим. Вам остается только осуществлять свой прежний план относительно аттестата зрелости. Давай Вам Бог!

Ваш Н.Кареев

Спб, В. О., Большой, 24

10 мая 1913

Извещаю Вас, дорогой Слава, что на днях я уезжаю в Смол. Губ. (адрес: Воскресенское, Смол. губ.), где пробуду приблизительно до середины июня. Потом поеду за границу (в разные места).

Как идут Ваши экзамены? Надеюсь, хорошо.

Ваш Н. Кареев.

Воскресенское. Смоленск. губ., 29 мая 1913

Дорогой Слава,

отвечаю на Ваше письмо от 24 мая. План Ваших летних занятий одобряю и желаю Вам его выполнить, хотя и сомневаюсь в возможности этого: очень уже много. По первобытной культуре

возьмите книжки Липперта и Тэйлора, названия которых найдете в «Программы чтения для самообразования». Если у Вас этой книги нет, советую выписать налож. платежом из кн. скл. Стасюлевича (СПб., В.О., 5 л., 28)

Сейчас очень занят. Заканчиваю то, что не успел сделать в этом уч. году, а сегодня должен еще написать несколько писем.

Заграничный адрес свой Вам вышлю, когда поеду.

Ваш Н. Кареев.

Karlsbad, 2 июля 1913

Ум молчит, а сердце ясно:

Жизнь для жизни нам дана!

Письмо Ваше от 28 июня, дорогой Слава, я получил вчера вечером и очень жалел, что отвечать на него приходится письмом, т. е. что расстояние не позволяет побеседовать с Вами лично. Нового ничего, кроме того, что я написал в книжке о сущности нравственности, по поставленному Вами вопросу я сказать ничего не могу. Существование вселенной, а из нее и наши существование приходится принять, как факт, о цели которого можно говорить только гадательно, и это – вопрос не знания, а веры. Вы говорите, что в моей книжке говорится не о цели жизни, которую Вы хотели бы знать, а о цели нашей деятельности, но я жизнь и понимаю не в смысле простого существования, которое свойственно и вещам, а в смысле деятельности, т. е. жизни активной, а не пассивной. Мое существование не от меня зависит, но раз я существую и хочу, чтобы мое существование не было бессмыслицей, я сам себе доверил поставить жизненную задачу, которую могу мыслить только в разумной деятельности, хотя бы последняя временно и заключалась в искании цели жизни.

Я уже писал Вам, что в Вашем характере много впечатлительности и импульсивности, и я думаю, что под влиянием настроения Вы способны себя слишком взвинчивать и в сторону оптимизма, и в сторону пессимизма. С годами это пройдет. Советую Вам меньше думать о себе и больше об общей жизни и находить удовлетворение в работе, в общении с другими людьми. Жалко, что меня нет около Вас, чтобы рассеивать Ваши сомнения. Вы писали мне,

что мои книги вернули Вам жизнь, а теперь оказывается, как это непрочно. Не в виде упрека говорю Вам это и не для того, чтобы усилить Ваш пессимизм, а для того, чтобы констатировать факт и притом такой, который случается сплошь и рядом. Не Вы первый и не Вы последний переживаете пору, когда проклятые вопросы так овладевают человеком. Нужно их переболеть, помня, что лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей. Логическими аргументами я Вам ничего не могу внушить, но хотел бы заразить Вас верой в жизнь путем добрых эмоций. Вот мне хорошо, что Вы с такой доверчивостью ко мне относитесь, хотя, сочувствуя Вам, я и сам за Вас болею, но я уверен, что в Вас это переболеет, и что мое к Вам участие, самое бескорыстное и искреннее, как Вы знаете, хотя бы тем Вам поможет, что в Вашем сознании всегда будет представление о человеке, готовом всегда Вас морально поддержать. Я Вам еще пришлю свой новый адрес, по которому Вы мне и напишите. Я всегда с сочувствием читаю Ваши излияния. Н. К.

6/II 1915 Петербург, В. О., Большой, 24

Письмо Ваше, дорогой Вячеслав, меня не удивило, как Вы предполагаете, а обрадовало. Полтора года я не имел о Вас известий. Всё ждал, что Вы как-нибудь напишете, а потом и ждать перестал! Думал даже навести о Вас справку. Порадовался я и по поводу содержания письма: вижу, что Ваши старые мучительные сомнения Вас оставили. Приятно мне было также узнать, что Вы не изменились и в Вашем расположении ко мне. Я только жалею, что Вы мало написали мне о своей (внешней), так сказать, судьбе: кончили ли Вы курс в своей школе? Если кончили, то почему никуда дальше не поступили? Какие были у Вас на сей счет планы и т. п.? Правда, Вы упоминаете, что дорога в университет закрыта для Вас более чем когда-либо, но умалчиваете о причинах этого. Разве это уже такие непреодолимые причины?

Своё молчание Вы объясняете тем, что боялись за свою индивидуальность, хотели сохранить своё Я от влияний извне. Позвольте мне сослаться на этот же самый мотив без того, чтобы

ничего не ответить на вопрос, который Вы ставите в конце письма. Взвесьте сами все pro и contra и решайте сами, я же на свою совесть не взял бы ни да, ни нет. Верьте, что я так же поступил бы и в том случае, если бы с подобным же вопросом обратился ко мне родной сын.

Во всяком случае, я Вас прошу более подробно написать мне о теперешнем своем (внешнем) положении, которым я так же интересуюсь, как и Вашим настроением. В обоих отношениях желаю Вам всякого благополучия.

По прежнему к Вам хорошо, душевно расположенный
Н. Кареев

*26/II 1915 г. В. О. Большой; 24
Кареев*

Я очень извиняюсь перед Вами, дорогой Вячеслав, что отвечаю только через две недели на полученные письма. Дело в том, что мне хотелось написать Вам побольше, но как раз в эти дни у меня было очень много разных забот, хлопот, работ и т. п., и я всё откладывал ответ!

Из письма Вашего я узнал, что на днях Вам исполняется 19 лет. Это приятный, прежде всего, повод, поздравить Вас, выразить Вам лишний раз глубокое мое сочувствие к Вашим переживаниям и вместе с ним искреннее мое желание Вам всяких благ и внешней стороне Вашей жизни.

Вы обстоятельно, но далеко не полно ответили мне на мой вопрос. Из письма Вашего я вижу, какие мотивы образовались в Вашей душе, которые заставляют Вас отказаться от мысли о поступлении в университет, но Вы ничего не пишете, как Вы представляете себе дальнейшее в Вашей жизни по окончании Вами курса. Думаете ли свое школьное образование на этом и окончить или поступить в какую-либо еще техническую школу. Думаете ли найти себе какое-либо место, которое Вас обеспечивало бы и давало бы Вам возможность помогать семье? Есть ли болезнь, Вами перенесенная, результат того, что Вы себя переутомили работой, или вообще здоровье Ваше очень слабо? Самый отказ от университета является ли временным только?

Одним словом, мне, принимающему живое участие в Вашей судьбе, хорошо бы знать, какие вообще комбинации являются для Вас наиболее вероятными, осуществимыми. Мой совет Вам – посвятить по окончании курса некоторое время основательному отдыху, укреплению здоровья, как бы Вы не решили, что Вам делать. На всяком поприще нужно быть в полном обладании своих сил. Если бы на лето Вы нашли себе подходящие занятия (вроде прошлых годов), то Вам нужно было бы все-таки умерить свой читательский пыл. Я был бы очень рад, если бы мне удалось приискать что-нибудь в смысле хорошего лета.

Пожалуйста, пишите ко мне, и я буду знать, что с Вами. В вопросах, по которым я считаю себя вправе давать советы, я всегда охотно буду это делать.

Жму крепко Вашу руку, еще и еще поздравляю со вступлением в двадцатый год жизни и самым искренним образом желаю всего лучшего в мире.

Ваш Н. Кареев.

Действующая Армия Кавказский фронт

*Батумская Горная Батарея. Подпоручику Вяч. Рикману
В. О. Большой, 24, 24 мая 1917*

Письмо Ваше от 7 апр. я получил только теперь и был очень рад узнать, что Вы живы и здоровы, что сохранили прежнее ко мне расположение и куда я могу Вам написать. С мыслями, изложенными в Вашем письме, я вполне согласен и, как и Вы, стою за единение на фронте и в тылу, а не за всякие внутренние раздоры, подкапывающие нашу силу и свободу. Очень буду рад, если время от времени будете меня о себе извещать, хотя правильная переписка теперь очень трудна, да и я уезжаю на лето из Питера в разные места. Всего хорошего!

Ваш Н. Кареев.

ИЗ ВОЕННЫХ ДНЕВНИКОВ ВЯЧЕСЛАВА РИКМАНА. 1917 Г.

Сохранилась небольшая Полевая книжка В. Рикмана, в которой были напечатаны азбука Морзе, разные военные инструкции, в ней же – ноты его музыкального произведения и нарисованный им горный пейзаж. К сожалению, часть листов были вырваны, но несколько дневниковых записей, сделанных в 1917 г., когда Вячеслав находился на фронте, поражают глубиной осмысления философских жизненно важных вопросов.

1917 г. 5 июня 19 часов

У Казакирьяна

Толстой пришел к идее упрощения жизни и личного опрощения, перебравшись через Гималаи философии и науки. Мужик – философ, приобретший снисходительное внимание публики недавно, пришел к идее опрощения, несмотря на то, что в нем упрощать решительно нечего. Мужик *au naturel* хотел приобрести лавры омужичившегося графа, но в его устах проповедь опрощения по меньшей мере странна. Толстой бичевал знание, разувевшись в его силе, его же преемник отрицал знание по незнанию. Но о «новом Толстом» теперь что-то не слышно. Очевидно, он теперь устал разматывать реденький клубок своих мыслей. Но это все, кстати, просто подтвердилось в памяти.

В самом деле: что мы знаем? Знания наши в настоящее время крайне обширны. Но ушли ли мы дальше Платона в глубины нашего мировоззрения? Мне как-то не хочется отвечать на этот вопрос, не хочется подписать свой собственный приговор. Сколько раз я ни обдумывал этот вопрос, мне кажется, что наши знания ширятся, бесконечно ширятся, но не углубляются. Мы гораздо

больше знаем, чем знали греки, но больше ли мы понимаем в главном, ясно ли нам представляется миротворение и жизнь мира? А наша жизнь? Отношение духа к телу? Мысль? Жизнь? Вопрос о грани, разделяющей небытие от бытия, остается по-прежнему нерешенным. Наш ум непрестанно тревожится вопросами о начале, возникновении жизни и ее конце, уничтожении сознания, хотя, быть может, самые понятия начала и конца почерпнуты нами только в личной ограниченности, и там, где все есть непрестанное бытие и вечное движение, мы хотим видеть начала и концы. Для нашего ограниченного «я», страдающего манией величия и крайним эгоизмом, философия и наука, все человеческое мышление, от мудрости Упанишад до прагматизма или толстовства, не может дать ничего утешительного. Оно, наше эгоистическое «я», обретет свое утверждение в нервных выкриках Штирнера и Ницше. Но беда в том, что во всяком незаурядном уме имманентность неминуемо трескается по всем швам после нескольких минут существования. Человек, в конце концов, усомнится в том, что «я» есть венец творения во всей вселенной. Трагедия человека заключается в том, что он нет-нет, да и почувствует непреодолимое стремление приподнять себя от земли за собственные волосы. Ведь у него нет иного рычага, кроме своего собственного ограниченного разума, разума, открывающего собой каждое суждение, каждое умозаключение, каждое понятие. Он творит системы мирозерцания и в стройности их находит успокоение. Часто он так жаждет этого покоя, что не предъявляет к своей системе другого требования, кроме стройности: лишь бы голова не опровергала ноги, а ноги не старались скосырнуть с шеи голову. Найдя такое стройное мировоззрение, человек успокаивается, оттирает пот со лба и отдыхает. Большинство так покоится до смерти. Но многие все-таки озираются по сторонам: не появилась ли на горизонте новая звезда, которая дает достаточно света, чтобы разглядеть подгнивший угол нашего здания? И люди борются за торжество своего мировоззрения, нападают на все новое, что может внести изменения в области мысли. В чужом мнении они не ищут истины, но только слабых мест и расхождений с личными взглядами. Право же, полемика людей знания часто не отличается от спора

старообрядчества с православием, как по своей значительности, так и по психологической подкладке. Идея Бога мало выигрывает как в православии, так и в старообрядчестве; так и истина редко бывает сутью полемики. Мне часто приходит в голову несносный вопрос Пилата: «Что есть истина...». Ближе ли мы к ней теперь, чем две-три тысячи лет назад? Истинные приобретения человеческой мысли можно пересчитать по пальцам. Я лично в минуту духовной невзгоды готов принять великими только трех людей: Пилата, Коперника и Дарвина. О первом, конечно, можно спорить, да я и не буду особенно защищать права Пилата на первенство в скептицизме. Мне просто нравятся три слова, произнесенные им, и полно, характерно выражающие всю соль мировоззрения истового римлянина. Софисты, Фейербах, Шопенгауэр – все велики величиим Пилата.

Да, человечество не очень богато глубокими мыслями. Три коренных переворота пережило оно в своем развитии, и важнейший из них тот, которому еще принадлежит место в будущем. Слова Пилата и особенно его тон, не замечены еще массой человечества, они еще не вонзились в каждый ум, не стали его необходимой чертою. Коперник и Дарвин нанесли удары гордости человеческой. Коперник переименовал Землю из столиц вселенной в мизерный провинциальный городок, а Дарвин уничтожил претензии человечества на божественность его происхождения. Но Коперник и Дарвин, вместо скромности, породили в человечестве гордость. Ими стали гордиться, как сынами человечества. Урок скромности не был почерпнут из этих двух великих открытий. Пилату легче было бы изречь свою истину, если б он жил после Дарвина, так как ему нужно было бы вести борьбу против главного суеверия человечества – отделения человека от природы. Впрочем, великий римлянин не был борцом. Его истина давала ему право лишь снисходительно улыбаться, глядя на бурю в стакане воды – бурю в человечестве...

1917 г. 10 июня 15 часов 8 минут

Как странно! Через два часа мы выступаем в наступление. Опять нужно прилагать все свои способности, весь свой ум, что-

бы при помощи правильных расчетов пустить кусок стали точно в то место, где спрятались и дрожат подобные мне во всем люди; рассчитывать, чтобы сталь рассыпалась в брызги именно среди гущи людей, жаждущих жизни и охваченных одним пожеланием – чтобы я ошибся! Странно это мне потому, что я только что выпустил из рук дивную книгу «L'imitation de Jesus-Christ» и ее глубокий смысл провел несколько борозд в моем мозгу. Ведь несомненно, что точка зрения на мир и тело анонимного автора есть самая высокая, самая истинная, и я должен был бы с глубоким убеждением собственной правоты отказаться от возлагаемой на меня преступной задачи. Но сделаю ли я это? Нет, не сделаю. Во-первых, во мне нет той внутренней свободы, которая необходима для этого решения. Во-вторых и в третьих вытекают из во-первых. Благодаря отсутствию или недостаточности внутренней свободы я не могу посмотреть на своего серого соседа и на людей с Гарана одинаковыми глазами. Первые мне кажутся ближе и роднее. Затем, на мое место найдется другой, быть может, только с меньшей или большей точностью стрельбы, и кроме того, чем хуже буду я стрелять, тем больше крови прольется с нашей стороны. Вот сколько запутанных и темных мыслей выступает вместо одной простой и ясной мысли автора «L'imitation». Но эта книга внесет в мою душу неуверенность и разлад в сегодняшнем бою. Нужно ее спрятать на дно чемодана до тех пор, пока миру надоест эта бойня. Я не найду в ней утешения до тех пор, пока каждый день моей жизни перестанет опровергать сущность «L'imitation». Она сейчас будет только источником душевного разлада.

1917 г. 17 июня 19 час 10 мин. Solitude

1917 г. 12 июля 16 часов

Человеческая мысль склонна к сравнениям сложного с элементарным. Общество – организм, процесс развития – индивидуальная жизнь, исторический процесс – круговорот. Последняя попытка воплощения расплывчатого понятия исторического процесса в форму круговорота припомнилась мне совершенно случайно и заставила над собой задуматься. Несомненно, челове-

Solitude

ство живет периодами, часто весьма сходными друг с другом. Я же имею в виду лишь только развитие идей. Разве философия греков не является прообразом всякого духовного развития? Разве мы не перетолковываем новыми фразами идеи древних? **Не мечется ли человечество в своем духовном развитии от преобладания духа к преобладанию тела и материи, проходя промежуточные стадии?** Но мне кажется неудачной формула круговорота, так как периоды развития человечества лишены тождественности. Скорее напрашивается сравнение пути развития человечества с путем земли в мировом пространстве, являющегося результатом сложения прямолинейного движения и кругового. Идеи прошлого не повторяются буквально. Чтобы привлечь к себе внимание, они должны быть выражены в более яркой и сильной форме. Гегель давно провозгласил, что идеи, как и все в мире, развиваются через противоположности. Каждое явление и каждая идея несут в самом своем развитии элементы отрицания. Но почему это так, если это так? Почему идея всегда вызывает реакцию? Не имеет ли здесь решающего значения физиологический закон, по которому человек привыкает к возбудителям и требует по мере этой привычки все более и более сильных средств для возбуждения? Новая идея поражает человечество и приковывает к себе его внимание. Но человек привыкает к возбудителю, и идея теряет свое

обаяние. Чтобы удержать за собой власть, идея должна принять еще более яркую форму и дать еще несколько поражающих выводов. Этим путем легко прийти к потере чувства меры и толкнуться в крайность, так как крайности способны поражать человечество. Так идея приходит к логическому абсурду. Ее объявляют целиком ложной, по методу противоположности провозглашают другую. Здесь же играет роль тоска по духу и протест тела. Как день сменяет ночь, так господство духа сменяет господство тела в наших идеях. Эта смена обуславливает ту периодичность, которая бросается в глаза при самом беглом обзоре истории человеческой мысли.

1917 г. 12 июля 19 часов 35 минут. Перевал Гарран

Человечество в своем развитии идет от бессознательности к сознательности, от безмолвия к вопрошанию. Для дикого человека формула Гегеля: «все что есть – есть» – не является плодом исканий, а естественным состоянием сознания, инстинктивным пониманием. У него не возникает никаких дум о том, чтобы мир был не таким, как он есть, также безропотно он относится к течению своей жизни. Он живет – следовательно, он должен жить, и все его помыслы направлены на то, чтобы сохранить свою жизнь. Дикарь принимает действительность, не раздумывая над ней. По мере своего развития человечество наталкивается на коварный вопрос «почему?» и «нельзя ли иначе?» Создаются фантазия для объяснения мира и молитвы для влияния на ход событий. Дальше добиваются до сознания, что природа сама не является госпожой над собою, что она подчинена законам и что на нее можно влиять, создавая те условия, из которых необходимо должно последовать желательное следствие. Мы знаем, что человечество уже тысячами стоит перед вопросом «откуда?» и «почему?». Вопросы не получили еще разрешения, но человечество пришло к одному важному заключению: Я могу вмешиваться в ход многих событий. Пусть и это вмешательство обусловлено причинами и подчинено долженствованию, но непосредственно я ощущаю, что события могут меняться от моего вмешательства. С этой точки развития здоровье человечества пошатнулось. Критике и вопросу о целесообразности было подвергнуто самое личное существование,

самая жизнь человека. С этого момента человек стал перед вопросом: «Стоит ли жить?» Когда этот вопрос впервые прошел вихрем или, быть может, только смутно промелькнул в уме человека, в этот момент переломилась линия развития человечества. Из периода детства и юности человечество перешло к концу периода зрелости. Если сравнить человека с атомом, представить себе человека как клетку высшего организма, то нужно сказать, что этот организм перестал расти. А когда первый человек предпочел небытие бытию, началось разложение этого высшего тела. Началось гниение человечества. Жизнь перестала быть священной и необходимой. С вне-человеческой точки зрения человечество заболело. На нем показался угрожающий прыщик. Возврата быть не может. Поверженный кумир не восстанет вновь. И подорванный инстинкт жизни не вернет своей неприкосновенности. Жизнь получила первое оскорбление, и оно никогда не смоется.

1917 г. 17 июля, 17 час. Перевал Гарран

Из большого числа благ земных, к которым стремится человек, видное место принадлежит славе. Слава – могучий магнит, притягивающий человечество. Многие готовы были бы изменить свою жизнь в жертву Божеству, чтобы достигнуть славы. Но мне кажется, что ни в каком случае человечество не заблуждается так сильно, как в этой оценке. Что такое слава? Широкая известность имени, сопряженная обыкновенно с улучшением материального положения. Последнее условие должно рассматривать отдельно. Что же нравится человеку в том, что имя его треплется по свету, что все стремятся видеть его, поговорить с ним, получить на память автограф, хвастнуть перед знакомыми в разговоре своей близостью к гению? Как можно ценить славу после того, как имена Вербицкой и Арцыбашева стали ближе для русского общества, чем имя хотя бы В. Соловьева? Как можно ценить славу, когда мир знает имя Л. Толстого, но знает ли хоть одна тысячная образованного человечества, что хотел сказать миру Великий Старец? Для мудреца может быть приятно лишь сознание силы влияния его идей на человечество или чувство родственности, духовной близости с той частью человечества, которая восприняла его учение.

Увы! Вслед за Христом, все великие люди очень одиноко проходят свой жизненный путь. Одиноки они даже тогда, когда народ толпится на их пути, приветствует их криками «Осанна!» и цветами устилает дорогу. Устами чтут их, сердце же восхваляющих далеко от восприятия сущности великих идей. Пара друзей, воспринявших учение во всей чистоте, гораздо дороже для мудреца, чем всемирная слава. Истинное величие влечет за собой одиночество. И много раз нужно родиться великой идеи для того, чтобы быть замеченной и оцененной. Кто читает теперь глубокие обращения к самому себе Марка Аврелия? И кто не схватит на лету его же афоризм, случайно попавший в роман последней моды? Из всех стремлений человечества стремление к славе наилучше обнаруживает мелкость человеческой души. Ибо тщеславие и стремление к славе находят одинаковое объективное осуществление: слава воздается человеку не по его величию, а по капризу толпы, и чем позже слава выпадает на долю, тем более ей цены.

1917 г. 17 июля 19 час. 10 мин.

Многотомность науки и многогранность философской мысли является спасением для большей части человечества от отчаяния в стремлениях к полному мирозерцанию. Несомненно, каждый человек рано или поздно придет к вопросу, что есть жизнь и что есть сущность мира? Его приведет к этому вопросу сама жизнь, которая рано или поздно заставляет оценивать себя. И вот большинство вопрошающих находят спасение в том, что храм человеческой мысли в настоящее время подобен Лабиринту. Обыденная порядочность заставляет человека лазить по всем закоулкам знания и отвергать путь к решению вопроса лишь тогда, когда этот путь пройден целиком. Разочаровавшись в одном учении, человек принимается за другие и столь же усердно погружается в иные глубины. Это дает ему возможность избежать отчаяния, так как отчаяние охватывает человека лишь тогда, когда ему становится очевидным, что к свету пути нет, что все дороги приводят в тупик. Несомненно, человеческая мысль проложила столько дорог, что обследование их протянется до самой смерти человека. К тому же некоторые искусники сумели создать несколько столь ловко придуманных миражей, что

ищущий не сразу пройдет мимо них. И некоторое время будет наслаждаться обладанием мудрости. Пока же человек работает, уныние не западет в его узкую душу. Этому дает основательнейшую поддержку боязнь остановиться, постараться подпрыгнуть и через стены лабиринта посмотреть, есть ли что-нибудь действительно ценное, к чему можно прийти проторенными путями. Конечно, таков путь людей боязливых, пугающихся стать перед бездной пустоты, перед необъятным «Ничто». Человек же смелый поступит иначе. Он постарается поскорее схватить тот признак, который является присущим для всех путей, приводящих в тупик. Он не пойдет от начала до конца пути, не станет убивать время только потому, что бы не получить досуга для погружения в «Ничто». Заметив этот признак ограниченности, он оставит этот путь. Вскоре ему станет достаточно повернуться на каблуках, чтобы увидеть господство релятивизма во всей окружающей его стихии. Это закроет перед ним все проторенные дорожки и заставит идти своим путем, путем отказа от бумажных цветников, сделанных досужими мыслителями. Нужно не бояться увидеть в себе то, что есть, а не то, что поется в славословиях человеку. Если человек не имеет преимуществ перед простым атомом, то он мало приобретет их путем создания фантастических представлений и преувеличенной оценки своих сил. Если необходимо признать, что разность между ничем незнанием и мудростью человеческой совершенно ничтожна в сравнении с разностью между пониманием мира и жизни и познаниями человеческими, то никакие мудреные слова и никакие фолианты исследований не создадут иллюзии глубины человеческой мудрости. Эрнст Геккель и русский мужик, кто из них ближе к разгадке тайны жизни и мироздания? Я затрудняюсь отдать предпочтение первому. Современные знания мира есть лишь один из видов неведенья, точно так же, как закономерное связывание явлений есть не объяснение, а лишь другой род описания. Путь к величию человека минует «высоты» человеческого знания.

1917 г. 18 июля 9 час.20 мин. Пер. Гарран

Как ни старались в последнее время дискредитировать идею жизни сообразной природе, но, на мой взгляд, ни Мечников, ни

его единомышленники не смогли построить достаточного основания для своих рассуждений. Мечников отрицал гармонию в природе лишь под влиянием пессимизма молодости. В конце концов, он нашел лазейку, которая привела его опять-таки к идее естественной смерти и жизни, возможно соответствующей велениям природы. Человек – дитя природы, и если он действительно имеет предков среди обезьян, то несомненно, его способности мышления могут отличаться от обезьяны только количественно, но никак не качественно. Дарвин убил идею человека, противопоставленного природе и наделенного божественными дарами мышления. И вероятно далее усмотрения во всех капризных изгибах человеческого поведения аналогий с природными стремлениями – человеческая мысль не пойдет. Человек тогда может рассчитывать на уважение, когда он откажется от бесплодных сальто-мортале, при помощи которых он старается выпрыгнуть из собственной шкуры и получить что-нибудь «свое», не предписанное ему природой. Человечество стремится к бессмертию. Но единственный путь к бессмертию – это слияние с бессмертной, вечной сущей природой. Только здесь есть вечность, и бессмертие не будет приобретено посредством отрывания от себя одного из свойств – духа и приписывания ему одному права на вечное существование. Как нужно ослепнуть, чтобы перестать видеть, что дух и тело не привязаны друг к другу веревочкой, которая будто бы лопаается в момент смерти, но что оба взаимно проникнуты друг другом, существуют лишь друг в друге!

Итак, соответствие с природой – это несомненно высший критерий блага. Он стар, как мысль. Но я давно сказал, что истина непрерывно рождается в новых формах. Сенека и Эпиктет возрождаются в лице Фуко и прочих «естественников», и тот же основной тон легко уловить в нервной философии Ф. Ницше и в теоретических основаниях марксизма. Истина постоянна всюду. Не везде она дает одинаковые плоды: часто ее заглушают сорные травы. Чаще же всего истина страдает от славы своего носителя. Его захватывают, замусоливают и приводят в вид, неспособный внушить уважения. В этом отношении сильно досталось истине стоицизма. Самой природе приписывают дисгармоничность!

И это в ту эпоху, когда закономерность почитается как божество... Велика ты гибкость человеческого мышления. Показательно и то, что, отрицая гармонию природы, люди не могут поставить на всеобщее поклонение иного критерия блага. «Возможно больше счастья возможно большего числа людей». Эта формула не исключает искания счастья в жизни сообразной природе, она, формула, обладает лишь одним свойством – расплывчатостью. Сейчас России развязаны руки строить свою жизнь по любому идеалу. Что же явилось результатом свободы? Разнузданность и всеобщая грызня. Не осуществляется ли здесь тот закон, который Т. Гоббс считал «естественным законом»? *Homo homini lupus est*. Формулу жизни сообразной природе упрекают в неопределенности. Да, она неопределенна, но в то же время наиболее точна из всех критериев блага и долженствования.

В настоящее время трусость является повальной болезнью. Трусят перед немцами, трусят перед стариками, но более всего, кажется, трусят перед освободившейся массой. Страх последнего рода хватает за душу даже тех, кто бесстрашно глядит в глаза смерти в бою, ибо страшнее смерти – позор. Как решить вопрос, хороша или дурна трусость? Она соответствует инстинкту самосохранения, а потому и хороша, скажут некоторые «естественники» или насмешники, желающие дискредитировать идею стоицизма. Это, конечно, говорит близорукость. Трусость – явление расслабляющее, делающее неспособным к борьбе за жизнь. Она не ведет к спасению, но лишает существо способности искать пути к спасению и заставляет упускать случай укрепить свое господство и тем обеспечить свое существование на будущее время.

С этой точки зрения легко проанализировать все человеческие свойства и разбить их на две группы – достоинств и недостатков, если на это найдется охотник. Я же постараюсь посмотреть вокруг еще шире, и тогда, быть может, человеческое счастье или несчастье ускользнут из моего взора. Не рисуются ли вдали громады Неизбежности и Безразличия?

ИЗ БИОГРАФИИ В. В. РИКМАНА В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Связь В. Рикмана с меньшевиками отразилась на его жизни и в Советское время. Ему пришлось даже писать письмо в газету «Правда»: «Довожу до сведения всех лиц, знавших меня по прежней с.-д. [социал-демократической] работе, о том, что к РСДРП или к каким-либо политическим группировкам меньшевистского толка я не принадлежу».

С июля 1925 г. Вячеслава взяли работать в Наркомчермет. Он занимал должности старшего экономиста, начальника бюро главного инженера и ученого секретаря Технического совета НКЧМ СССР. Мне мало известно о его личной жизни в 20-х годах, но известно, что он пережил сильную трагедию – в начале 30-х годов умерла от тифа первая жена.

В 1940 году В. Рикман перешел в Институт металлургии Академии наук. В 1942 году его избрали членом Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Тогда же ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии, и тогда же он защитил диссертацию.

Среди документов, относящихся к периоду эвакуации в Свердловске, в домашнем архиве мной было обнаружено письмо, написанное Сталину в 1943 году. В письме речь шла об ошибках в области естествознания в издании книги Энгельса «Диалектика природы». Скорее всего, научные работники, находясь в Свердловске в эвакуации, обсуждали возможность восстановить работу Института истории естествознания, ликвидированного в 1938 году, после

объявления его центром антисоветского заговора. Можно предположить, что ученые решили писать письма в Правительство, подводя к мысли о необходимости восстановления работы института, который был вновь открыт в ноябре 1944 года. Потом В. Рикман некоторое время даже работал в этом институте, которым тогда руководил президент АН В. Л. Комаров. С ним он познакомился и общался, находясь еще в Свердловске, как раз во время эвакуации.

Письмо Сталину начиналось так:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

В разгар величайших событий, определяющих на целые века ход мировой истории, и в момент, когда все Ваши силы устремлены на решающую борьбу за освобождение человечества от фашистского кошмара и за дальнейшее свободное развитие первой в мире республики трудящихся, я не решился бы обратиться к Вам по такому «мирному» вопросу, как надлежащее, безупречное издание классиков марксизма, если бы к этому меня не побуждали следующие соображения:

1. Именно сейчас, во время войны, издаются массовыми тиражами произведения классиков марксизма (в сотнях тысяч экземпляров).

2. Непосредственно после войны может наступить период обостренного интереса во всем мире к идеологии главной страны – победительницы – СССР, в том числе и к нашим изданиям классиков марксизма, как к изданиям, которые должны быть образцовыми, а потому мой вопрос, может быть, является срочным.

3. Я полагаю, что мое письмо, если оно несвоевременно, не обязательно оторвет Ваше личное время и что поднятый мною вопрос может быть рассмотрен кем-либо из Ваших ближайших помощников.

Я хочу обратить Ваше внимание на факт явно неудовлетворительного редактирования такого важного произведения, как «Диалектика природы» Ф. Энгельса, новая редакция которого выпущена Госполитиздатом в 150 тыс. экземпляров во время войны».

Оканчивалось письмо словами:

«Я глубоко уверен, что в стенах Академии Наук СССР и десятков наших ВУЗов и ВТУЗов давно вырос ряд подлинных естествоиспытателей-марксистов, способных талантливо и вполне на уровне современной науки дать опыты разрешения задач критического синтеза последних научных достижений в разных областях естествознания, тем более что наша организация науки, как нигде в мире, облегчает коллективную разработку всякой крупной задачи. Эта работа могла бы выразиться в ближайшие годы (5–10 лет) в издании обширной советской «Библиотеки современного естествознания», включая историю науки и историю философии естествознания. Работа должна производиться под руководством специально созданного для этого отдела Института Маркса–Энгельса–Ленина с хорошо подобранной группой специалистов по разным отделам естествознания и о привлечении к этому делу целых Институты Академии Наук.

Для успеха этого дела, однако, мощный вдохновляющий импульс в виде исходящей лично от Вас, Иосиф Виссарионович, принципиальной оценки значения поставленной задачи и Вашего призыва, обращенного к нашим лучшим деятелям науки, сделанного в той заражающей энтузиазмом форме, которой владеете только Вы

Лауреат сталинской премии
кандидат наук

В. Рикман»

Письмо датировалось апрелем 1943 года. Свердловск. Вернувшись в Москву, Вячеслав «работал по развитию металлургической базы в районе Ленинграда. В 1947 г. работал также по исследованию путей развития металлургии Восточной Сибири в связи с использованием ее гидроэнергетических ресурсов. В 1948 г. работал над проблемами развития Кузбаса, читал лекции в Московском Институте Стали. С 1944 г. опубликовал несколько десятков статей в газете «Moscow News». Член экспертной комиссии Госплана СССР».

Вся его автобиография выглядела вполне гладкой и спокойной, но оказалось, что в 1948 году Вячеслава пыта-

лись снять с работы. Его обвиняли, во-первых, в том, что он опубликовал в 1947 году статью о металлургии в английском журнале. Во-вторых, опять вспомнили, что тридцать лет назад, во время революции, он был меньшевиком.

В письме Президенту Академии Наук СССР, академику С. И. Вавилову, от 1 июня 1948 года Вячеслав объясняет, почему статья оказалась опубликована в английском журнале.

«В начале января с. г., вследствие запроса Министерства черной металлургии СССР, я дал письменные объяснения по поводу помещения моей статьи о Курской магнитной аномалии в английском журнале "Металлургия" за август 1947 г. В своих объяснениях я указал, что моя статья представляет собой популярное изложение вопроса на основании опубликованных в широко известных материалов и что я писал ее в начале 1947 г. не для английского журнала, а для Антифашистского Комитета Советских ученых, использовавшего статью по своему усмотрению и по согласованию с Совинформбюро Министерства иностранных дел СССР. Статья была опубликована не только в Англии, но и в странах народной демократии.

Я был глубоко убежден, что любое компетентное и беспристрастное рассмотрение всего дела приведет в короткий срок к признанию отсутствия всяких оснований для самой постановки этого вопроса. Однако в течение вот уже пяти месяцев мне приходится слышать, что моя статья все еще не снята с рассмотрения и что она каким-то непостижимым образом связывается с общей оценкой моей научной работы.

Вследствие этого я вынужден дать следующие дополнительные объяснения:

1. Материалы о Курской магнитной аномалии широко опубликованы не только в советской, но и в иностранной литературе (в частности, в трудах XII Международного геологического конгресса в 1937 года), и именно поэтому я охотно согласился дать небольшую статью на эту тему. Лично я использовал только два источника: 35-й том Большой Советской Энциклопедии и свою статью в журнале "Наука и Жизнь" № 2,

1947 г., одобренную в тех. отделе МЧМ СССР (рецензия хранится в редакции журнала).

...

4. Самая тщательная проверка моей статьи в Институте металлургии и СОПС АН СССР не обнаружила в ней ничего предосудительного.

5. В условиях начала 1947 г. передача статьи непосредственно Антифашистскому комитету советских ученых была вполне правомерна (никакого иного порядка в то время не существовало). Предварительно я удостоверился в том, что Антифашистский комитет работает в полном контакте в Совинформбюро Министерства иностранных дел и имеет весьма ответственных рецензентов, вплоть до направления отдельных статей на одобрение аппарата ЦК ВКП(б)».

Далее было написано, что статья не имеет никаких секретных сведений и что в статье представлены элементарные соображения по поводу широко опубликованных в печати данных.

Объясняющих писем было несколько. Кроме писем президенту Академии наук и в Министерство черной металлургии, был написан ответ начальнику отдела кадров Президиума Академии наук СССР тов. Косикову.

В письме в отдел кадров В. Рикман пишет:

«По вопросу о моих политических взглядах в начале Революции сообщаю, что вернувшись после двухлетнего пребывания на Кавказском фронте в самом конце 1917 года на свою родину, в г. Брянск, я, не имея ровно никакой политической подготовки и зная лишь о существовании марксизма до революции лишь по двум-трем легальным брошюрам право-оппортунистического толка (Плеханов), попал в обстановку довольно сильного в это время местного влияния меньшевиков. Программа большевиков казалась мне реально неосуществимой. Вся моя политическая деятельность выражалась в том, что летом 1918 года, перед отъездом для учения в Москву, я работал секретарем редакции местной меньшевистской газеты. После этого можно говорить не о моей политической деятельности, а лишь о моих взглядах».

Академик И. П. Бардин тогда написал письма под-держки:

«В апреле 1948 года мне стало известно, что вопрос об аттестации т. Рикмана направлен на пересмотр.

Причиной этого является обстоятельство, что тов. Рикман, вернувшись с Кавказского фронта в 1918 г. вступил в партию меньшевиков, из которой затем механически выбыл, разобравшись в ее мещанской и контрреволюционной сущности. Эта ошибка, безусловно, вытекала из политической неграмотности молодого человека, что доказывается безупречностью всей его дальнейшей работы, тем, что десятки лет он проработал в центральных органах черной металлургии и в Академии наук. < > Тов. Рикману уже 52 года, и итог его жизни уже налицо. Я прошу подвести этот итог и предоставить т. Рикману возможность спокойно продолжать то полезное дело, которое он ведет наилучшим образом, как истинный советский ученый, преданный интересам своей Родины. Я прошу сделать это также и потому, что в данном случае я не просто защищаю человека, без которого мне трудно работать, а ставлю, как я полагаю, вопрос, затрагивающий доверие ко мне самому и стремлюсь предотвратить тяжелую несправедливость в отношении весьма заслуженного человека, судьба которого не должна решаться по одним формальным безличным соображениям».

Скорее всего, эти репрессии были связаны с закрытием антифашистского комитета. В январе 1947 года была написана докладная записка Г. Ф. Александрова и М. А. Суслова В. М. Молотову с предложением, прекратить деятельность антифашистского комитета советских ученых и еврейского антифашистского комитета в СССР. Антифашистский комитет был создан в начале войны по решению ЦК ВКП(б) с целью организации международной поддержки Советского Союза в Великой Отечественной войне. А после войны, судя по всему, власть решила разогнать комитет и начала собирать компромат против тех, кто был с ним связан. Начались репрессии, они коснулись и дедушки, который имел самое косвенное отношение к этому комитету.

В 1951 году Вячеслава Рикмана вновь уволили из института, и Бардин опять за него заступился. Это событие было связано с изобретением инженера Ремина. История с Реминым оказалась травматичной для Института металлургии АН. Бардин считал, что идея Ремина – «мертворожденный ребенок», и поэтому его обвиняли в недоброжелательности к молодым ученым. По мнению Бардина, Ремин не подкрепил свою идею экспериментально. В борьбе с Реминым Бардин старался обосновать несостоятельность идеи Ремина, и, не добившись успеха, исключил себя из состава тех специалистов, которым предстояло способствовать продвижению его идеи. Тогда же Вячеслава выгнали из института, обвинив в публикации якобы секретных материалов Ремина в трудах конференции. После увольнения, Вячеславу пришлось написать несколько объяснительных записок, потом в его защиту выступил и Бардин.

«6 июля 1951 г.

Президенту Академии наук СССР

Академику А. Н. Несмеянову

Вернувшись вчера из кратковременной командировки, я узнал, что в мое отсутствие 29 июня с. г. Президент Академии наук СССР, без согласования со мной, как директором института, вынес постановление об увольнении старшего научного сотрудника Института металлургии АН СССР В. В. Рикмана.

Считаю эту меру наказания незаслуженно суровой и несправедливой.

Я лично присутствовал на заседаниях Совета Министров СССР при подробном расследовании вины каждого участника этого дела, при чем было установлено, что В. В. Рикману, в соответствии с его специальностью, было поручено дать заключение лишь по материалам экономического характера, имевшим несущественное значение в данной книге. Учитывая изложенное, а также принимая во внимание многолетнюю безупречную и весьма ценную для института работу В. В. Рикмана, являющегося единственным высококвалифицированным специалистом в

институте по экономике черной металлургии, прошу отменить принятое решение об его увольнении.

И. П. Бардин».

Вячеслав Викторович Рикман проработал в Институте металлургии АН до самой смерти в июне 1972 года. Бабушка пережила его на 16 лет и умерла в мае 1988 года.

О МАРИИ РИКМАН, СТАРИННЫХ ЧАСАХ И ДР.

Среди родственников моего дедушки Славы я особо выделяла Марию Леонидовну Рикман, жену дедушкиного брата Владимира. Она к нам довольно часто приезжала, и мы у нее останавливались, когда жили в Ленинграде.

Мария Леонидовна Рикман (Артамонова) родилась в 1904 г. в С-Петербурге. Отец ее, Артамонов Леонид Константинович, был генералом царской армии, а мать Елизавета, в девичестве Хартман, – придворной. В первые годы после революции отец был арестован как бывший военный, но потом освобождён.

Я знала, что ее брата Юрия Леонидовича во время войны забрал в Америку Красный Крест. Мария Леонидовна писала в своей автобиографии о брате:

«Весной 1919 г. в возрасте 17 лет уехал на юг и служил на охране Сахарного завода в Харьковской губ. В 1924 г. или 25 г. от вернувшихся из Америки бывших там в командировке проф. Лапирова-Скоблo и Шателена родители мои узнали, что брат мой был подобран и отправлен в Америку Американским Красным Крестом, т.к. находясь в бессознательном состоянии вследствие болезни сыпным тифом, бредил по-английски и был принят за американца. Английский язык он в совершенстве знал с детства. Шателен видел его в г. Скенектэди, где брат тогда работал в фирме General Electric Company».

Так сложилась судьба Юрия.

Семья Артамоновых была православная, генерал в 20-х годах в советское время был чтецом в церкви в Новгороде, где и венчалась Мария Леонидовна со своим му-

жем. Мать ее после смерти мужа уехала к своему сыну в Америку.

Мария Леонидовна сразу после революции не смогла кончить институт, так как ей пришлось идти работать. Она преподавала английский. В 1928 году она вышла замуж за Владимира Рикмана. В 1937 году, окончив 2-й Педагогический институт иностранных языков, начала работать в этом же институте.

Мы все в семье ее называли Мэри. Думаю, что так называла ее мать в детстве, и она хранила это имя. Ведь после отъезда матери советская власть не давала им встретиться, а саму Марию Леонидовну из страны не выпускали. Я ее помню живой, жизнерадостной женщиной с неизменной открытой улыбкой на лице. Мэри всегда встречала гостей с радушием. Вместе с тем ощущалось, что она получила спартанское воспитание. Она всегда была внутренне подтянутой и требовательной к себе. Мэри вспоминала, что когда в детстве плакала, то мама ей говорила, что слезы – от избытка влаги в теле.

Всю жизнь Мария Леонидовна преподавала английский язык, и у нее был даже небольшой акцент. Меня всегда потрясало, как в свои 80 лет она два раза в неделю ездила на работу в институт. При этом ей надо было 30 минут идти до электрички, потом ехать на ней до Ленинграда, и затем – на автобусе. Иногда, правда, зимой она оставалась ночевать в городе у своей приятельницы. Жила она в Песочном под Ленинградом. Они обменяли квартиру на Мойке и переехали за город, так как Мария Леонидовна занималась собаками – эрдельтерьерами. До сих пор жива память о ней среди Питерских собаководов. Сохранились ее воспоминания о Ленинградской блокаде, которую ей пришлось пережить. Во время войны ее муж Владимир был мобилизован и оказался на ленинградском фронте. По этой причине Мэри не хотела покидать город. В 1942 году он был тяжело ранен и отправлен в госпиталь в Свердловск. В своих воспоминаниях она писала:

«Кроме того, надо было проводить занятия с бойцами, которые в скором времени должны были отправиться в части с собаками. Для них это было совсем новое дело, они не знали, как обращаться с животными, как подавать команды. Многие стеснялись, говорили: "Что это за оружие – собака, ведь засмеют". Много надо было повозиться с солдатами, чтобы они изменили отношение к своему "живому боевому оружию". <...>

С первых месяцев войны собаководы значительно усилили свою помощь милиции, но людей оставалось все меньше и меньше. Однако оставшиеся активисты помогали городу как могли. Обходили пустыри, осматривали подвалы, сараи, пропускали собак через открытые траншеи. По ночам активисты с собаками охраняли различные объекты. Мой Фред охранял здание школы. В первый месяц войны он был связным между штабами МПВО. Вот где емугодились довоенные учения! Наступил 1942 год. Погибли почти все собаки, и мой Фред в том числе. В городе остались лишь отдельные животные, которые со своими владельцами терпели блокадные лишения».

В этот же период брат Мэри Юрий Артамонов, ставший полковником армии США, контролировал с американской стороны исполнение плана союзников касающегося авиационного полка «Нормандия-Неман». Упоминание о нем есть в книге Сергея Дыбова «Нормандия – Неман». Подлинная история легендарного авиаполка.

Через интернет мне посчастливилось найти статьи и о Марии Леонидовне, и о ее родителях. Мои поиски сначала привели меня в Ангарский музей часов, которому она подарила в 70-е годы свои старинные часы, унаследованные от отца. Сотрудники музея искали родственников Марии Леонидовны, и я откликнулась. Благодаря музею и этим часам, я стала искать что-либо об ее родителях. На историческом сайте Михаила Минца «Сайт об истории и не только» было размещено письмо одной русской эмигрантки – «Из блокадного Ленинграда – в немецкий концлагерь». В предисловии говорилось, что это письмо Елизавета Ричи, живущая в Америке, нашла в архиве своей

семьи. Она посвятила эту публикацию своей тете, Марии Леонидовне Рикман и всем тем, кто был тогда в Ленинграде. Так я узнала, что в Америке живет племянница Марии Леонидовны.

- - - - -

«ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА – В НЕМЕЦКИЙ КОНЦЛАГЕРЬ»

Письмо из архива Елизаветы Ричи*

Моя дорогая М,

Ты хочешь знать об осаде Ленинграда, и я постараюсь рассказать тебе об этом. В мои счастливые детские года я никогда бы не догадалась обо всех ужасах, которые припасла для меня жизнь: мама, умирающая от голода и непохороненная – сожжённая вместе с другими, без могилы, без креста над её бедным телом!

Наша трагедия началась 8 сентября 1941 года, когда первые немецкие бомбы упали на Бадаевские продовольственные склады и сожгли все запасы. 15 сентября город был окружён, и вырваться из него стало невозможно. Мы допустили огромную ошибку, когда отказались эвакуироваться в начале войны – я не хотела бросать университет, где училась, и мы решили остаться; никто не верил, что немцам позволят дойти до Ленинграда и что это будет так ужасно. В январе самолёты уже не прилетали, но тяжёлая артиллерия продолжала стрелять. Центр города пострадал не сильно, но пригороды уничтожены полностью. Наш Гостиный двор сожжён целиком, он горел несколько недель, мороз был настолько сильным, что не было воды, чтобы потушить огонь. Дома между Екатерининским каналом и Михайловским больше нет, как и нескольких домов вдоль канала и на Фонтанке. Все остальные дома в этом месте остались без оконных стёкол.

Но страшнее бомб, пожаров и холода был голод. Есть было нечего! Люди ели не только кошек, собак, крыс, но и... друг друга! На улицах лежали мёртвые тела, выброшенные семьями, у кото-

* <http://michael-mints.ru/my-publications/publications-russia-ussr/iz-blokadnogo-leningrada-v-nemetskii-kontslager/>

рых уже не оставалось сил, чтобы вывезти их в морг. Мы получили 125 гр[аммов] черного, липкого хлеба в день и больше ничего! Иногда нам приходилось стоять на морозе более чем по 12 часов в ожидании пайка. В «очередях» можно было увидеть, как люди падали замертво, некоторые из них были все распухшие, остальные исхудалые. Даже на Невском снег доходил до колен; водопроводные трубы замёрзли, весь мусор и отбросы выбрасывали на замёрзшие реки, где они накапливались и образовывали целые горы выше балюстрады. Ты можешь представить себе запах! Голодным людям было нечем обогреться, они сжигали собственную мебель, но никакой другой древесины не осталось. Невозможно было похоронить мёртвых, не было дерева для гробов, а почва промёрзла до такой степени, что невозможно было копать; время от времени проезжали большие машины и подбирали мёртвые тела. Конечно, люди вели себя как герои, но пассивно, если можно так выразиться. Всё, что пишут газеты, немного приукрашено и не выражает ужас нашей жизни!

Люди держались до конца, но что ещё могли мы поделать? Мы ожидали смерти и уже не боялись её, в наших сердцах не осталось надежды. Только когда мы услышали, что русские 17 декабря взяли Тверь (Калинин), вернулась небольшая надежда, мы плакали от радости. Но скоро мы вновь погрузились в безнадежное отчаяние; радио было таким же полумёртвым, как и мы сами, и ни о чём не сообщало. И мы ждали и ждали в темноте и холоде.

В феврале 1942 года немцев оттеснили ещё дальше, и нам предложили эвакуироваться, но мама была слишком больна, она опасалась, что может умереть в поезде, и предлагала мне уехать одной, но я не могла бросить её и предпочла бы умереть вместе с нею. Перед смертью она попросила меня сыграть «Лунную сонату»; я играла в неотапливаемой комнате, это доставило ей удовольствие. Когда не осталось признаков жизни, я зашила её тело в одеяло, положила её на санки и отвезла в морг. Я никогда этого не забуду! Ничто не могло быть ужаснее, чем её болезнь и её смерть.

В марте 1942 года мне удалось покинуть Ленинград, а осенью 1942 года, спустя 7 месяцев после маминой смерти, я попала в руки немцев и была отправлена на работы в Германию.

Я прибыла туда в начале 1943 года. Путешествие было ужасным – в переполненном вагоне для скота, почти без еды. Первые 36 часов мы были заперты в вагонах, выходить не разрешали, даже для естественных нужд. Позже мы смогли выходить по очереди, в сопровождении вооружённого немецкого солдата, который часто держал нас за рукав во время процедуры. По прибытии в Германию, во Франкфурт-на-Одере, мы целую неделю находились в специальном лагере (*durgangslager* — транзитный лагерь, где нам пришлось терпеть все виды унижений: мы должны были провести целый день абсолютно голыми для медицинского обследования, переходя из комнаты, натопленной как печка, в комнату, холодную как ледник. «Обследовали» нас молодые эсэсовцы, грубые и наглые. Это продолжалось несколько дней. Затем нас сфотографировали, с номером на шее (мой был 502) и отправили на работы. Я работала на фабрике электрических батареек в большой деревне между Берлином и Франкфуртом-на-Одере.

О, ужасная фабрика!

Там было темно, грязно, холодно. Мы работали с углём для батарей с 6 утра до 6 вечера. Когда мы выходили оттуда, мы были чёрные как негры! Это была трудная работа, мы таскали тяжёлые ящики и вёдра с кипящей смолой. У меня до сих пор остались следы от ожогов этой ужасной смолой.

Вся наша еда состояла из 300 гр[аммов] плохого чёрного хлеба и супа из невымытой моркови и брюквы дважды в день. Из-за такого питания случилась эпидемия фурункулёза. У меня на теле были десятки фурункулов, всех цветов и размеров. Мне казалось, что я сгнию заживо, немецкий деревенский доктор не дал бы мне ничего кроме вазелина. Но Бог милостив; я спаслась благодаря моему сильному организму. Болела 6 месяцев. Когда выздоровела, понемногу привыкла к этой жизни в заточении.

Французские и русские заключённые, работавшие у немецких крестьян, научили нас, что делать: воровать батарейки и менять их на еду и старую одежду, поскольку нам не во что было одеться. К счастью, нас не проверяли на выходе из фабрики, и мы уносили батарейки под одеждой. Но часто устраивались обыски в бараках, и если находили батарейки, это было ужасно! Однаж-

ды, зимой, мы в наказание таскали огромные камни в субботу и воскресенье с 6 утра до полуночи, без отдыха и еды. Но в понедельник каждый нашёл новое «безопасное» место, чтобы прятать батарейки, до следующего обыска.

Несмотря ни на что, наше настроение было очень неплохое, мы храбрились. И всё же мы часто плакали; иногда казалось, что [эта] жизнь никогда не кончится, что мы так и останемся на всю жизнь рабами. Немецкие женщины были особенно отвратительны и жестоки, они презирали нас, потому что мы были в лохмотьях, без чулок, зимой и летом, на ногах одни деревянные башмаки – я бы сказала, деревянные тапочки.

Мы уносили инструменты с фабрики, благодаря этому нам удавалось доставать еду получше, картошку, мы были в состоянии держаться на ногах и работать. По вечерам было очень трудно не упасть духом. Работа заканчивалась в 6, нам требовался по крайней мере час на то, чтобы вымыться, а в 8 мы должны были вернуться в бараки, поскольку нас запирали. Таким образом, у нас был один свободный час в день и по воскресеньям с 2 пополудни. Но если вечером кто-то опаздывал на одну-две минуты, весь лагерь не выпускали целый месяц. Во время этих периодических арестов мне удавалось увидеться с Луи на две-три минуты, мы желали друг другу спокойной ночи через сетку, протянутую между зонами, рискуя быть застигнутыми нашим Lagerführer, сумасшедшим, которому доставляло удовольствие досаждать нам. В этой ограде у нас были тайные выходы, через которые мы выползали наружу по ночам воровать картошку на прилегающих полях. Мы были настоящие воры, но обокрасть немца не было преступлением, они относились к нам, как к животным. На груди мы носили квадрат синей материи с белыми буквами OST. Мы были хуже чумы.

В январе 1945 года пошли слухи, что нас эвакуируют, русских и французов в разные стороны. Чтобы остаться вместе, мы с Луи в ночь со 2 на 3 февраля убежали вдвоём. Мы шли по грязи и снегу 5 дней и ночей, то есть мы шли ночью, а днём прятались в лесу. Пришли в маленький немецкий городок и на бирже труда представились французами, мужем и женой. Немец спросил

наши документы, я рассказала ему такую причудливую историю; не могу понять, как так получилось, что он мне поверил. Но было время беспорядочной эвакуации с Одера, так что это оказалось возможным. Итак, мы получили разрешение на проживание в маленькой деревушке, Луи в бригаде заключённых, я — в малюсенькой комнатке в бараке, полном угля. Мы оба работали на швейной фабрике [неразборчиво], но чувствовали, что конец войны приближается, и не усердствовали. 26 апреля, после трёх дней и ночей в лесах под обстрелом русской артиллерии, мы были освобождены войсками Красной армии. Мы ещё не были в безопасности, немцы обстреливали нас с другого берега Шпрее. Луи полз и тащил нашу маленькую ручную тележку с едой, ему удалось её сохранить; все остальные тележки, оставленные нашими спутниками посреди дороги, были смяты атакующими танками. Целую неделю мы шли пешком в сторону польской границы и добрались до Познани. Там мы оставались три недели у добрых людей, которые накормили нас, не взяв ничего взамен. Затем получили паспорт во французской военной миссии в Варшаве и отправились в сторону Чехословакии – путешествие было долгим и утомительным. Три дня мы провели в Праге, потом сели на самолёт до Парижа. Луи был вне себя от радости!»

БАБУШКИНЫ БУСЫ

Сначала сотрудница Музея часов Баирма Бартанова, узнала электронный адрес и написала Елизавете Ричи письмо. Вслед за тем, я также связалась с ней. Лизи Ричи идёт девятый десяток, она американская переводчица, поэтесса. Оказалось, что она издала книгу своих стихов о родных с названием «Бабушкины бусы» (Elisavietta Ritchie «Babushka's Beads: A Geography of Genes»). Елизавета Ричи, когда приезжала в Россию в 1997 году, передала Марии Леонидовне бусы ее матери – своей бабушки. Мария Леонидовна носила их, уже не снимая, до самой смерти. Елизавета забрала их обратно из больницы, когда она приезжала хоронить Марию Леонидовну. Один экземпляр книги стихов она выслала и мне.

Из книги я узнала подробности жизни Елизаветы Артамоновой (Хартман):

*She described how she put the Tsarina at ease
at Kronstadt Fortress with kind English words,*

*recalls the splendid count on Nevsky Prospekt
encountered years later in rags, who remembered
the lapis lazuli in her chestnut curls.*

*She agreed Rasputin was opportunistic and odd
but not, surely, as bad as Saint Petersburg hissed,
for though a nation's fate should outweigh a mother's love
that, too, was understandable.*

*She tells of the Bolshevik jail:
shoved into the prostitutes' cell,
she resolved their fights
and they begged her to stay in **their** cell,
not be moved to the aristocrats' wing.*

*Она рассказывала, как она успокаивала царицу
в Кронштадтской крепости добрым английским словом,
вспоминает о блистательной графине на Невском Проспекте,
встреченную годы спустя в лохмотьях и вспоминавшую
лазурит в своих каштановых локонах.*

*Она соглашалась, что Распутин был приспособленцем
и странным типом,
но не так плох, как шипел на него Санкт-Петербург,
хотя судьба нации должна перевешивать любовь матери,
что тоже понятно.*

*Она рассказывает о большевистской тюрьме:
брошенная в камеру проституток,
она разрешила их бои,
и они умоляли ее остаться в их камере,
и не быть перемещенной в крыло аристократов.*

В книге было написано и про военный путь генерала Леонида Артамонова.

*My father described how his father explored
Abssinia, Algeria, Central Asia, Siberia.
Wrote books on his travels, commanded fortresses,
sailed to America to sign the Peace of Portsmouth,
NH, 1905. end of the Russo-Japanese War
....
But the year is 1915.
He will not govern for long.
Both sons will uphold the family name*

*on shifting battlefields.
Ivan will die fighting with valor,
Yuri will escape, and thrive in exile,
Maria will be forbidden to leave.*

*Мой отец писал, как его отец исследовал
Абиссинию, Алжир, Центральную Азию, Сибирь.
Писал книги о своих путешествиях, командовал крепостями,
плавал в Америку, чтобы подписать мир Портсмута,
Нью-Хэмпшир, 1905-го, чтобы окончить Русско-японскую
войну.*

...

*Но год 1915.
Он не будет править долго.*

*Оба сына будут защищать честь фамилии
на меняющихся полях сражений.
Иван погибнет, сражаясь с доблестью,
Юрий бежит и будет процветать в изгнании,
Марии будет запрещено уехать.*

Тогда я и узнала, что был у Мэри еще один брат – Иван, который воевал в гражданскую войну на стороне белых, и его убили на южном фронте. Он воевал в составе деникинской армии!

*In boyhood photographs, Ivan's narrow face
is grave, his eyes dead serious, as if they knew.*

*In the Civil War between White and Red armies?
his novel written at 19 left unfinished in Leningrad
with his poems and schoolboy themes in purple ink,*

*he was shot in battle north of Kharkov near Putivl,
a hamlet not on my old map. Those who survived
described his courage: «he was tireless under fire.»*

*Did is comrades bear his body to a church?
Find a priest to sing his soul to God?*

*Or, ever in retreat, did they leave him in a ditch,
Scarce time to shovel that black earth, sign a cross?
Or just grab his rifle, fight, retreat, retrench, retreat...*

*На детских фотографиях узкое лицо Ивана выглядит мрачно,
глаза серьёзны, будто они все знали.*

*Во время Гражданской войны между белыми и красными
он, девятнадцатилетний, оставил в Ленинграде неокончен-
ный роман,
стихи и школьные эссе, написанные фиолетовыми чернилами.*

*Он был застрелен в битве к северу от Харькова, недалеко
от Путивля,
Деревни, которой нет на моей старой карте.
Те, кто выжил, описали его:
«Он был неутомим под огнем».*

*Отнесли ли товарищи его тело в церковь?
Нашли ли священника, чтобы отпеть его?*

*Или, отступая, оставили его тело в окопе,
не успев даже закопать и поставить крест?
Или просто схватили его винтовку и сражались,
отступали, окапывались и вновь отступали....*

Вот «пазл» и сложился, круг сомкнулся. Мой дедушка Давид воевал в то же время на том же фронте, где воевал брат Иван. Только воевали они по разные стороны.

Но все эти люди живут в моем сердце, всех их я люблю, включая и Ивана, о котором я узнала только сейчас. Зная Мэри и глядя на фотографию Ивана, я понимала, что ее братья были глубоко порядочными людьми. И я ни от кого

не хочу отказываться. В Гражданскую войну все они защищали свои убеждения, и у каждого была своя правда. Красные выходили с лозунгами «Землю – крестьянам, фабрики – рабочим», а белые воевали с лозунгами «За Россию». Каждый хотел спасения для себя, своей семьи и блага для отечества, в котором они жили.

В моей семье были люди разных политических и религиозных взглядов, разных сословий. Среди них есть те, кто когда-то стоял на разных сторонах баррикад: красные и белые, евреи и антисемиты, дворяне и крестьяне. И они все во мне: в моей памяти, в моей душе. И все они теперь разместились на моей общей семейной фотографии памяти, и лица всех я вижу отчетливо.

Все, кто упомянут в этой книге, пережили много страданий, вызванных историческими потрясениями – революциями, войнами, репрессиями. Их жизнь была по рукам, а они продолжали устраивать свою жизнь и жизнь своей семьи; у них все отнимали, они все создавали вновь; их хотели придавить, а они радовались жизни; их хотели запугать, а они не боялись жить.

Н. А. Шеманова

**Семейная фотография
на фоне революции**

*Издатель Леонид Янович
Технический директор Евгений Янович
Корректор Ольга Крупченко
Верстка Наталья Зотова
Обложка Ульяна Янович*

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон: +7 (916) 651-3094
по вопросам реализации: +7 (985) 427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 28.06.2018
Формат 84x108/32. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,75
Тираж 500 экз. Заказ №

